

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://royallib.ru)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

□

После...

Гийом Мюссо

- [Пролог](#)
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [Сноски](#)

Гийом Мюссо

Пролог

Остров Нантакет штат Массачусетс

Осень 1972 года

На острове, в западной его части, пряталось в болотистых берегах озеро Санкати Хед. Погода здесь стояла славная — после нескольких холодных дней вернулось тепло; яркие краски бабьего лета, как в зеркале, отражались в водной глади.

— Эй, иди сюда, гляди!

Мальчик подошел к берегу и посмотрел в том направлении, куда указывала его спутница. По озеру, окруженная хороводом опавших листьев, грациозно скользила крупная птица. Гибкая длинная шея, белоснежное оперение, черный как смоль клюв — какое величие! Это был лебедь; когда до детей оставалось всего несколько метров, птица скрылась под водой — и вот снова показалась на поверхности. Из ее горла вырвался протяжный крик, нежный и мелодичный в сравнении с жалкими стонами желтоклювых собратьев.

— Я хочу погладить его!

Девочка подошла совсем близко, к самой воде, и протянула руку. Испуганная птица резким движением расправила крылья и оторвалась от поверхности озера. Девочка от неожиданности потеряла равновесие и, не удержавшись, камнем упала в воду.

Вмиг от холода у нее перехватило дыхание, грудную клетку сдавило. Для своего возраста она неплохо плавала — порой ей удавалось одолеть несколько сот метров брассом, но то на пляже и в теплую погоду. А в озере вода была ледяная, берег слишком крутой; она отчаянно барахталась, изо всех сил борясь с водной стихией. Потом ее охватил ужас: кажется, ей никогда не выбраться на берег...

Увидев подругу в беде, мальчик, не медля ни секунды, бросился на помощь — мгновенно скинул кроссовки и прямо в одежде прыгнул в воду.

— Не бойся! Держись за меня!..

Девочка уцепилась за своего спасителя. Он с трудом добрался до берега, захлебываясь водой, и изо всех сил вытолкнул подругу на сушу. А когда попытался выбраться сам, тело неожиданно ослабело.словно две мощные руки тащили его ко дну, он задыхался, сердце бешено колотилось, голову сжимало тисками. Он боролся из последних сил, несмотря на безвыходность положения, пока легкие не заполнились водой и стало невозможно больше сопротивляться. В висках невыносимо стучало, яркая вспышка — и крошечная тьма... Окутанный ею, он погрузился в воду.

Никакой надежды, только холодная, жуткая тьма. И вдруг — луч света!..

1

Одни рождаются великими, другие достигают величия.

Шекспир^[1]

Манхэттен Наши дни

9 декабря

В это утро, впрочем, как и во все остальные, Натана Дель Амико разбудили два звонка — он всегда заводил два будильника: один механический, другой на батарейках. Мэллори находила это забавным. Он позавтракал кукурузными хлопьями, облачился в тренировочный костюм, натянул издававшие виды кроссовки «Рибок» — предстоит ежедневная пробежка.

Увидел себя в зеркале лифта: молодой мужчина, в неплохой физической форме, вот только лицо усталое. «Отдых тебе нужен, мой дорогой Натан», — подумал он, пристально разглядывая синеватые тени под глазами. Плотнo, до самого верха застегнул куртку, надел теплые перчатки,

шерстяную шапку с эмблемой команды «Нью-йоркские янки» и вышел на улицу. Глоток холодного воздуха, согретый в легких, — облако пара при выдохе.

Квартира Натана находилась на двадцать третьем этаже небоскреба «Сан-Ремо», одного из самых шикарных зданий Верхнего Вестсайда; окна выходили прямо на Централ-Парк-Уэст.

Было еще темно, очертания роскошных высотных сооружений по обеим сторонам улицы только начинали выступать из сумерек. Сегодня обещали снег, но прогноз пока не сбывался. Натан побежал трусцой.

Квартал выглядел празднично: повсюду гирлянды, двери домов украшены венками из падуба. Пробежав не останавливаясь мимо Музея естествознания, Натан углубился в парк. В столь ранний час здесь не было ни души, да холод и не располагал к прогулкам. Ледяной ветер дул с Гудзона, сметая мусор с беговой дорожки, что огибает искусственное озеро посреди Центрального парка.

Считалось опасным бегать вокруг озера до рассвета, но Натан не обращал на это внимания: он много лет тренировался здесь, и ничего ужасного с ним не случилось. Ни за что на свете он не отказался бы от своей ежедневной пробежки!

Через сорок пять минут он остановился в районе Траверс-роуд, выпил воды и устроился на лужайке немного передохнуть. Подумал о мягких зимах Калифорнии, вспомнил побережье Сан-Диего с десятками километров пляжей, будто специально придуманных для пробежек. Мгновение — и воспоминания захватили его целиком. Словно наяву он услышал звонкий смех Бонни, дочери. Как он по ней скучает! Воображение живо рисовало ему лицо Мэллори — жены, ее огромные глаза цвета моря...

Натану пришлось сделать над собой усилие, чтобы стряхнуть наваждение. *«Хватит беречь раны!»* — сказал он себе. Однако все сидел и сидел, как прикованный, на газоне. Давящая пустота поселилась у него в душе после ухода жены и вот уже несколько месяцев не давала покоя. Он и не подозревал до сих пор, что можно чувствовать себя таким одиноким и несчастным... В глазах у мужчины блеснули слезы, но ледяной ветер в тот же миг осушил их.

Натан глотнул еще воды. С самого утра в груди ощущалось странное стеснение, что-то вроде ноющей боли, которая не давала сделать полный вдох. Между тем в воздухе закружились первые хлопья снега; мужчина поднялся и поспешил домой, прибавив темп, — нужно было успеть принять душ.

Безукоризненно выбритый, в темном костюме, Натан вышел из такси на углу Парк-авеню и 52-й улицы и направился к стеклянной башне — здесь располагались офисы компании «Марбл и Марч». Из всех деловых адвокатских фирм города «Марбл» была самой успешной: более девятисот служащих на территории Соединенных Штатов, около половины из них в Нью-Йорке.

Натан начал карьеру в представительстве в Сан-Диего и сразу завоевал всеобщее расположение — сам директор фирмы Эшли Джордан предложил его кандидатуру на руководящую должность. Так, в тридцать один год Натан вернулся в город своего детства, где его ждал пост заместителя начальника отдела слияний и поглощений. Удивительный взлет в таком возрасте: Натан осуществил свою мечту — стал лоббистом, одним из самых молодых и знаменитых адвокатов.

Он не играл на бирже и никогда не пользовался какими-либо связями, чтобы преуспеть в жизни. Зарабатывал деньги собственным трудом — заставлял уважать законы, защищая права граждан и компаний. Блестящ, богат и горд собой — таким казался Натан Дель Амико со стороны.

Первую половину этого дня он занимался текущими делами, встречаясь с сотрудниками, чью работу контролировал. К полудню Эбби подала ему кофе и соленые крендели с тмином и сливочным сыром. Вот уже много лет Эбби была его помощницей. Родилась она в Калифорнии, но настолько привязалась к Натану, что последовала за ним в Нью-Йорк. Средних лет, не замужем, всю себя она отдавала работе. Натан всецело ей доверял и, никогда не сомневаясь в результате, поручал самые ответственные дела. Эбби обладала незаурядными способностями, что позволяло ей выдерживать бешеный темп, который задавал начальник. Пусть ей и приходилось тайком поглощать в больших количествах фруктовые соки с витаминами и кофеином.

На ближайший час не было запланировано никаких встреч. Натан решил воспользоваться паузой

и отдохнуть. Боль в груди не оставляла его; он ослабил узел галстука, помассировал виски и сбрызнул лицо холодной водой. *«Перестань думать о Мэллори!»* — приказал он себе.

— Натан? — Эбби вошла без стука, как всегда, когда они оставались одни, и, сообщив ему расписание на вторую половину дня, добавила: — Утром позвонил друг Эшли Джордана и попросил о срочной встрече. Его зовут Гаррет Гудрич.

— Гудрич? Никогда не слышал.

— Как я поняла, это друг детства Джордана. Известный врач.

— Чего он хочет? — Натан удивленно приподнял брови.

— Не знаю, он не сказал. Заметил только, что Джордан считает вас лучшим.

«Это правда, я не проиграл ни одного процесса за все время своей профессиональной деятельности. Ни единого».

— Пожалуйста, свяжите меня с Эшли.

— Час назад он уехал в Балтимор по делу Кайла.

— А, да, точно! В котором часу придет этот Гудрич?

— Я назначила ему на семь.

Эбби уже вышла из кабинета, но потом повернулась, просунула голову в приоткрытую дверь и добавила:

— Это, должно быть, по вопросу привлечения к ответственности какого-нибудь врача. Иск пациента или что-то подобное.

— Наверное, — согласился Натан, снова погружаясь в бумаги. — Если это так, мы отправим его в отдел на четвертом этаже.

Гудрич пришел чуть раньше семи, и Эбби сразу же проводила его к Натану. Высокий мужчина крепкого сложения, длинное пальто безупречного покроя и темно-серый костюм подчеркивали статную фигуру. Вошел уверенным шагом, остановился посреди кабинета — мощные, как у борца, плечи придавали его фигуре какую-то особую значимость, — широким жестом сбросил пальто и протянул Эбби. Затем запустил пальцы в седые волосы, поправил непослушную густую шевелюру; наверняка ему уже за шестьдесят. Медленно поглаживая короткую бородку, посетитель впился в адвоката пронизывающим взглядом. Как только их взгляды встретились, Натан ощутил недомогание — дыхание участилось и мгновенно потемнело в глазах...

2

И увидел я одного Ангела, стоящего на солнце.

Апокалипсис, XIX, 17

— Как вы себя чувствуете, господин Дель Амико?

«Черт побери, да что это со мной?!»

— Да... да нет, ничего, просто перехватило дыхание... переутомился немного.

Однако он не убедил посетителя.

— Я врач. Если хотите, я вас осмотрю. Охотно сделаю это! — предложил вошедший бодрым голосом.

Хозяин кабинета попытался улыбнуться:

— Спасибо, не нужно, все в порядке.

— Правда?

— Уверяю вас.

Не ожидая особого приглашения, Гудрич расположился в одном из кожаных кресел и внимательно оглядел все вокруг: стены увешаны книжными полками, на них старинные издания; массивный письменный стол, элегантный диванчик — вид респектабельный.

— Итак, что вам угодно, доктор Гудрич? — осведомился Натан после небольшой паузы.

Доктор скрестил ноги и принялся раскачиваться в кресле. Потом ответил:

— Мне от вас ничего не нужно, Натан... вы позволите вас так называть?

По форме — вопрос, но похож на утверждение.

Адвокат не смутился:

— Вы пришли ко мне по профессиональному вопросу? Наша фирма защищает врачей, которых преследуют пациенты...

— К счастью, это не мой случай, — перебил его Гудрич. — Я не оперирую, когда слишком много выпью. Глупо ампутировать здоровую правую ногу вместо больной левой, правда?

Натан снова изобразил подобие улыбки.

— Так что же привело вас ко мне, доктор Гудрич?

— Ну хорошо, у меня несколько лишних килограммов, но...

— Согласитесь, это не требует помощи адвоката.

— Согласен.

«Этот тип принимает меня за идиота!»

В кабинете воцарилось продолжительное молчание, но особого напряжения не чувствовалось. Впрочем, Натан не отличался излишней впечатлительностью; профессия сделала из него непробиваемого собеседника — такого очень непросто вывести из равновесия в разговоре.

Он пристально смотрел на посетителя: где-то он уже видел этот высокий лоб, мощную челюсть, густые брови... Глаза Гудрича не выражали никакой враждебности, однако почему-то Натан почувствовал себя в опасности.

— Выпьете что-нибудь? — Адвокат старался сохранять спокойствие.

— С удовольствием. Стаканчик «Сан-Пелегрино», если можно.

Пришлось подождать, пока Эбби принесет воды. Гудрич встал с кресла, сделал несколько шагов и устремил явно заинтересованный взгляд на книжные полки. *«Ага, мы здесь как дома!»* Натан все больше раздражался. Возвращаясь на место, доктор заметил на столе бронзовую фигурку лебедя и взял ее в руки.

— Таким предметом можно убить человека, — заявил он, прикинув вес лебедя.

— Без сомнения, — согласился Натан, криво улыбнувшись.

— В древних кельтских текстах находят множество упоминаний о лебедях, — негромко произнес Гудрич, словно обращаясь к самому себе.

— Вы интересуетесь культурой кельтов?

— Семья моей жены родом из Ирландии.

— Моей тоже.

— Вы хотите сказать — вашей бывшей жены.

Натан так и пронзил его взглядом.

— Эшли мне говорил, что вы в разводе, — спокойно объяснил Гудрич, крутясь в удобном мягком кресле.

«Старый сплетник! Лучше бы рассказал этому типу о своей жизни!»

— В кельтских текстах, — продолжил Гудрич, — говорится о том, что существа из другого мира, попадая на землю, часто принимают образ лебедя.

— Очень поэтично, но не могли бы вы объяснить...

Их разговор прервала Эбби. Она внесла на подносе бутылку и два больших стакана, наполненных пенящейся водой. Врач отставил фигурку, взял стакан и медленно выпил содержимое, будто наслаждался каждым глотком.

— Что это? — Он указал на царапину на левой руке адвоката.

Тот пожал плечами.

— Пустяки, поцарапался о решетку во время пробежки.

Гудрич отставил стакан и назидательно проговорил:

— В тот самый момент, когда вы произносите эти слова, сотни клеток кожи находятся в процессе восстановления. Когда погибает одна клетка, другая ее замещает. Феномен тканевого гомеостаза.

— Рад это узнать.

— Вместе с тем большое количество нейронов вашего мозга разрушается каждый день начиная с двадцатилетнего возраста.

— Это, полагаю, удел каждого человека.

— Точно — постоянное равновесие между созиданием и разрушением.

— Почему вы мне все это рассказываете?

— Потому что смерть — повсюду. В каждом человеке на любом отрезке его жизни ведут борьбу две противоположные силы — жизнь и смерть.

Натан поднялся и двинулся ко входной двери кабинета:

— Вы позволите?

— Пожалуйста.

Адвокат направился в зал секретариата, к свободному компьютеру, подключился к Интернету и начал поиск по сайтам нью-йоркских больниц. Человек, сидящий в его кабинете, не самозванец. Не проповедник, не сбежавший из больницы душевнобольной — его действительно звали Гаррет Гудрич. Хирург-онколог, стажуется в главном медицинском госпитале Бостона, сейчас работает в больнице Стейтен-Айленда и там же руководит Центром паллиативной помощи. Влиятельное лицо, светило медицины: фото в Интернете соответствует ухоженному лицу шестидесятилетнего мужчины, который ждал в соседней комнате.

Натан внимательно прочитал резюме гостя: он никогда не бывал ни в одной больнице, где работал доктор Гудрич. Почему же его лицо казалось таким знакомым? Именно этот вопрос занимал Натана на обратном пути в кабинет.

— Итак, Гаррет, вы говорили о смерти? Вы позволите называть вас Гарретом?

— Я говорил о жизни, Дель Амико, о жизни и о времени, которое уходит.

Натан воспользовался этими словами, чтобы подчеркнуто посмотреть на часы — дал понять, что у него есть дела и гостю пора уходить.

— Вы слишком много работаете, — только и сказал Гудрич.

— Очень тронут, что кто-то заботится о моем здоровье.

Снова воцарилось молчание — такая тишина сближает и в то же время давит; напряжение возрастало.

— Я в последний раз спрашиваю, господин Гудрич, чем могу быть вам полезен?

— Нет, Натан, думаю, это я мог бы быть вам полезен.

— Не очень хорошо понимаю...

— Ничего, Натан, потом поймете. Некоторые испытания бывают тяжелыми, вы узнаете.

— На что вы намекаете?

— Я говорю, что необходимо быть готовым к испытаниям.

— Не понимаю.

— Кто знает, что ждет нас завтра? Важно правильно расставить приоритеты в жизни.

— Очень глубокая мысль, — насмешливо отозвался адвокат. — Это что, угроза?

— Нет, это послание.

«Послание?» Взгляд Гудрича почему-то вселял тревогу. «Выброси его вон, Нат! Этот тип несет вздор. Не дай выставить себя дураком».

— Возможно, мне не стоит этого говорить, но... если бы вы пришли не от Эшли Джордана, я бы вызвал охрану и приказал выбросить вас на улицу.

— Не сомневаюсь, — улыбнулся Гудрич. — С Эшли Джорданом я, к вашему сведению, не знаком.

— Я считал, что он ваш друг!

— Да нет, мне просто нужен был предлог, чтобы попасть к вам.

— Пойдите... если вы не знаете Джордана, кто вам рассказал о моем разводе?

— Это написано на вашем лице.

Ну все, это последняя капля. Адвокат резко встал и с плохо скрываемым раздражением открыл дверь:

— Мне нужно работать!

— Вы уверены, что это так? Ладно, я вас оставляю... пока оставляю.

Гудрич поднялся. Падающий свет очертил его мощный силуэт — этаким несокрушимый гигант. Доктор направился к двери и, не оборачиваясь, шагнул за порог.

— Что вам от меня нужно? — растерянно крикнул Натан ему вслед.

— Думаю, вы знаете, что мне нужно, Натан. Думаю, вы это знаете, — бросил Гудрич уже из коридора.

— Ничего я не знаю! — Адвокат хлопнул дверью, тут же снова распахнул ее и прокричал в глубину коридора: — Я не знаю, кто вы такой!

Но Гаррет Гудрич был уже далеко.

3

Удачная карьера — чудесная вещь, но к ней не прижмешься ночью, когда станет холодно.

Мэрилин Монро

Натан закрыл дверь, сел, зажмурил глаза, прижал колбу стакан воды и оставался в таком положении несколько минут. Смутно он чувствовал, что еще услышит о Гаррете Гудриче, что инцидент не исчерпан и у него будет возможность убедиться в этом. Работать больше не получится. Кровь прилила к лицу, боль в груди все усиливалась и мешала сосредоточиться...

Он встал и, не выпуская стакан из рук, сделал несколько шагов к окну — хотелось посмотреть на синеватые отблески окон «Хелмсли-билдинг». Этот небоскреб рядом с огромным, несимпатичным зданием «Метлайф» кажется настоящей жемчужиной. Башня в форме пирамиды, что венчает крышу, придаст ему какую-то живость и элегантность. Несколько минут Натан наблюдал за потоком транспорта, который двигался к югу по двум гигантским эстакадам, переброшенным через улицу. Хлопья снега беспрерывно падали на город, окрашивая все вокруг во всевозможные оттенки белого и серого.

Каждый раз, когда Натан подходил к окну, его охватывало тягостное чувство. Во время событий 11 сентября он работал за компьютером, когда произошел первый взрыв. Ему никогда не забыть того чудовищного, полного ужаса дня: столбы дыма, окрасившие в черный цвет прозрачное небо; громадное облако из пыли и обломков обрушенных башен. Впервые за все время Манхэттен с его небоскребами показался Натану маленьким и уязвимым... Как большинство его коллег, он старался не возвращаться в разговорах к пережитому кошмару; «business as usual», что означает: «дело делается в любом случае». Однако жители Нью-Йорка говорили, что город уже никогда не станет прежним.

«Так я ничего не успею». Тем не менее Натан отобрал три папки, положил в сумку — к большому удивлению Эбби, решил поработать дома. Так рано он не уходил с работы, наверное, целую вечность. Обычно трудился по четырнадцать часов в день шесть дней в неделю, а после развода часто приходил сюда и по воскресеньям; проводил на работе больше времени, чем все остальные служащие.

Последний его успех: несмотря на всеобщие опасения, ему удалось довести до конца дело, о котором много писали в газетах, — осуществить слияние предприятий «Доуни» и «Нью вэкс». В связи с этим успехом в одной из самых известных профессиональных газет, «Нэшнл лойер», появилась хвалебная статья. Своими победами Натан вызывал раздражение у большинства коллег — слишком образцовый, просто-таки безукоризненный.

Прохладный воздух улицы принес некоторое облегчение; снег почти кончился. Ожидая такси, Натан слушал, как дети, облаченные в белоснежные одежды, поют «Ave verum corpus»^[2] у церкви Святого Варфоломея. В этой музыке сквозило что-то нежное и вместе с тем волнующее.

Натан приехал в «Сан-Ремо» чуть позже шести, приготовил чай и снял трубку телефона. В Сан-Диего три часа дня: Бонни и Мэллори, возможно, дома. Через несколько дней Бонни должна была приехать к нему на каникулы, и он хотел уточнить детали. С опаской набрал номер; на другом конце провода включился автоответчик: «Вы звоните Мэллори Векслер. В данный момент я не могу ответить...»

Приятно слышать ее голос — все равно что глоток воздуха после долгого удушья. Ему хватало теперь такой мелочи — это ему-то, человеку, который не привык довольствоваться малым. Внезапно запись на автоответчике прервалась:

— Алло!

Натану стоило нечеловеческих усилий взять жизнерадостный тон, подчиняясь старому, глупому рефлексу — никогда и никому не показывать своих слабостей, даже жене, знающей его с детства.

— Привет, Мэллори!

Сколько времени прошло с тех пор, когда он называл ее «любовь моя»?

— Здравствуй, — холодно ответила она.

— Как дела?

Мэллори оборвала его:

— Что тебе нужно, Натан?

«Хорошо, я понял: еще не пришел день, когда ты будешь нормально со мной разговаривать».

— Я звоню договориться о поездке Бонни. Она дома?

— Она на уроке музыки. Вернется через час.

— Может, ты скажешь, во сколько она прилетает? Кажется, ее самолет вечером...

— Она придет через час, — повторила Мэллори, торопясь закончить разговор.

— Отлично! Ну ладно, до встречи...

Но Мэллори недослушала — уже положила трубку.

Натан никогда не думал, что в их отношениях наступит такой холод. Как получилось, что люди, которые были невероятно близки, вдруг стали совсем чужими друг другу? Натан прилег на диван в гостиной и принялся разглядывать потолок. Как же наивен он оказался! Все вполне закономерно, стоит только посмотреть вокруг: разводы, предательства, усталость... На работе жестокая конкуренция; только те, кто жертвовал полноценной семейной жизнью и свободным временем, могли рассчитывать на успех. Каждый клиент фирмы оценивался в десятки миллионов долларов — это требовало полной отдачи со стороны адвокатов. Таковы были правила игры, цена, которую приходилось платить, чтобы достигнуть высшего уровня. Натан принял эти правила и взамен получил ежемесячную зарплату в размере сорока пяти тысяч долларов. Помимо этого, как компаньон, он имел ежегодную премию — полмиллиона долларов. На его банковском счету было около миллиона.

Но личная жизнь катилась по наклонной — и семья распадалась. Дошло до того, что он перестал находить время позавтракать дома или проверить у дочери уроки. Еще через несколько месяцев они с женой развелись. Конечно, он был не единственным мужчиной в таком положении — подобная участь постигла более половины его коллег, но ведь это не утешение.

Его дочь Бонни тяжело переживала происходящее в семье. В семь лет иногда писалась по ночам — по словам Мэллори, из-за острых приступов страха. Звонил он ей каждый вечер, но хотел-то видаться... *«Нет, — думал Натан, удобнее устраиваясь на диване, — если человек спит один в своей постели, если вот уже три месяца не видел дочь — ничего он не добился в жизни, пусть и заработал миллион».*

Натан снял с пальца обручальное кольцо, которое продолжал носить и после развода. На внутренней стороне прочел отрывок из Песни Песней^[3] — Мэллори выгравировала его к свадьбе: «Крепка, как смерть, любовь наша». Продолжение он знает: «Большие воды бессильны потушить любовь, и реки не зальют ее». Чепуха все это, слюни для влюбленных юнцов! Любовь отнюдь не совершенная субстанция, которая противостоит времени и обстоятельствам.

Когда-то он верил, что его семья представляет собой нечто исключительное, не поддающееся логическому объяснению. Они с Мэллори знали друг друга с десяти лет; с самого начала их связывала невидимая нить — судьба будто решила сделать этих двоих истинными союзниками, способными выдержать любые жизненные испытания.

Натан засмотрелся на фотографии бывшей жены, расставленные в рамках на комоде. Взгляд

задержался на самой последней, которую он добыл не без помощи Бонни. На снимке лицо Мэллори казалось бледным — свидетельство трудного периода расставания. Но эти длинные ресницы, гонкий нос, белые зубы... Фотографию сделали во время прогулки по Силвер-бич, пляжу серебристых ракушек. Косы Мэллори были приподняты и закреплены черепаховой заколкой, а небольшие очки делали ее похожей на Николь Кидман в фильме «С широко закрытыми глазами», хотя ей не нравилось такое сравнение. Натан невольно улыбался, глядя на пестрый пуловер — один из любимых пуловеров Мэллори, связанных собственноручно. Выглядела она в нем шикарно и казалось такой беззаботной.

Мэллори получила степень доктора наук экономики окружающей среды и преподавала в университете. Но с тех пор как переехала в старый дом своей бабушки, недалеко от Сан-Диего, она оставила занятия и полностью погрузилась в работу различных ассоциаций, которые помогали нуждающимся. Занималась сайтом одной общественной организации, рисовала акварели и мастерила миниатюрную мебель, украшая ее ракушками. Свои изделия продавала туристам, когда летом уезжала в Нантакет. Ни деньги, ни социальный статус ничего для нее не значили. Она любила повторять, что прогулка в лесу или по пляжу не стоит ни доллара.

Натан такое отношение к жизни не признавал. «Легко так говорить, когда ни в чем не нуждаешься и никогда не нуждался!» — отвечал он обычно.

Мэллори родилась в обеспеченной семье и носила известную в определенных кругах фамилию. Ее отец был генеральным директором самой перспективной юридической фирмы Бостона; девушке не нужно было делать карьеру, чтобы завоевать социальный статус, — она с ним родилась.

Еще мгновение — и Натан ясно представил, как расположены родинки на ее теле... попытался прогнать воспоминание. Открыл папки, которые принес с собой, включил компьютер, сделал какие-то записи и надиктовал несколько писем для Эбби. К половине десятого прозвенел наконец долгожданный звонок.

— Привет, пап!

— Привет, бельчонок!

Бонни подробно, ничего не упуская, поведала, как прошел ее день, — девочка привыкла так делать, еще когда они имели возможность разговаривать ежедневно. Рассказала о тиграх и бегемотах, которых видела во время экскурсии в зоопарк. Натан расспросил ее об учебе и о школьном футбольном матче. По иронии судьбы, лишь когда Натана и его дочь разделили три тысячи километров, он начал подолгу разговаривать с ней.

Внезапно Бонни с беспокойством в голосе сказала:

— Хочу тебя попросить...

— Все что угодно, дорогая.

— Я боюсь одна лететь на самолете. Может быть, ты заберешь меня в субботу?

— Но это смешно, Бонни, ты уже большая девочка!

Как раз на эту субботу у Натана была назначена деловая встреча: последние приготовления к процессу примирения двух фирм, над которым он работал вот уже два месяца; Натан сам настоял на проведении встречи именно в этот день.

— Прошу тебя, пап, заberi меня!

Натан слышал, как на другом конце провода дрожит голосок Бонни, чувствовал — дочка готова расплакаться. Бонни не свойственно было капризничать; раз она отказывается лететь одна, стало быть, правда боится. Меньше всего на свете ему хотелось огорчать ее, особенно сейчас!

— Нет проблем, милая, буду! Обещаю!

Бонни успокоилась, и они поговорили еще несколько минут. Чтобы рассмешить дочь, Натан рассказал анекдот, забавно подражая голосу Винни-Пуха, рекламирующего горшочек меда.

— Я тебя люблю, девочка моя!

Натан положил трубку и еще несколько минут пытался осмыслить последствия переноса субботней встречи. Конечно, можно было заплатить кому-нибудь, чтобы Бонни забрали в Калифорнии, но он быстро отбросил эту мысль: Мэллори никогда ему не простит такое. И потом,

Натан обещал Бонни, что сам приедет. Ничего, он найдет выход.

Он записывал какую-то информацию на диктофон, лежа на диване, и неожиданно уснул — с включенным светом и прямо в обуви. Подскочил от звонка домофона: Питер, портье.

— К вам посетитель — доктор Гаррет Гудрич.

Натан посмотрел на часы: черт побери, уже девять! У него не было никакого желания пускать этого типа в свою квартиру.

— Питер, не пускайте его, я не знаю этого господина.

— Не валяйте дурака! — прокричал Гудрич, выхватив трубку у портье. — Это важно!

«Господи! За что мне это?» Натан потер глаза; в глубине души он сознавал, что ничего не прояснится, пока он не поговорит с Гудричем начистоту. Или хотя бы поймет, что нужно от него этому человеку.

— Хорошо, можете его пропустить, Питер.

Натан застегнул рубашку, открыл дверь и вышел на площадку, чтобы встретить доктора, — тот быстро поднялся на двадцать третий этаж.

— Что вы здесь забыли, Гаррет? Вы видели, сколько времени?

— Хорошая квартира. — Тот заглядывал внутрь.

— Я вас спрашиваю, что вы здесь делаете.

— Думаю, вам нужно пойти со мной, Дель Амико.

— Да плевал я на вас! Вы не можете мне приказывать.

Гаррет взял другой тон:

— А если вы мне просто доверитесь?

— А где гарантия, что вы не опасны?

— Абсолютно никакой. — Гудрич пожал плечами. — Каждый человек потенциально опасен, уверяю вас.

Засунув руки в карманы, укутанный в длинное пальто, Гудрич безмятежно шел по улице. Натан плелся на шаг позади, потирая озябшие руки.

— Ужасный холод!

— Вы что, всегда жалуетесь? — осведомился Гаррет. — Летом в этом городе духота, но зимой Нью-Йорк поистине прекрасен.

— Вздор!

— Холод консервирует и убивает микробы, и потом...

Натан не дал Гудричу закончить:

— Давайте хотя бы поймаем такси! — Подошел к обочине и поднял руку. — Стой! Стой!

— Прекратите кричать, это смешно!

— Если вы считаете, что я, к вашему удовольствию, собираюсь все себе отморозить, вы ошибаетесь!

Две машины проехали мимо, даже не притормозив. Наконец рядом с мужчинами остановилось желтое такси. Они сели в автомобиль. Гудрич сказал водителю, куда ехать: пересечение Пятой авеню и 34-й улицы.

Натан потер руки; в машине было очень тепло, по радио звучала старая песня Синатры. Бродвей так и кишел людьми — перед Рождеством магазины работали круглые сутки.

— Мы быстрее добрались бы пешком, — с явным удовольствием констатировал Гудрич, когда машина застряла в пробке.

Натан лишь мрачно взглянул на него. Через несколько минут они попали на Седьмую авеню, где было посвободнее; доехали до 34-й улицы, повернули налево и через сотню метров остановились. Гудрич заплатил таксисту; мужчины вышли из автомобиля и очутились у подножия одного из самых знаменитых зданий Манхэттена — Эмпайр-стейт-билдинг.

Ангел с огненным мечом стоит перед тобой, пронзает шпагой
твое тело и отправляет тебя в преисподнюю.

Виктор Гюго

Натан поднял глаза к небу: теперь, когда башни-близнецы были разрушены, старик Эмпайр-стейт вновь стал самым высоким небоскребом Манхэттена. Здание возвышалось над Мидтауном, поражая сочетанием элегантности и мощи. В канун Нового года его этажи сверкали красными и зелеными огнями.

— Вы действительно хотите подняться наверх? — Адвокат указал на сверкающий шпиль здания, будто разрывавший пелену ночи.

— У меня уже есть билеты. — Гудрич достал из кармана два маленьких прямоугольника из голубого картона. — Вы мне должны шесть долларов.

Натан кивнул и, смирившись, последовал за доктором. Они вошли в холл, оформленный в стиле модерн. Часы на стене за стойкой показывали половину одиннадцатого, однако объявление предупреждало посетителей, что билеты будут продаваться еще в течение часа, а посещение разрешено до полуночи. В новогодние праздники Нью-Йорк принимал огромное количество туристов; несмотря на поздний час, в холле толпились люди, рассматривая фотографии знаменитостей, когда-то побывавших здесь, чтобы полюбоваться видом.

Благодаря Гудричу в очереди стоять не пришлось. По лестнице они поднялись на второй этаж, а оттуда на лифте — к смотровой площадке. Сверхскоростной лифт доставил мужчин на восьмидесятый этаж меньше чем за минуту. Там они пересели в другой лифт и оказались на террасе восемьдесят шестого этажа, на высоте трехсот двадцати метров от земли, — на смотровой площадке, закрытой со всех сторон стеклянными стенами.

— Если вы не против, я останусь здесь, в тепле. — Натан развязал пояс пальто.

— Советую вам пойти со мной! — Тон Гудрича не допускал возражений.

Мужчины вышли на открытую площадку обсерватории. Ледяной ветер со стороны пролива Ист-Ривер заставил Натана пожалеть о том, что он не захватил шапку и шарф.

— Моя бабушка всегда говорила: «Вы не знаете Нью-Йорка, если не поднимались на вершину Эмпайр-стейт-билдинг!» — проревел Гудрич, пытаясь перекричать шум ветра.

Да, место и впрямь волшебное. У лифта призрак Кэри Гранта ожидал Дебору Керр^[4], но нет, она никогда не придет... Чуть поодаль японская пара, облокотившись о перила, изображала Тома Хэнкса и Мэг Райан в последнем кадре фильма «Неспящие в Сиэтле».

Маленькими шажками Натан подошел к краю площадки и наклонился вперед. Ночь, холод, облака, таинственные очертания города... Он залюбовался открывающимся видом — отсюда, с высоты этого здания в самом центре Манхэттена, был виден шпиль Крайслер-билдинг и Таймс-сквер, где бурлила жизнь.

— Я не был здесь с самого детства, — признался адвокат, глядя во все глаза.

Автомобили жались друг к другу далеко внизу. С высоты восемьдесят шестого этажа они казались такими крошечными, складывалось впечатление, что этот непрерывный поток течет на другой планете. А мост на 59-й улице — наоборот, на удивление, близко; темные воды Ист-Ривер отражали его великолепную архитектуру.

Натан и Гаррет долго молчали, восхищаясь этим величественным, завораживающим зрелищем; ледяной ветер обжигал их лица. Приподнятое настроение невольно возникало у каждого, кто в этот вечер оказался здесь, на высоте более трехсот метров над землей. Поодаль жадно целовалась влюбленная парочка. Группа французских туристов сравнивала Эмпайр-стейт-билдинг с Эйфелевой башней. А семейная пара из Вайоминга повествовала всем желающим о своей первой встрече на этом месте двадцать пять лет назад. Всюду сновали люди; дети в теплых куртках играли в прятки, путаясь в ногах у взрослых.

Над головами ветер с невероятной скоростью гнал облака, неожиданно открывая клочки неба; то тут, то там можно было увидеть одинокую звезду. Да, чудесная ночь, волшебная! Первым нарушил молчание Гудрич.

— Парень в оранжевой спортивной куртке, — прошептал он на ухо Натану.

— Что, простите?..

— Посмотрите туда, на парня в оранжевой куртке!

Натан прищурился и с усилием рассмотрел фигурку человека, о котором говорил Гудрич. Молодой, лет двадцати, только что вышел на площадку; редкая светлая щетина покрывает подбородок, длинные грязные волосы заплетены в дреды. Два раза обошел смотровую площадку — так близко от Натана, что тот заметил воспаленные глаза, беспокойный взгляд. Парень был явно измучен: его лицо, искаженное страданием, так разительно отличалось от остальных. Да он, возможно, под действием наркотиков...

— Его зовут Кевин Уильямсон, — сообщил Гудрич.

— Вы с ним знакомы?

— Лично не знаком. Его отец выбросился с этой площадки еще в то время, когда здесь не было защитных решеток. Уже неделю Кевин приходит сюда каждый день.

— Откуда вы все это знаете?

— Провел маленькое расследование.

Адвокат помолчал.

— А какое это имеет отношение ко мне?

— Все, что происходите подобными нам, касается и нас, — проговорил доктор.

В этот миг порыв ветра ворвался на площадку; Натан чуть ближе подошел к Гудричу.

— Черт возьми, Гаррет, зачем вы вынудили меня наблюдать за этим человеком?!

— Он скоро умрет, — очень серьезно ответил Гудрич.

— Да вы... вы спятили! — воскликнул адвокат.

Произнося эти слова, он не мог оторвать взгляда от Кевина. Смутное, невыразимое беспокойство закралось в его душу. *«Ничего не случится. Все будет хорошо!»*

Не прошло и минуты после неожиданного предсказания Гудрича, как молодой человек извлек из кармана куртки пистолет. Несколько секунд Кевин с ужасом смотрел на оружие, которое дрожало в его руке. Сначала никто ничего не заметил, потом вдруг раздался пронзительный женский вопль:

— У него пистолет!

Все взгляды устремились на молодого человека. Кевин, явно в приступе паники, направил пистолет на себя. Губы парня дрожали от страха, слезы хлынули из глаз, он закричал... Ночная тьма поглотила крик.

— Не делайте этого! — воскликнул кто-то; люди, охваченные ужасом, толкаясь, ринулись к выходу.

Натан стоял совсем рядом с молодым человеком. Ошеломленный тем, что происходило у него на глазах, он не отваживался шевельнуться, боясь ускорить непоправимое. Ему уже не было холодно — напротив, все тело бросало в жар.

«Только бы не выстрелил!.. Не стреляй! Не стреляй, мальчик!»

Кевин поднял глаза, посмотрел в последний раз в беззвездное небо — и нажал на курок. Звук выстрела разорвал тишину ночи; молодой человек упал; время на миг остановилось.

На площадке кричали люди, толпа устремилась к лифтам. Кто-то доставал мобильные телефоны — предупредить семью, уберечь близких. Со времени взрыва на Манхэттене 11 сентября чувство почти осязаемой опасности поселилось в душах ньюйоркцев. Это событие в той или иной степени коснулось всех, и даже туристы знали, что на Манхэттене может случиться что угодно.

Натан и еще несколько человек остались на площадке. Вокруг тела толпились люди; влюбленная пара стояла тут же — оба были забрызганы кровью и беззвучно плакали.

— Отойдите! Дайте ему воздуха! — рявкнул охранник, склонившись над Кевином.

По рации он попросил помощи снизу:

— Вызовите пожарных и скорую! На восемьдесят шестом этаже пострадавший — пулевое ранение.

Снова наклонившись, он понял, что помощь уже не понадобится.

Натан, стоявший в метре от погибшего, не мог отвести взгляда от тела. На искаженном болью лице Кевина навсегда застыла маска ужаса; широко открытые глаза смотрели в пустоту. За ухом

виднелась кровавая дыра с обугленными краями; часть черепа разможена, а все, что осталось, покрыто кровью и мозгами... Натан понял, что никогда не сможет избавиться от этой картины, она будет вновь и вновь возвращаться к нему, преследовать по ночам и в моменты острого одиночества.

Понемногу начинали подходить любопытные. Какой-то мальчик потерял родителей и застыл здесь, в трех метрах от мертвого тела, завороченный видом крови. Натан взял его на руки, чтобы оградить от жуткого зрелища.

— Пойдем со мной, малыш! Не волнуйся, все будет хорошо... Все будет хорошо...

Поднимаясь, он заметил, что Гудрич пытается затеряться в толпе, — и бросился к нему.

— Гаррет! Подождите меня, черт возьми!

С ребенком на руках он пробивался через скопление людей.

— Откуда вы узнали?! — крикнул Натан, дернув доктора за рукав.

Гудрич смотрел в пустоту и молчал.

Натан попытался остановить его, но тут объявились родители мальчика, бурно радуясь, что нашли сына.

— О! Джеймс, малыш, ты так нас напугал!..

С трудом отделавшись от них, Натан почти нагнал доктора, когда тот уже вошел в первый свободный лифт.

— Почему вы ничего не предприняли, Гаррет?

На долю секунды их взгляды встретились, но двери лифта уже закрывались. Натан успел прокричать вслед:

— Почему вы ничего не сделали?! Вы же знали!

5

Мы не спешим верить в то, во что не хочется верить.

Овидий

10 декабря

Этой ночью Натан почти не спал. На следующий день он проснулся поздно, в холодном поту, и первое, что почувствовал, — дискомфорт в груди, тот самый, что уже несколько дней не давал ему покоя. Повернулся на правый бок — острая боль пронзила тело.

Ему снова снилось, как он тонет. Это наверняка потому, что Гудрич говорил о лебеде. С кровати Натан встал на дрожащих ногах; его лихорадило так, что пришлось взять термометр. Тридцать семь и восемь... ничего страшного. Но пришлось отказаться от пробежки. День обещал быть не слишком приятным.

В аптечке адвокат нашел таблетку и проглотил ее, запив глотком воды; он всегда принимал эти таблетки, когда плохо себя чувствовал. Потом собрал папки с бумагами, разбросанные по дивану. Вчера вечером ему не удалось поработать, сегодня он возьмет реванш. Нужно закончить с делом «Райтби». Известный акционерный дом, который он защищал, обвиняли в нарушении антимонопольного закона: «Райтби» условился со своим основным конкурентом о размере сопоставимых ставок на продажу произведений искусства. Дело довольно щекотливое: на карту был поставлен не только гонорар Натана, но и его репутация.

Хотя адвокат и опаздывал, он дольше обычного простоял под горячим душем, прокручивая в уме самоубийство Кевина Уильямсона. В голове звучали обрывки фраз Гудрича: *«думаю, это я мог бы быть вам полезен»*, *«некоторые испытания бывают тяжелыми, вы узнаете»*, *«необходимо быть готовым к испытаниям»*.

Что нужно от Натана этому типу, черт возьми? Стоит ли предупредить кого-нибудь? Полицию? Помимо всего прочего, вчера погиб человек. Да, это было самоубийство, что могли подтвердить десятки свидетелей. Однако Гудрич располагал информацией и не должен был ее замалчивать.

Выйдя из душевой кабины, Натан энергично растерся полотенцем. Лучше, наверное, не думать. Нет времени. И не встречаться с Гудричем больше никогда. Тогда все придет в норму. Перед выходом он проглотил две таблетки аспирина и одну — витамина С. Не стоило, конечно, увлекаться лекарствами, но он поразмыслит об этом позже.

Такси пришлось ловить долго. «*Да уж, я явно не приеду раньше всех*», — думал Натан, перебрасываясь банальными фразами с водителем-пакистанцем. Большой грузовик остановился перед зданием «Дженерал моторс» и перекрыл движение в сторону Мэдисон-авеню. Натан вышел на Парк-авеню и отправился пешком по улице; небоскребы из металла и стекла образовывали нечто вроде коридора. На мужчину волной нахлынула городская суeta: громкие выкрики уличных зазывал; клаксон лимузина с тонированными стеклами — водитель сигналил, пытаясь предупредить столкновение. Внезапно Натану стало тесно, он почувствовал себя раздавленным.

Лишь перед помпезным входом в здание «Марбл и Марч», с красивым мозаичным сводом в византийском стиле, Натан пришел в себя. Он остановил лифт на тридцатом этаже, где размещались просторная комната отдыха и кафетерий. Часто, когда накапливалась груда дел, ему приходилось тут ночевать. Адвокат взял документы из шкафа и поднялся на верхний этаж, в свой кабинет.

Секретарь бросила на него вопросительный взгляд: Натан никогда еще не приходил так поздно. — Эбби, пожалуйста, принесите мне почту и тройной кофе.

Она повернулась на вращающемся стуле и укоризненно покачала головой:

— Почта уже час лежит на вашем столе. Что касается кофе — вы уверены, что тройной?

— Да-да, тройной и без молока, спасибо.

В кабинете он двадцать минут просматривал почту, потом, допивая кофе, проверил электронный ящик. Пришло сообщение от сотрудника — тот просил помощи по судебному вопросу, дело «Райтби». Натан собирался ответить, но ему не удавалось сконцентрироваться. Не мог он вести себя так, будто ничего не произошло! Нужно уладить это дело. Мужчина быстро закрыл ноутбук, взял пальто и вышел из кабинета.

— Эбби, вызовите мне такси и отмените все дела в первой половине дня.

— Но у вас встреча с Джорданом в двенадцать...

— Постарайтесь перенести на вторую половину дня.

— Вряд ли ему это понравится.

— А это уже моя проблема.

Эбби догнала Натана в коридоре и прокричала:

— Вам необходимо отдохнуть, Натан! Не первый раз вам это говорю!

— Южный вокзал, — бросил он, сев в такси.

Заплатив таксисту двадцать долларов, Натан среди последних пассажиров сел на десятичасовой паром до Стейтен-Айленда. Около четверти часа добирался в этот развивающийся район Нью-Йорка. Вид на город открывался красочный, но ни панорама Манхэттена, ни статуя Свободы не доставляли Натану удовольствия — так ему не терпелось прибыть на место. Едва сойдя с парома, адвокат поймал еще одно такси и быстро добрался до больницы Стейтен-Айленда.

Центр медицинского обслуживания занимал обширную территорию недалеко от Сент-Джорджа, городка на северо-востоке острова. Такси остановилось возле Центра хирургии; снег перестал идти еще вчера, но небо было затянуто серыми тучами. Натан вбежал в здание; дежурная остановила его:

— Посещение начнется только в...

— Я хотел бы видеть доктора Гудрича!

Натан был сильно возбужден.

Дежурная постучала по клавиатуре и вывела на экран компьютера расписание операций.

— Профессор как раз закончил биопсию и переходит к операции по удалению лимфатических узлов. Вы не сможете сейчас встретиться с ним.

— И все же предупредите его, — попросил Натан. — Скажите, что здесь Дель Амико. Это

срочно.

Дежурная пообещала связаться с доктором и проводила Натана в зал ожидания. Гудрич появился спустя четверть часа, в синей медицинской рубашке и бандане на голове. Натан бросился к нему.

— Бог мой, Гаррет, объясните мне, что...

— Позже. Сейчас я занят.

— Я вас не отпущу! Вы явились в мой кабинет, потом ко мне домой. Вынудили стать свидетелем самоубийства, а сказали лишь: «Думайте о быстротечности жизни!» И все, больше ничего! Это невыносимо!

— Поговорим позже. Моему пациенту необходимо срочно удалить опухоль.

Натан с трудом сохранял спокойствие — так бы и порвал этого доктора на куски!

— Вы можете пойти со мной, — предложил Гудрич, поворачиваясь на каблуках.

— Что-что?..

— Пойдемте, будете присутствовать на операции. Это очень поучительно.

Чувствуя, что спорить бесполезно, Натан пошел следом. Доктор скрупулезно выполнил правила стерилизации: вымыл руки и натер их до локтей антибактериальным гелем, надел маску, закрывающую нос и рот.

— Что у нас в программе? — Он старался выглядеть бесстрастным. — Вскрытие грудной клетки и удаление части пищевода. — Гудрич толкнул створку двери.

Натан даже не пытался подыскать остроумное словечко, а просто вошел с доктором в операционную; медсестра и ассистент хирурга уже находились там.

Оказавшись в закрытом помещении, без окон, с резким светом, адвокат ясно понял: то, что он увидит здесь, вряд ли способно вызвать положительные эмоции.

Как и большинство людей, он ненавидел все эти отвратительные медицинские запахи. Они неизменно вызывали неприятные воспоминания. Натан устроился в дальнем углу и больше не открывал рта.

— Злокачественная опухоль, — пояснил Гудрич коллеге. — Пациенту пятьдесят лет, заядлый курильщик, диагноз поставлен поздно. Поражена слизистая, метастазы в печени.

Гудричу подали поднос с хирургическими инструментами; он взял скальпель и дал сигнал начинать.

Натан следил за этапами операции по небольшому монитору, прикрепленному над головой пациента. Разрез треугольной связки... Освобождение пищеводной щели... Вскоре на экране он видел только сплошную массу кровянистых сгустков. И как только хирурги там что-то различают? Натан никогда не был ипохондриком, но поймал себя на том, что в этот миг думает о собственной ноющей боли в груди. На Гудрича он смотрел с неподдельным ужасом, а тот работал живо, увлеченно, целиком поглощенный своей задачей. *«Нет, он вовсе не сумасшедший, а опытный врач. Человек, который встает каждое утро, чтобы спасать людям жизнь. И что ему от меня нужно?..»*

Ассистент попытался было заговорить с Гудричем о какой-то там бейсбольной лиге, но Гаррет взглянул на него — и тот вмиг умолк. Натан снова отвел глаза от экрана. Операция шла своим ходом: желудочная трубка, грудной и брюшной дренаж... Адвокат чувствовал себя совершенно лишним. Его столь значительные бумаги, дела, наиважнейшие встречи, миллион долларов на банковском счету в этом месте казались мелкими и ничтожными, даже пошлыми.

Операция подходила к концу, когда у пациента вдруг ускорился сердечный ритм.

— Черт! — закричал ассистент. — У него тахикардия!

— Это бывает, — спокойно ответил Гудрич, — плохо переносит вытеснение сердца. — И попросил сестру сделать укол.

Внезапно Натан почувствовал, как к горлу подступила горечь. Выбежав из операционной, мужчина бросился в туалет — его долго рвало, хоть он и не ел ничего уже сутки.

Доктор появился через десять минут.

— Он будет жить? — вытирая лоб, с тревогой спросил Натан.

— Дольше, чем если бы мы ничего не предприняли. Во всяком случае сможет нормально питаться

и переваривать пищу — хотя бы какое-то время.

— Операция прошла нормально, — сообщил Гудрич жене пациента. — Конечно, могут возникнуть послеоперационные осложнения, но думаю, все обойдется.

— Спасибо, доктор, вы спасли его!

— Мы сделали все возможное.

— Я вам так благодарна! — Женщина пожала руку и Натану, приняв его за ассистента хирурга.

Под сильным впечатлением от операции, он не стал ее разубеждать.

В кафетерии больницы, на втором этаже, над автостоянкой, Гудрич и Натан сели друг напротив друга и заказали кофе; маленькая корзинка с выпечкой стояла на столе.

— Хотите пончики? Они немного жирноваты, но...

Натан покачал головой:

— У меня во рту до сих пор вкус горечи, если вам интересно.

Едва заметная улыбка скользнула по лицу доктора.

— Хорошо, слушаю вас.

— Нет-нет, Гаррет, это я вас слушаю. Зачем вы пришли ко мне и как вы узнали, что Кевин собирается пустить себе пулю в голову?

Гудрич пододвинул чашку с кофе, щедро добавил туда молока и сахара и поднял брови.

— Не уверен, что вы готовы, Натан.

— Готов к чему?

— Услышать то, что я вам скажу.

— О, я готов ко всему! Только не тяните резину!

Гудрич парировал:

— А вы сделайте одолжение, прекратите смотреть на часы каждые две минуты.

— Хорошо, — вздохнул Натан, ослабил галстук и снял пиджак.

Гаррет откусил пончик и запил кофе.

— Вы считаете, что я сумасшедший?

— Признаюсь, думал об этом, — ответил адвокат серьезно.

— Вы слышали об обществах паллиативной помощи?

— Я прочитал, что вы руководите одним из таких обществ — в этой больнице.

— Совершенно верно. Как вам известно, это службы, которые заботятся о смертельно больных.

— И вы им оказываете психологическую поддержку...

— Да. Им остается жить несколько недель, и они это понимают. С этим очень трудно смириться.

Было уже два часа дня; большой зал кафетерия наполовину заполнился. Натан достал сигарету, но не стал закуривать.

— Наша миссия в том, чтобы подготовить их к смерти, — продолжал Гудрич. — Использовать то малое количество времени, которое у них осталось, чтобы помочь им уйти с миром.

Он помолчал несколько секунд, затем уточнил:

— В мире с самими собой и в согласии с другими.

— Очень хорошо, но как это меня...

Гудрич взорвался:

— Как это касается вас? Всегда один и тот же вопрос вашего маленького эго! Как Натана Дель Амико, великого адвоката, который зарабатывает четыреста долларов в час, может касаться любое несчастье мира?! Не можете забыть и на мгновение о своей важной персоне!

Натан ударил кулаком по столу:

— Послушайте меня, вы! Черт бы вас побрал! Никто не смеет так со мной разговаривать! — Он вскочил.

Чтобы успокоиться, Натан сходил в буфет — за бутылкой минеральной воды. Разговоры в кафе прекратились, осуждающие взгляды устремились на него. «Держи себя в руках. Ты все-таки в больнице!»

Он открыл бутылку, выпил половину и через минуту вернулся за столик. В упор уставился на Гудрича.

— Продолжайте, — сказал Натан уже спокойнее, однако в его голосе сквозила враждебность.

Доктор продолжил свою речь:

— Общества паллиативной помощи предназначены для людей, которым врачи поставили безнадежный диагноз. Но существует множество смертельных случаев, которые нельзя предвидеть заранее.

— Несчастные случаи?

— Да, несчастные случаи, насильственная смерть, болезни, которые медицина не может диагностировать или диагностирует слишком поздно.

Натан понял: скоро все разъяснится. А он... он все время чувствует эту боль — грудную клетку словно сжимает тисками.

— Как я уже говорил раньше, — продолжал доктор, — человеку легче подойти к смерти, когда ему удалось довести до конца задуманное.

— Но это невозможно, если смерть непредвиденная!

— Иногда ее можно предвидеть.

— Как это?

— Вот в этом одна из миссий Вестников.

— Вестников?

— Существуют люди, которые готовят тех, кто скоро умрет, к великому переходу в мир иной.

«Мир иной... полный бред!» Натан покачал головой.

— Вы хотите сказать, что им заранее известно, кто должен умереть?

— Верно, — подтвердил Гаррет. — Роль Вестников заключается в том, чтобы облегчить человеку расставание с телом. Они дают возможность тем, кто должен скоро умереть, привести в порядок свои дела.

— Думаю, насчет меня вы ошиблись, — вздохнул Натан. — Я, скорее, последователь философии Декарта, и моя духовная жизнь не более развита, чем у дождевого червя.

— Знаю, в мои слова трудно поверить.

Натан пожал плечами и повернулся к окну. Снежные тучи вновь появились на сером небе.

— Если я правильно понимаю, вы и есть один из этих...

— ...Вестников. Да.

— Поэтому вы знали про Кевина?

— Разумеется.

Не нужно участвовать в этой игре; но адвокат не удержался и съязвил:

— И как вы подготовили его к «великому переходу»? Как облегчили «расставание с телом»? Кевин казался не слишком спокойным в момент ухода.

— Нам не всегда удается что-то предпринять, — признал Гудрич. — Этот парнишка был на грани.

— Вы могли помешать ему. Предупредить кого-то из охраны или полицию...

Гаррет тут же прервал его:

— Это ничего бы не изменило. Невозможно предотвратить неминуемое. Никто не может отсрочить смерть.

«Великий переход», «Вестники»... Почему не чистилище и ад, раз уж они существуют?! Натану потребовалось несколько секунд, чтобы осмыслить услышанное; затем, криво улыбнувшись, он проговорил:

— Вы действительно думаете, что я вам поверил?

— Верите вы или нет, мы существуем.

— Еще раз повторяю: вы теряете время, я не религиозный человек.

— Это не имеет никакого отношения к религии.

— Я совершенно искренне думаю, что вы лишились рассудка, и мой долг — передать директору больницы ваши речи.

— Значит, я сумасшедший уже более двадцати лет. — Голос Гаррета стал более убедительным. — Разве я не предупредил вас о Кевине?

— Это не доказательство. Есть множество других факторов, по которым вы могли догадаться о самоубийстве.

— Что-то я не понимаю — каких же?

— Например, если вы знали, что Кевин принимал наркотики или был сектантом...

— Поверьте мне, Натан, я не собираюсь вовлекать вас в это. Просто говорю, что у меня есть способность предвидеть смерть. Я знаю, что человек умрет, прежде чем проявляются первые симптомы, и стараюсь его подготовить.

— Откуда у вас эта способность?

— Сложно объяснить, Натан.

Адвокат поднялся, надел пиджак и пальто:

— Думаю, на сегодня я услышал достаточно.

— Я тоже так считаю, — согласился Гаррет.

Натан направился к выходу, вышел было за порог, но вдруг развернулся, подошел к Гудричу и ткнул в него пальцем.

— Прошу прощения, что снова говорю о своей ничтожной персоне, доктор, но не пытаетесь ли вы намекнуть, что пришли за мной?

Ответа не последовало.

— Вы здесь из-за меня, Гудрич, так? Именно это я должен понять? Пришел мой час? Это конец?

Гудрич казался озадаченным; весь его вид свидетельствовал, что он хотел бы избежать этого разговора.

— Я не говорил этого.

Натан продолжал — быстро и громко:

— Именно таким образом вы действуете? «Внимание, вам осталось жить неделю! Поторопитесь сделать последние приготовления!»

Гаррет попытался объяснить:

— Я просто это знаю, и все...

— Прекрасно. Покажитесь врачу, Вестник! — На этот раз Натан действительно ушел.

Гаррет допил кофе и потер пальцами виски. Через стекло он видел удаляющийся силуэт Дель Амико. Белые хлопья снега падали на волосы, слепили глаза, но Натан, казалось, не замечал этого. Из динамиков у стойки доносились звуки джазовой композиции Билла Эванса. Грустно...

6

Не стало ли холоднее? Не наступает ли все сильнее и больше ночь? Не приходится ли среди бела дня зажигать фонарь?

Ницше^[5]

— Сколько дней я был в отпуске за последние три года?

Шесть часов вечера. Натан сидел в кабинете директора Эшли Джордана и просил дать ему две недели отпуска. Их связывали сложные отношения. В начале карьеры Натан был протеже Джордана, но в ходе работы Эшли постоянно подавлял амбиции молодого коллеги, упрекая в том, что Натан тянет одеяло на себя. Натан быстро понял, что Джордан не тот человек, который станет смешивать бизнес и дружбу. Он прекрасно знал, что, если однажды у него возникнут серьезные проблемы, к Эшли обращаться бесполезно.

Натан вздохнул: последние события глубоко его потрясли. А тут еще эта боль в груди... По правде говоря, он не знал, что и думать о бреднях Гудрича. Ясно одно: ему нужно взять отпуск и уделить внимание дочери. И он повторил вопрос:

— Сколько дней я был в отпуске за последние три года?

— Ни одного, — признал Джордан.

— Сколько дел я проиграл?

Джордан вздохнул и не сумел сдержать легкой улыбки: он знал эту песню наизусть.

— Ты не проиграл ни одного дела за последние несколько лет.

— Я не проиграл ни одного дела за всю свою карьеру, — уточнил Натан.

Джордан согласился, потом спросил:

— Это из-за Мэллори, да?

Натан заговорил о другом, будто не слышал вопроса:

— Послушай, я возьму с собой ноутбук. Возникнет какая-нибудь проблема — буду на связи.

— Ладно, бери отпуск, если хочешь. Тебе не нужно на это мое разрешение. Я сам прослежу за делом «Райтби». — И, давая понять, что разговор окончен, Джордан погрузился в цифры на экране компьютера.

Но Натан не собирался уходить просто так, он продолжил, повысив голос:

— Я прошу немного времени, чтобы побыть с дочерью. Не понимаю, почему это становится проблемой.

— Никаких проблем. — Джордан поднял глаза. — Единственная загвоздка в том, что это неожиданно, а ты прекрасно знаешь — в нашем деле мы обязаны предвидеть все.

Будильник зазвонил в пять тридцать. Несмотря на несколько часов сна, боль не отступала — наоборот, сдавила грудную клетку, перешла на левое плечо и начала пульсировать в руке. Натан не отважился встать с постели сразу после пробуждения, он глубоко дышал, стараясь успокоиться. Это помогло — боль ушла, но он еще минут десять лежал и думал о том, чем будет заниматься сегодня. Наконец принял решение. *«Черт возьми! Я не собираюсь сидеть сложа руки. Я должен знать!»* Встал и быстро направился в душ. Очень хотелось кофе, но пришлось отказаться: анализ крови делают натощак. Тепло оделся, спустился вниз на лифте, быстрым шагом пересек холл. Остановился поздороваться с портье, которого уважал за вежливость.

— Здравствуйте, Питер. Как вчера сыграли «Кникс»?

— Выиграли двадцать очков у «Сиэтла». Вард забил несколько красивых мячей.

— Очень хорошо, надеюсь, что выиграют и у «Майами»!

— Вы не бегаєте сегодня?

— Нет, механизм вышел из строя.

— Выздоровливайте скорее...

— Спасибо, Питер, удачного дня.

На улице было темно и прохладно.

Натан перешел дорогу и поднял глаза на башни «Сан-Ремо»: вон оно, окно его квартиры в северной башне. Как всегда, повторил про себя: *«Все не так плохо»*. Действительно, совсем неплохо для парнишки, выросшем в грязном квартале на юге района Квинс. У него было трудное детство, в условиях крайней экономии. Жили они вдвоем с матерью; нормально питаться удавалось только благодаря талонам, которые выдавали нуждающимся.

«Да, все не так плохо». Место, где он сейчас жил, было одним из самых престижных в городе; рядом парк и две станции метро, хотя жители дома не так часто пользовались подземкой. Сто тридцать шесть квартир: деловые люди, старожилы Нью-Йорка, звезды мира финансов, кино и шоу-бизнеса. Рита Хейворт прожила здесь до самой смерти; поговаривали, что и у Дастина Хоффмана была здесь квартира.

Натан все смотрел на вершину «Сан-Ремо», разделенную на две одинаковые башни в романском стиле, что придавало зданию сходство со средневековым собором. *«Все не так плохо»*.

Конечно, приходилось признать, что сам он не смог бы купить квартиру в этом доме, каким бы блестящим адвокатом ни был, и благодарить за нее надо тестя, ладно, бывшего тестя — Джеффри Векслера.

Много лет, приезжая в Нью-Йорк по делам, Джеффри останавливался в этой квартире. Строгий и непреклонный человек — настоящий представитель бостонской элиты. Квартира принадлежала семейству Векслеров всегда, с момента постройки здания: в 1930 году его спроектировал архитектор Эмери Рот, очень талантливый человек, автор и других престижных домов в районе Центрального парка.

Для присмотра за квартирой Векслер нанял итальянку, звали ее Элеонора Дель Амико, она жила с сыном в Квинсе. Джеффри взял ее в дом вопреки желанию жены. Позже Векслеры попросили ее заботиться и об их доме на острове Нантакет. Именно там произошло событие, которое

перевернуло жизнь Натана: он встретил Мэллори.

Работа матери позволяла Натану с близкого расстояния наблюдать за жизнью американской аристократии. Он мечтал об уроках игры на фортепиано, прогулках на яхте, хлопающих дверцах «мерседеса». А у него не было ни отца, ни денег, ни герба частного лица, приколотого на лацкан пиджака, ни синего пуловера ручной вязки с фирменным знаком.

Но благодаря Мэллори он мог с жадностью вкушать крохи этого вечного праздника жизни. Иногда его приглашали на роскошные пикники, устраиваемые в тенистых уголках Нантакета. Много раз Натан ходил с Векслером на рыбалку, и всегда, вернувшись на берег, они пили кофе глясе со свежими шоколадными пирожными. И Элизабет Векслер, утонченная дама, иногда разрешала Натану брать книги в библиотеке их дома. Однако, несмотря на кажущуюся благосклонность, Векслеров смущал тот факт, что сентябрьским днем 1972 года их дочь спас именно сын прислуги.

Эта неловкость не уменьшилась с годами, наоборот, со временем превратилась в нескрываемую враждебность, когда они с Мэллори решили сначала жить вместе, а потом пожениться. Векслеры делали все возможное, чтобы разлучить их. Но у родителей ничего не вышло: Мэллори устояла перед всеми так называемыми призывами к здравому смыслу.

Эта борьба продолжалась до знаменательного вечера 1986-го. Накануне Нового года в огромном доме Векслеров собрались сливки бостонской аристократии. Мэллори неожиданно появилась под руку с Натаном и представила его всем как будущего мужа. Джеффри и Лиза поняли, что не смогут вечно противиться ее решению. Ситуацию было невозможно изменить, и Векслерам пришлось принять Дель Амико в свой круг, чтобы сохранить отношения с дочерью.

Решительность Мэллори ошеломила Натана. Даже сегодня, когда он вспоминал об этом, дрожь пробегала по телу. Для него тот вечер навсегда останется моментом, когда Мэллори перед всеми присутствующими, перед всем миром сказала ему «да!».

Но и после свадьбы Векслеры не признали Натана: ни после того, как он получил диплом Колумбийского университета, ни когда начал работать в престижной адвокатской фирме. Дело было не в деньгах, а в социальном происхождении: в этой среде положение изначально определялось рождением. Для них Натан навсегда остался сыном прислуги, он никогда не принадлежал и не будет принадлежать к их кругу.

А потом этот процесс в 1995 году. По правде говоря, дело не совсем по его специализации, но, изучив документы, Натан твердо решил им заняться. Один из учредителей фирмы «Софтонлайн», после того как его предприятие было выкуплено крупным информационным обществом, захотел аннулировать сделку и потребовал компенсацию в размере двадцати миллионов долларов. Отказ компании выплатить требуемую сумму повлек за собой судебное разбирательство. Именно на этой стадии дела клиент обратился в «Марбл и Марч».

В то же время акционеры, чья компания находилась в Бостоне, обратились к своим адвокатам, а именно в адвокатскую контору «Бранаг и Митчелл», руководил которой Джеффри Векслер. Мэллори умоляла Натана отказаться от дела — ничего хорошего оно им не сулило, только все усложняло, тем более что Векслер лично курировал его.

Натан не послушал возлюбленную — решил показать, на что способен проходимец из низов. Он пришел к Векслеру, чтобы предупредить о своем намерении не только не упасть лицом в грязь, но и выиграть. Векслер выгнал его вон.

Такого рода дела почти никогда не доводят до суда, все обычно решается примирением сторон, и работа адвокатов сводится к тому, чтобы достичь наиболее благоприятного соглашения. По совету Векслера фирма предложила компенсацию в шесть с половиной миллионов. Честное предложение, большинство адвокатов согласились бы принять его. Однако, вопреки всем законам благоразумия, Натан убедил клиента не уступать.

Через несколько дней процесса адвокаты «Бранаг и Митчелл» сделали последнее предложение — восемь миллионов долларов. На этот раз Натан готов был уступить, если бы не фраза, произнесенная Векслером:

— Вы уже заполучили мою дочь, Дель Амико. Этого трофея вам недостаточно?

— Вовсе я не «заполучил» вашу дочь, как вы выражаетесь. Я всегда любил Мэллори, но вы не

хотите этого понять.

— Я раздавлю вас, как таракана!

— Ваше презрение вам не поможет.

— Подумайте дважды. Если ваш клиент потеряет восемь миллионов, пострадает ваше имя.

Известно ли вам, насколько хрупка и уязвима репутация адвоката?

— Лучше подумайте о своей репутации.

— У вас один шанс из десяти выиграть дело. И вы это знаете.

— Что вы готовы поставить на кон?

— Да я, скорее, повешусь, если проиграю.

— Так много мне не нужно.

— Что тогда?

Натан задумался на мгновение:

— Квартира в «Сан-Ремо».

— Вы сумасшедший!

— Я считал вас игроком, Джеффри.

— У вас нет шансов.

— Только что вы сказали — один из десяти...

Векслер был настолько уверен в себе, что в конце концов принял ставку:

— Ладно, пусть будет так. Если вы выиграете, я оставлю вам квартиру. Всем скажем, что это подарок ко дню рождения Бонни. Заметьте, я ничего не требую в случае поражения: вам и так хватит неприятностей, а я не хочу, чтобы муж моей дочери кончил в нищете.

Таким образом, битва продолжалась. Подобное пари не слишком профессионально: Натану не делало чести, что он играл судьбой клиента, решая проблему личного характера, но ведь такой представился шикарный случай...

Исход этою относительно простого дела был неясен, все зависело от мягкосердия и положительной оценки судьи. Отказавшись от предложения Векслера, клиент Натана рисковал потерять все. Джеффри, опытный адвокат, объективно был прав — шансы противника на победу минимальны. Натан, однако же, выиграл дело: нью-йоркский судья Фредерик Джей Ливингстон принял решение признать виновной фирму «Софтонлайн» и присудил ей выплатить двадцать миллионов долларов бывшему служащему.

Нужно отдать должное Векслеру: он невозмутимо принял поражение, и через месяц в квартире «Сан-Ремо» не осталось ни одной его вещи. Мэллори не ошиблась: этот процесс не наладил отношений Натана с ее родителями. Разрыв между Джеффри и Натаном стал окончательным — вот уже семь лет они не разговаривали. Натан подозревал, что Векслеры в душе радовались разводу дочери, иначе и быть не могло.

Теперь Натан, наклонив голову, вспоминал свою мать. Никогда она не приходила к нему в эту квартиру — умерла от рака за три года до знаменитого процесса. Но ведь именно ее сын живет здесь, в Сентрал-Парк-Уэст, 145, на двадцать третьем этаже.

Жизнь Элеоноры складывалась непросто. Ее родители, уроженцы города Гаэта, порта на севере Неаполя, эмигрировали в Соединенные Штаты, когда ей было девять лет. Этот переезд сильно повлиял на возможность дать девочке образование. Пришлось слишком рано оставить школу, и ей так и не довелось научиться прилично говорить по-английски.

В двадцать лет она встретила Витторио Дель Амико, строителя, он работал на сооружении Линкольн-центра. Он красиво говорил, и у него была такая обольстительная улыбка... Через несколько месяцев она забеременела. Тогда и сыграли свадьбу. Со временем Витторио показал себя человеком жестоким и безответственным. В конце концов он бросил жену и ребенка — уехал и не оставил адреса.

Чтобы свести концы с концами, Элеонора нанималась на две, а то и три работы: прислуга, официантка, дежурный администратор в невзрачных гостиницах — не отказывалась ни от чего,

готовая переносить любые унижения. Опереться ей было не на кого — ни родных, ни настоящих друзей. Жили они бедно, но у Натана всегда имелась чистая одежда и все необходимые школьные принадлежности.

Мать сильно уставала, но мальчик никогда не видел, чтобы она отдыхала или уделяла время себе: Элеонора не ездила в отпуск, не читала, не ходила в кино или рестораны. Смысл ее жизни состоял в том, чтобы достойно воспитать сына. У нее были пробелы в образовании, ей недоставало культуры — пусть; она следила за его учебой и помогала как могла. Любовь заменяла ей диплом — любовь безусловная и самоотверженная. Часто повторяя сыну, что она всегда больше хотела мальчика, чем девочку, мать уверяла: «Ты быстрее устроишься в этом мире, где власть все еще принадлежит мужчинам!»

Первые десять лет жизни мама была для него солнцем, волшебницей, которая вытирала ему лоб влажным полотенцем, чтобы прогнать кошмары, говорила нежные слова и иногда оставляла несколько монет — он находил их утром рядом с чашкой какао.

Потом социальное положение понемногу стадо их разделять. Сначала Натан открыл для себя чарующий мир Векслеров; в двенадцать лет его приняли в школу Уоллеса. Эта частная школа Манхэттена каждым год набирала десять лучших учеников из бедных кварталов и выплачивала им стипендию. Часто его приглашали в гости приятели, жившие в шикарных кварталах Истсайда и Грэммерси-парка. Тогда-то он и начал стыдиться матери — ее плохого английского, грамматических ошибок, низкого социального положения, заметного невооруженным глазом. Впервые любовь матери показалась ему надоедливой, и он стал постепенно от нее отстраняться.

Еще больше они отдалились друг от друга, когда Натан учился в университете. Женитьба ничего не изменила, хоть Мэллори и настаивала, чтобы он заботился о матери. Слишком занятый карьерой, Натан не понимал, что матери нужна его любовь, а не деньги.

А дальше наступило пасмурное ноябрьское утро 1991 года, когда позвонили из больницы и сообщили, что Элеонора умерла. Вот тут любовь вернулась в полной мере. Натан мучился угрызениями совести, вызывая в памяти все моменты, когда проявлял равнодушие или неблагодарность. Отныне не проходило дня, чтобы он не думал о матери. Каждый раз, встречая на улице бедно одетую женщину, усталую, измученную работой, вспоминал мать, и сердце его сжималось от раскаяния. Но было уже слишком поздно, и упрекать себя бесполезно. Каждую неделю Натан приносил на могилу матери цветы; но что бы он ни делал сегодня, надеясь вымолить прощение, ничто не могло компенсировать те минуты, когда он не был с ней — живой.

В больнице, в тумбочке у ее кровати, Натан нашел две фотографии. Первая сделана в 1967 году: было воскресенье, они сфотографировались в парке аттракционов Кони-Айленда. Натану три года, он зажал в ручонках мороженое и восхищенно уставился на карусель; мама гордо держала его на руках. Одна из редких фотографий, где она улыбалась.

Второй снимок более знакомый — вручение дипломов после окончания Колумбийского университета. В тоге и красивом костюме, Натан смотрел в лицо всему миру: будущее принадлежало ему! Перед тем как мать положили в больницу, она вынула эту фотографию, стоявшую в гостиной, из рамки, чтобы, умирая, унести с собой символ успеха сына.

Хватит, надо прогнать все эти мысли — они только лишают сил. Было чуть больше шести утра. Натан направился в подземный гараж, где арендовал два места. На одном стоял «ягуар», спортивное купе, на другом — «Рейндж Ровер», роскошный полноприводный автомобиль темно-синего цвета. Натан купил его, когда они с Мэллори решили родить второго ребенка; она сама выбрала: ей нравилось ощущение безопасности и высоты, которое давали автомобили этого класса. Жена всегда заботилась о том, чтобы семья была в безопасности, — главный мотив всех ее решений.

«Зачем мне теперь две машины?» — спросил себя Натан, открывая дверцу «ягуара». Все хотел продать джип, но никак руки не доходили. Уже трогаясь, подумал: на дорогах скользко, лучше ехать на внедорожнике.

Запах Мэллори все еще витал в салоне джипа. Включая двигатель, Натан решил, что продаст спортивную машину и оставит джип. Поднялся на два этажа стоянки, вставил магнитную карту,

чтобы открыть шлагбаум, и выехал в еще спящий город. Снег прекратился; какая странная погода — все время то заморозки, то потепление. Адвокат порылся в бардачке, поставил старый диск с записями Леонарда Коэна, любимого исполнителя Мэллори.

Несколько лет назад Мэллори отправилась в Женеву на демонстрацию глобалистов против засилья многонациональных корпораций. Со времени последних президентских выборов Мэллори активно участвовала в кампании Ральфа Надера. Когда жила на Восточном побережье, не пропускала ни одной демонстрации в Вашингтоне против Международного валютного фонда и Всемирного банка. Выступала в поддержку бедных стран и осуждала детский труд. Последние годы активно высказывалась против генетически модифицированных продуктов и много времени посвящала обществу, которое боролось за сельское хозяйство без удобрений и пестицидов. За два года до расставания супруги вместе ездили в Индию, где члены общества раздавали крестьянам здоровые семена, убеждая их поддерживать традиционное сельское хозяйство.

Натан скептически относился к щедрости богачей, но постепенно признал, что его позиция — точка зрения человека бездействующего. Иногда он подшучивал над активностью жены, но в глубине души восхищался ею. Понимал: если мир будет рассчитывать на помощь таких, как он, — никогда ее не дождется.

В это время дороги были еще свободны. Натан поехал в сторону Нижнего Манхэттена, больше не думая ни о чем, растворившись в мелодии и хриплом голосе Коэна.

Немного не доезжая до Фоли-сквер, Натан посмотрел в зеркало заднего вида: одно из сидений покрыто пледом с рисунком известного американского художника и иллюстратора Нормана Роквелла. Они купили этот плед в Блумингдейле, в самом начале семейной жизни. В него так любила кутаться Бонни. Нет, это не сон: машина пропитана ароматом духов Мэллори — запахом ванили и цветов. В такие минуты Натану ужасно ее не хватало; образ жены настолько прочно поселился в сознании, что мужчина часто ловил себя на почти физическом ощущении ее присутствия.

Все могло бы сложиться иначе, если бы не деньги, разное социальное происхождение, стремление Натана превзойти самого себя, показать, что он ее достоин. Ему пришлось превратиться в эгоиста и циника, пришлось стать одним из лучших — чтобы быть равным ей.

Натан вдруг испугался, что больше никогда не увидит Мэллори. Кроме нее и дочери, у него не было людей ближе и роднее. Если ему суждено умереть, кто позаботится о нем — Джордан, Эбби? На него нахлынула волна грусти.

Когда Натан въехал на Бруклинский мост, у него возникло впечатление, будто стальные прутья, которые поддерживали конструкцию, зажали его со всех сторон. Две арки, напоминающие таинственный вход в готическое здание, совершенно не сочетались с современными формами цепочки небоскребов, навсегда искаженной после исчезновения башен-близнецов. Всякий раз, когда Натан проезжал здесь во время тумана, он будто наяву видел их мерцающие фасады и верхушки, потерявшиеся в облаках.

Несколько машин скорой помощи с ревущими сиренами обогнали его, направляясь в сторону Бруклина, — должно быть, несчастный случай на скользкой дороге. Боже мой, Нью-Йорк! Он любил и имеет с тем ненавидел этот город.

По рассеянности Натан пропустил перекресток на выезде с моста и оказался на узких улочках пригорода Бруклина. Несколько минут колесил по тихому кварталу, прежде чем обнаружил поворот на Фултон-стрит; здесь достал из кармана мобильный телефон и набрал номер. Ему ответили бодрым голосом:

— Доктор Боули, слушаю вас.

Клиника доктора Боули славилась качеством лечения. Именно сюда крупные фирмы направляли новых служащих для прохождения медицинского обследования при приеме на работу.

— Натан Дель Амико, компания «Марбл и Марч». Я хотел бы пройти полное обследование.

— Переключаю вас на дежурного, — ответил доктор раздраженно: его побеспокоили в такую рань лишь для того, чтобы записаться на обследование!

— Нет, доктор, я хочу поговорить с вами.

Врач от удивления замолчал на секунду.

— Хорошо, слушаю вас.

— Я хотел бы пройти полное обследование, — повторил Натан, — анализ крови, рентген, кардиограмму.

— Уверю вас, в обследование все это включено.

Натан услышал, как доктор нажал несколько клавиш на клавиатуре компьютера.

— Мы можем записать вас на... через десять дней, — предложил Боули.

— Через десять минут! — резко ответил Натан.

— Вы... вы шутите?

— Наша компания выступила в вашу защиту в деле с налогами. Три года назад, насколько я помню.

— Это так, — признал Боули, все больше удивляясь. — И вы хорошо выполнили свою работу, я вышел сухим из воды.

Чувствовалось, однако, что он сопротивляется.

— Знаю. Один из моих коллег занимался вашим делом, поэтому я в курсе, что вы утаили кое-какие документы от налоговых служб.

— На что вы намекаете?

— У меня есть друзья в администрации Казначейства, которым была бы интересна эта информация.

— Это против всех правил вашей профессии! — запротестовал доктор.

— Конечно, — согласился Натан, — но вы не оставляете мне выбора.

Встречная машина ослепила его. Натан уронил телефон и резко вывернул руль вправо, чтобы избежать столкновения.

— Алло? — произнес он, подняв трубку.

Сначала он решил, что Боули повесил трубку, но после недолгого молчания тот заговорил:

— Это исключительный случай — я ведусь на шантаж. Если вы считаете, что на меня подействует...

— Я не прошу о многом, — вздохнул Натан, — полное обследование, сегодня. Я хорошо заплачу.

Адвокат нашел место на стоянке недалеко от клиники, хлопнул дверцей, нажал кнопку автоматического замка. Доктор Боули снова помолчал, потом произнес в трубку:

— Послушайте, мне не нравятся ваши методы, но я посмотрю, есть ли у меня свободное время. Когда вы хотите прийти?

— Я уже здесь. — Натан открыл дверь клиники.

7

Мертвые невидимы, но они с нами.

Святой Августин

Натана проводили в тускло освещенную, холодную, мрачную комнату. На кушетке лежала пластиковая карточка с информацией об этапах обследования. Натан точно следовал инструкциям: разделся, облачился в хлопковую блузу, вымыл руки и наполнил банку мочой. Потом позвал лаборанта, тот взял у него на анализ кровь.

Кабинеты, которые необходимо было посетить, располагались практически на всей территории клиники. С магнитной картой пациент переходил из одного в другой, где его обследовали различные специалисты. Развлечения начались в кабинете доктора Блэкспру, худощавого, сидящего мужчины лет пятидесяти. Внимательно осмотрев Натана, доктор расспросил его о перенесенных болезнях и заболеваниях родственников.

Особых проблем со здоровьем у Натана никогда не было, кроме суставного ревматизма в возрасте десяти лет и мононуклеоза в девятнадцать. Нет, никаких венерических заболеваний.

Нет, он не знает, от чего умер его отец; да и умер ли он... Нет, мать умерла не от сердечно-сосудистого заболевания; диабета у нее тоже не было. Своих бабушку и дедушку он не знал.

Потом врач задавал вопросы, касающиеся образа жизни Натана. Нет, он не пил и не курил со дня рождения дочери. Да, в кармане его пиджака пачка сигарет («Обыскали мои костюм!»), но он никогда не курит, носит с собой, чтобы занять руки. Да, иногда принимает антидепрессанты и анксиолитические^[6] средства, как и добрая половина людей, у которых напряженная жизнь.

Потом Натана направили к специалисту по стрессовым состояниям: сложные тесты на выявление степени наследственной и профессиональной тревожности. Да, пережил развод. Нет, ученой степени не имеет. Да, недавно перенес смерть близкого человека. Нет, долгов не было. Да, его финансовая ситуация недавно изменилась, но к лучшему.

Изменение привычек сна? Как знать, у него вообще не образовалось подобных привычек. Кто-то известный сказал: «Я не предаюсь сну — я засыпаю». К концу исследования доктор не поскупился на целый ряд советов, которые, как предполагалось, помогут лучше справляться с так называемыми стрессовыми ситуациями.

Натан выслушивал рекомендации, а внутри у него все кипело. *«Я не стремлюсь превратиться в мастера дзен! Хочу лишь знать, есть ли для моей жизни угроза — да или нет. Больше ничего».*

Затем ему предстояло кардиологическое обследование — это уже серьезнее. Кардиолог оказался человеком благожелательным. Натан рассказал ему о боли в груди, мучающей его вот уже несколько дней. Врач внимательно его выслушал, задал дополнительные вопросы об обстоятельствах возникновения боли, ее интенсивности. Измерил давление, потом попросил пробежать немного на тренажере, чтобы определить сердечный ритм после нагрузки. Затем — электрокардиограмма и эхография.

Врач-отоларинголог проверил горло, нос, пазухи и уши; от аудиограммы Натан отказался: проблем со слухом у него не было. Пришлось, однако, сделать фиброскопию гортани и рентген легких: его объяснение по поводу сигарет врачей не убедило.

— Ладно, ладно. Иногда выкуриваю сигарету, вы знаете, как это бывает...

Он опасался процедуры эндоскопии прямой кишки, но ему сказали, что это безболезненно. Ну а войдя в кабинет уролога, Натан сразу понял, что речь пойдет о простате, — что ж, правильно. Нет, он пока еще не поднимается по три раза за ночь в туалет. И нет проблем с мочеиспусканием. Он, наверное, еще слишком молод для аденомы простаты.

Напоследок осталось пройти ультразвуковое исследование. Процедура заключалась в том, что по разным участкам тела водили датчиком, а на маленьком экране возникало изображение печени, почек, селезенки и желчного пузыря.

Натан взглянул на часы: два. Уф, наконец-то все! У него кружилась голова. За несколько часов он прошел больше процедур, чем за всю жизнь.

— Вы получите результаты через две недели, — сказал кто-то за его спиной.

Адвокат обернулся: на него сердито взирал доктор Боули.

— Как это через две недели?! — воскликнул Натан. — Я не могу ждать две недели! Я истощен, я болен! Мне надо знать, что у меня!

— Успокойтесь, — мягко произнес доктор, — я пошутил. Мы подведем первые итоги через час. — Внимательно посмотрел на пациента и с беспокойством в голосе подытожил: — У вас в самом деле усталый вид. Если желаете, можете отдохнуть, пока ждете результатов: у нас есть свободная комната на третьем этаже. Я попрошу санитарку принести вам еду, хотите?

Натан согласился; собрал одежду, поднялся в предложенную комнату, переоделся и повалился на кровать.

Первое, что он увидел, — улыбка Мэллори, их общее прошлое. Она была его светом; всегда энергичная, радостная и общительная — полная противоположность ему самому. Вот у них в квартире ремонт, за несколько дней он ни разу не заговорил с маляром, ну а Мэллори меньше чем за час узнала все о его жизни — от названия города, где тот родился, до имен детей. Натан не презирал людей, вовсе нет, просто не умел с ними разговаривать. Мэллори по природе своей несла

позитив и вызывала у людей доверие. А он, в отличие от жены, не строил иллюзий относительно человеческой природы.

Несмотря на несхожесть характеров, несколько лет они прожили очень счастливо — оба умели уступать. Конечно, Натан много времени проводил на работе, но Мэллори мирилась с этим, понимала его желание подняться по социальной лестнице. Взамен он не осуждал активную жизненную позицию жены, даже если находил ее деятельность наивной или смешной. Рождение Бонни только укрепило их взаимопонимание.

В глубине души Натан всегда считал их брак нерушимым. Но со временем супруги отдалились друг от друга. У него с каждым днем было все больше работы, появлялись новые обязанности. Он прекрасно понимал, что именно из-за его занятости и возникли первые трещины в твердыне их брака.

Но главной причиной стала смерть Шона, их второго ребенка, он умер в трехмесячном возрасте. Это произошло зимой, в начале февраля, три года назад.

Мэллори отказалась брать няню-филиппинку для ухода за детьми. Она считала так: чтобы воспитывать детей богатых американцев, эти женщины вынуждены покидать родные страны и оставлять собственных детей. Если для освобождения от забот женщин Севера требуется возложить все на женщин Юга, она предпочитает обойтись собственными силами. Родители, и никто другой, должны заниматься своими детьми. Лесли Натан заявлял, что няня-филиппинка за свои услуги получает деньги, несравнимые с тем, что может заработать в своей стране, и с их помощью дает образование своим детям — Мэллори называла его ужасным колонизатором. И так расходилась, что он жалел о сказанном.

Тем вечером Натан ушел с работы чуть раньше обычного. Мэллори предупредила его, что поедет к родителям — она каждый месяц бывала у них. Обычно брала с собой Бонни, но на этот раз решила оставить девочку дома, с отцом, — у малышки была ангина. Улетала жена в шесть вечера, Натан застал ее уже в дверях. Быстро поцеловав мужа, Мэллори бросила что-то вроде: «Я все приготовила. Тебе надо только подогреть бутылочки в микроволновке. И не забудь, что ему срыгнуть нужно».

И вот он остался один с двумя детьми. Для Бонни Натан припас секретное оружие — видеокассету с мультфильмом «Красавица и Чудовище». Еще одна причуда Мэллори — бойкот Уолта Диснея. Это не нравилось Бонни, ведь ее лишали многих чудесных мультиков. Натан дал ей кассету, после того как она поклялась ничего не говорить маме. И Бонни, очень довольная, пошла в гостиную смотреть мультфильм.

Натан уложил Шона в колыбель. Ребенок был спокойным, здоровым; он пил из своей бутылочки до семи вечера, потом уснул. Натан обожал возиться с детьми, но в этот вечер у него не было времени: адвокат работал над важным, сложным делом. Впрочем, ему всегда поручали только такие дела, и приходилось все чаще брать их домой.

После мультфильма Бонни попросила поесть — конечно же, спагетти, что еще можно есть после «Красавицы и Чудовища». Натан приготовил макароны, покормил дочь, но сам не стал есть. После ужина девочка, не капризничая, отправилась в постель. Натан напряженно работал еще четыре часа, потом дал последнюю бутылочку Шону — ко сну. Он чувствовал, что устал, а завтра рано вставать. Шон мог всю ночь не просыпаться; Натан был уверен, что ребенок не проснется раньше шести.

Утром следующего дня Натан обнаружил в колыбели безжизненное тело сына, лежавшего на животике. Когда взял его на руки, заметил на простыне пятно розового цвета. Ужас пронзил его, когда он все понял... Шон умер тихо — отец не слышал ни звука, хотя спал чутко.

Такие случаи смерти новорожденных хорошо известны. Как и все родители, они с Мэллори были предупреждены: детям вредно спать на животе — и всегда следовали рекомендациям педиатра укладывать Шона на спину. Следили и за тем, чтобы лицо ребенка оставалось открытым, чтобы температура в комнате не была слишком высокой, — Мэллори поставила современный термостат, который постоянно поддерживал температуру 20 °C. Матрац должен быть твердым — они купили самый дорогой, сделанный с соблюдением всех норм безопасности. Кажется, они были хорошими родителями...

Потом Натану много раз задавали один и тот же вопрос: действительно ли он положил ребенка на спину? Ну да, конечно, — как обычно; именно так он и отвечал. На самом деле, к великому своему удивлению, Натан не помнил, как укладывал Шона, — никак не мог восстановить ход событий. Зато точно помнил, что в тот проклятый вечер полностью погрузился в работу, изучая дело о финансовом объединении двух авиакомпаний.

За все время отцовства он ни разу не укладывал детей даже на бок, не то что на живот, зачем же ему было делать это в тот вечер? Но Натан не мог вспомнить все подробности момента, когда укладывал сына в колыбельку. Эта неуверенность терзала его и усугубляла и без того гнетущее чувство вины. А Мэллори выдумала, что виновата она, потому что не кормила Шона грудью. Если бы это могло что-нибудь изменить!

Почему они отдалились друг от друга после страшного испытания, вместо того чтобы сблизиться? Их охватило необъяснимое отчуждение. Натану стало очень тяжело находиться рядом с Мэллори. Как жить и постоянно чувствовать на себе ее взгляд, обвиняющий, хоть и неосознанно, в смерти Шона? О чем разговаривать — вспоминать о прошлом? Помнишь, как было хорошо, как мы его ждали, как им гордились... Помнишь место, где мы зачали его, — в домике на горнолыжной станции Уайт-Маунтинз... Помнишь, помнишь...

Он больше не знал, как отвечать на вопросы: «Натан, ты веришь, что он на небе?», «Ты веришь, что после смерти что-то есть?». Ничего он не знал об этом, ни во что подобное не верил. Внутри была лишь бесконечная тоска, страшное чувство потери. Ничто не радовало, ничто не могло вернуть им сына.

Чтобы продолжать жить, Натан с головой ушел в работу. Но стоило ему появиться в офисе, все задавали один и тот же вопрос: «Как твоя жена?» Вечно его жена — а он сам и его боль никого не волновали. Никто не спрашивал, каково ему, как он все это пережил. Его считали сильным, жестким, беспощадным — хищником, не имеющим права на слезы и отчаяние.

Натан открыл глаза и резко встал. Конечно, иногда он проводил замечательные дни с дочерью, получал удовольствие от занятий спортом, улыбался шуткам коллег. Но даже в такие моменты боль от потери сына не оставляла его.

Час спустя Натан сидел в кресле напротив доктора Боули и рассматривал надпись на латыни в рамке — цитату из Гиппократы: «*Ars longa, vita brevis, occasio praeceps, experimentum periculosum, iudicium difficile*».

— «Искусство долговечно, жизнь коротка, кризис мимолетен, опыт обманчив, суждение затруднительно», — перевел доктор.

— Я прекрасно понимаю, что это означает, — перебил его Натан. — Я дипломированный юрист, а не поп-звезда, которая лечится от наркотиков.

— Ладно, хорошо, — произнес доктор успокаивающим тоном и протянул Натану папку с тридцатью страницами текста. На обложке красовалась надпись: «Результаты обследования».

Натан полистал несколько страниц не читая, повернулся к Боули и робко спросил:

— И что?

Доктор несколько раз вздохнул, чтобы потянуть время. «*Этот тип — настоящий садист*». Теперь еще прокашлялся и сглотнул слюну. «*Ну, давай, скажи, что я сдохну!*»

— Клянусь честью, вы не умрете завтра утром. В результатах обследования нет ничего тревожного.

— Вы... вы уверены? А сердце?

— Давление и пульс в порядке.

— Уровень холестерина?

Боули покачал головой.

— Ничего опасного: показатель в пределах нормы, нет причин для беспокойства.

— А боль в груди?

— Ничего опасного. Кардиолог считает, самое плохое, что может быть, — скрытая стенокардия из-за продолжительного стресса.

— Есть риск инфаркта?

— Маловероятно. Я вам дам спрей на тринитрине — на всякий случай. Но все пройдет, когда отдохнете.

Натан взял лекарство и чуть не расцеловал доктора: он чувствовал себя так, будто с него сняли каменную плиту. Боули долго и подробно говорил о результатах анализов, но адвокат его не слушал; знал главное — он не умрет.

Потом, в машине, Натан внимательно изучил каждое медицинское заключение. Сомнений не оставалось: он совершенно здоров! Так хорошо он давно себя не чувствовал. Настроение улучшилось. Натан посмотрел на часы; действительно ли ему нужен отпуск? Сейчас, когда он успокоился, не лучше ли вернуться к работе? *«Эбби, принесите мне дело „Райтби“ и восстановите все встречи. Не могли бы вы задержаться сегодня вечером — здорово поработаем!»*

Да, это было бы хорошо, но не стоит опережать события. И ему надо побыть с Бонни! Натан сел в машину и поехал в сторону Централ-Парк-Уэст. Хотелось сразу и выпить, и закурить; в кармане костюма он нашел пачку сигарет, достал две.

— Я не курю, они нужны мне только чтобы занять руки, — передразнил он самого себя. В тот же миг разом закурил обе сигареты и, громко засмеявшись, тронулся с места.

Если он и умрет, то точно не сегодня!

8

Мы одни во всем мире?

Реплика из фильма Джеймса Кэмерона «Бездна»

Дома Натан приготовил макароны с базиликом и пармезаном и открыл бутылку калифорнийского вина. После ужина снова принял душ, надел кашемировую водолазку и элегантный костюм. Вернулся в гараж, поставил внедорожник на место и сел за руль «ягуара». Да, он снова живет! Завтра опять будет бегать в парке; потом попросит Питера достать ему билеты на какой-нибудь хороший баскетбольный матч. Отыскал в бардачке среди десятков дисков альбом Эрика Клэптона, поставил диск и с наслаждением послушал незабываемую «Лейлу» — настоящая музыка!

Вот чем он займется во время отпуска — посвятит себя вещам, которые действительно любит. У него есть деньги, он живет в одном из красивейших городов мира — жизнь могла быть гораздо хуже. Надо признать — он испугался. Но сейчас он не чувствует ни малейшего беспокойства. Это всего лишь небольшой стресс — дань, которую он платит современному миру, вот и все.

Натан сделал музыку погромче, опустил стекло и на полном ходу, высунув голову из окна, закричал, повернув лицо к небу. Отлично понимая, что это на него действует калифорнийское шардоне, сбавил скорость. Он отправился в Центр хирургии, где был накануне, однако Гудрича там не оказалось.

— Вы застанете его в Центре паллиативной помощи, — сказала ему дежурная, торопливо написав адрес на карточке.

Сегодня расстояния не были для Натана преградой. Через считанные минуты он уже стоял перед красивым зданием из розового гранита, окруженным зеленью. Когда адвокат открывал входную дверь в вестибюль, его охватило странное чувство. Это место было не похоже на медицинское заведение. Никакого специфического оборудования, суеты, которая неизбежна в больницах. В вестибюле стояла высокая елка с новогодними украшениями; под ней лежали первые подарки.

Натан подошел к застекленной двери, ведущей в небольшой парк, заснеженный и ярко освещенный. Уже стемнело, редкие хлопья снега кружили в воздухе. Он повернулся спиной к двери и прошел по коридору в просторный общий зал: стены здесь были обиты пурпурной тканью с позолотой, всюду, как маячки, мерцали маленькие свечи, а в тишине разливалась божественная мелодия... Тихая, успокаивающая атмосфера.

Весь персонал был поглощен общим делом, никто не обращал на него внимания. А он засмотрелся на женщину, сидящую в инвалидной коляске: еще молодая, истощенное тело, голова, склоненная

набок, застыла в безнадежной неподвижности. Медсестра кормила ее супом из маленькой ложечки, комментируя мультфильм на телеэкране.

Натан почувствовал, как чья-то рука опустилась на его плечо.

— Привет, Дель Амико! — Гудрич, похоже, ничуть не удивился тому, что встретил его здесь. — Пришли нас поведать?

— Это впечатляет, Гаррет. Я никогда не бывал в таких местах.

Доктор показал ему Центр; учреждение было рассчитано на сто мест, их занимали пациенты с неизлечимыми болезнями — чаще всего рак в последней стадии, СПИД и неврологические заболевания. Натан с трудом выносил взгляды больных. На повороте одного из коридоров он осмелился спросить Гудрича:

— Эти люди знают, что...

— Что они умрут? Конечно, знают. Мы их не обманываем: в последние дни нет места лжи.

В сопровождении Натана Гаррет закончил вечерний обход. Жизнерадостный, приветливый, он находил время и слова ободрения для каждого больного. Чаще всего речь шла не о болезни: у тех, кто не был одинок, врач спрашивал о семье или о друзьях. С другими беседовал, порой подолгу, о последних спортивных событиях, о погоде или обсуждал политическую обстановку в мире. Гаррет оказался прекрасным собеседником. Даже больные с тяжелым характером или озлобленные на весь мир в конце концов смягчались, слушая его шутки. Редко когда он выходил из комнаты и при этом его не провожали улыбками. *«Этот человек мог бы стать великолепным адвокатом»*, — подумал Натан.

Посещение Центра потрясло Натана. В целом атмосфера оказалась не такой ужасной, как он представлял. Обитатели этого заведения как будто сумели на время спроводить смерть, хотя прекрасно понимали, что она скоро за ними вернется.

Гудрич познакомил адвоката с некоторыми работавшими здесь добровольцами. Натан искренне восхищался людьми, которые посвящали часть своего времени другим, и думал о Мэллори. Здесь ей было бы хорошо, с ее способностью излучать свет и оптимизм. Ему тоже хотелось сопереживать этим людям, но увы.

И все же он постарался: обошел комнаты, предлагая свою помощь; обсудил телепередачу с молодым фотографом, больным СПИДом; помог поесть пожилому мужчине после трахеотомии.

В какой-то момент Натан заметил, что у него дрожит рука: приступы кашля у пациента напугали его. Как можно оставаться невозмутимым, видя такие страдания? Он путано извинился перед стариком, но тот, казалось, не заметил его замешательства — поблагодарил улыбкой и закрыл глаза. В комнату вошел Гудрич.

— Вы идете, Дель Амико?

Натан не ответил — взгляд его был прикован к удивительно умиротворенному лицу умирающего.

— Почему этот человек не боится смерти? — тихо спросил Натан, вставая.

Гаррет приподнял очки и потер глаза, размышляя над ответом.

— Жиль уже давно в нашем Центре. Ему много лет, и он спокойно принял свою болезнь. Такое отношение позволило ему жить в мире с самим собой.

— Я так никогда не смогу, — произнес Натан.

— Вы слышали фразу: «Перестанешь бояться, когда прекратишь надеяться»? Ну вот, в данном случае ее можно объяснить так: страх смерти уменьшается, когда дела завершены и больше нет планов.

— Как можно жить и ничего не ждать?

— Ну... Жиль ждет лишь одного, — ответил доктор. — Но не думайте, что все уходит так тихо. Большинство умирает в гневе, негодуя и сопротивляясь болезни.

— Таких я больше понимаю и жалею. — Глубокая горечь проступила на лице адвоката.

Гаррет вывел Натана из задумчивости:

— Дель Амико, этим людям нужны безусловная любовь и понимание, а не жалость. Не забывайте — большинство больных знают, что это их последнее Рождество.

— Вы и меня причисляете к ним? — вызывающе осведомился Натан.

— Кто знает, — ответил Гудрич, пожимая плечами.

Не стоило задерживаться на этой теме, но один вопрос мучил Натана, и он его задал:

— Это сложно для такого врача, как вы, так ведь?

— Вы хотите сказать — находиться с этими людьми рядом, но быть неспособным их вылечить?

Натан кивнул в знак согласия.

— Нет, — ответил Гудрич, — напротив. Мы остаемся вместе с больными до конца. Это может показаться незначительным. Но, по правде говоря, гораздо легче резать человека на операционном столе, нежели сопровождать его в неизвестность.

— И в чем же заключается сопровождение?

Гудрич развел руками.

— Это сложно и в то же время просто: почитать больному, помочь причесаться, поправить подушку, вывести на прогулку в парк. Но чаще всего вы ничего не делаете — просто находитесь рядом с ним, разделяете его страдания и страх. Вы рядом и готовы его выслушать.

— Я все же не понимаю, как можно смириться с тем, что умрешь.

— Отрицать смерть — не выход! Наше общество уже сделало запретной эту тему, когда избавилось от некоторых обрядов, предваряющих переход в мир иной. Вот почему люди остаются в одиночестве, когда сталкиваются со смертью. — Доктор помолчал немного и добавил: — И все же смерть не есть что-то необычное.

Он произнес последние слова громко, будто пытался убедить сам себя.

Вернулись в вестибюль. Натан стал застегивать пальто, но, прежде чем уйти, сказал:

— Внесем ясность, Гаррет: я вам совершенно не верю.

— Простите?

— Все, о чем вы говорили, вся эта болтовня по поводу смерти и Вестников... Я не верю ни единому слову.

— О, понимаю вас. Тот, кто считает, что управляет своей жизнью, не желает, чтобы его убеждали в обратном.

— Кроме того, я хочу вам сказать, что абсолютно здоров. Думаю, вы ошиблись на мой счет: я не умираю.

— Рад слышать это.

— Я взял несколько дней отпуска.

— Желаю вам хорошо их провести.

— Вы дразните меня, Гаррет.

Натан вызвал лифт. Гудрич стоял рядом и смотрел на него оценивающим взглядом, наконец решился:

— Думаю, вы должны встретиться с Кандис.

Натан вздохнул:

— Кто это?

— Девушка из Стейтен-Айленда, работает официанткой в «Дольче вита» — это кофейня в центре Сент-Джорджа, иногда я пью там кофе по утрам.

— И что?

— Вы меня прекрасно поняли, Натан.

Вдруг картина смерти Кевина встала перед глазами.

— Вы хотите сказать, что она...

Гаррет кивнул.

— Я не верю вам. Вы проходили мимо этой женщины, и вдруг вас посетило откровение?

Гаррет промолчал.

— Как именно это происходит? Она идет в толпе — и вдруг вы видите, что она начинает двигаться в такт похоронному маршу?

— Я не могу объяснить, — грустно произнес Гудрич. — Порой появляется сияние, которое видите только вы. Но не это главное.

— А что главное?

— То, что вы чувствуете в глубине души. Внезапно приходит четкое осознание, что этому человеку

осталось жить несколько недель.

— Думаю, вы опасны.

— А я думаю, вы должны увидеться с Кандис, — повторил Гаррет.

9

Как далеко от маленькой свечи Сияет огонек.
Так в извращенном мире Добро сияет.

Шекспир^[7]

12 декабря

Кафе «Дольче вита» располагалось в квартале Сент-Джордж. В восемь утра здесь уже было многолюдно, к стойке тянулись две длинные очереди, но обслуживали быстро.

Натан устроился за столиком у окна и стал ждать, когда к нему подойдут. Он мельком глянул на обслуживающий персонал: двое принимали заказы у клиентов, забиравших еду с собой; двое обслуживали посетителей в зале. Кто из них Кандис? Гудрич говорил о девушке, но в подробности не вдавался.

— Что вам принести?

Подошла женщина лет за сорок, рыжеволосая, с усталым лицом; на бейджике, приколотом к блузке, имя — Эллен. Натан заказал завтрак, ему тут же принесли заказ. Небольшими глотками отпивая кофе, адвокат рассматривал официанток за стойкой.

Одна была сильно накрашенной брюнеткой лет двадцати, с силиконовыми губами и пышной грудью, притягивавшей взоры мужчин, — явно стремилась обратить на себя внимание, наполняя каждое движение провокационной чувственностью. Другая — поскромнее, постарше, невысокая, с коротко подстриженными светлыми волосами. Она успевала обслужить двоих клиентов, пока напарница возилась с одним; в ее поведении не было ничего кокетливого. Просто симпатичная девушка, без следа вульгарности.

Интуитивно Натан догадался, что именно она — Кандис. Чтобы убедиться в этом, он направился к кассам за бумажными салфетками. Подошел как можно ближе — настолько, чтобы разобрать имя на бейджике: Кандис Кук.

Провел в кафе еще полчаса, а потом спросил себя, что он здесь делает.

Вчера вечером Натан обещал себе забыть фантазии Гудрича. Тем не менее с утра пораньше, недолго думая, приехал в Стейтен-Айленд — словно какая-то неведомая сила направляла его. Любопытство ли, эйфория от сознания, что он совершенно здоров, а быть может, страх, что Гудрич окажется сильнее и прозорливее докторов? Гудричу удалось-таки вовлечь его в переделку! После того как Натан стал свидетелем самоубийства Кевина, какая-то тяжесть завладела его сознанием, он будто чувствовал угрозу, нависшую над ним и всеми остальными, почему и вознамерился присмотреть за Кандис. Но не проводить же здесь все утро! Завтрак он давно съел, и на него с любопытством поглядывали официантки. Да и что может случиться с девушкой в этом тихом квартале?

Натан вышел на улицу, машинально купил «Уоллстрит джорнал», забрел в несколько магазинов: воспользовался случаем, чтобы приобрести новогодние подарки. С покупками управиться было несложно: несколько партитур и программа по музыке для Бонни; бутылка хорошего французского вина для Эбби и машинка для обрезки сигар Джордану. Бесплезно что-либо покупать Мэллори — все равно не примет.

Натан вернулся к автомобилю, который оставил напротив кафе. Проходя мимо здания, посмотрел через стекло: наплыв клиентов спал, но Кандис оставалась на посту. Ладно, не будет же он торчать здесь все утро! Вставил ключ зажигания, собираясь уехать, но передумал: не решался,

будто кто-то нашептывал ему: «Оставайся на месте!» Подчинившись интуиции, развернул газету — ну прямо детектив в засаде.

В 11:30 зазвонил мобильный:

— Привет, пап!

— Бонни! Ты не в школе?

— Сегодня нет уроков, в школе проводят учения по безопасности.

— Чем занимаешься?

— Собираюсь завтракать. — Бонни зевнула. — Не забывай, у нас только восемь утра.

— Где мама?

— В душе.

Бонни разрешалось звонить отцу в любое время, когда она захочет, — так они договорились с Мэллори. Натан услышал, как девочка снова зевнула.

— Ты поздно легла?

— Ага... Венс водил нас вчера вечером в кино.

Натана как током ударило. Вот уже несколько месяцев его бывшая жена встречалась со старым приятелем Венсом Тайлером; они познакомились на первом курсе университета и оставались в более или менее хороших отношениях. Венс — выходец из богатой калифорнийской семьи; его родители давно знали и навещали Векслеров. Как понял Натан, Венс жил на дивиденды от акций косметической компании, которую унаследовал. Несколько лет назад развелся; когда же Мэллори переехала жить в Сан-Диего, стал ухаживать за ней, предполагая, что у него есть все шансы.

Натан ненавидел Тайлера, и вполне взаимно. Однако всякий раз, когда Бонни говорила о Венсе, старался не отзываться о нем плохо, на случай если Мэллори вдруг решит связать с ним жизнь. Девочка и так сильно страдала из-за развода родителей и становилась агрессивной, если какой-нибудь мужчина приближался к матери; не стоило вовлекать ее в ссоры взрослых.

— Хорошо провела вечер, дорогая?

— Ну пап, ты знаешь, не люблю я этого Венса.

«И правильно делаешь, моя милая!»

— Послушай, Бонни, если когда-нибудь мама захочет снова выйти замуж, тебе не нужно расстраиваться.

— Почему?

— Нужно, чтобы кто-нибудь вроде Венса заботился о тебе и защищал.

— У меня уже есть мама и ты.

— Конечно, есть, но в жизни всякое может случиться.

Натан вспомнил слова Гудрича: что, если сказанное врачом — правда? Что, если смерть уже стучится в его дверь?

— А что может случиться?

— Ну мало ли... не знаю.

— Венс мне не папа.

— Безусловно, нет, милая моя. — Натан сделал над собой огромное усилие. — Венс, возможно, неплохой парень. Мама могла бы быть с ним счастлива.

— Раньше ты говорил, что он придурок!

— Не будь грубой, Бонни! Ты не должна произносить это слово.

— Ты его так назвал, когда говорил с мамой!

— Да, я не слишком его люблю, — пришлось признать Натану. — Но это, возможно, оттого, что мы с ним не одного поля ягоды. Знаешь, такие люди, как Венс, родились с серебряной ложкой во рту.

Бонни удивленно переспросила:

— С серебряной ложкой?..

— Это такое выражение, дорогая. Означает, что его семья всегда была богата и Венсу не нужно было работать, чтобы оплатить учебу. А мне приходилось мыть машины и вкалывать на гнилых складах Бруклина.

— Мама и Венс встречались, когда были молодыми?

— Говори тише, милая, мама будет недовольна, если услышит, что мы обсуждаем это.

Бонни прошептала:

— Все нормально, я поднялась к себе в комнату.

Натан ясно представил дочь: Бонни в пижаме, маленькие ножки в башмаках, как у Гарри Поттера.

Он обожал секретничать с ней.

— Они встречались, — признался Натан, — но всею несколько раз, это было несерьезно.

Бонни помолчала немного, — значит, думает, — потом рассудительно произнесла:

— Но ведь мама тоже родилась с золотой ложкой во рту!

— Серебряной, милая. Ну хорошо, ты права. Но она не презирает людей из другого круга. Она порядочная.

— Я знаю.

— И ты тоже будь такой, слышишь меня? Не презирай тех, кто убирается у тебя в школе, или тех, кто обслуживает тебя в столовой. Можно быть достойным уважения, даже если мало зарабатываешь, понимаешь?

Бонни, умная девочка, снова заговорила о противоречиях:

— Но ведь ты всегда говорил: в Америке тот, кто хочет денег, всегда может их заработать.

— Ну да, иногда я говорю глупости.

— А я... должна презирать богатых?

— Нет! Суди о людях не по их деньгам, а по их поступкам. Понятно?

— Понятно, пап. — Потом проговорила доверительным тоном: — Знаешь, пап, я не верю, что мама любит Венса.

Удивленный этим замечанием, Натан помолчал, потом произнес:

— Не всегда нужна любовь, чтобы с кем-то жить. Так бывает. — *«Зачем я говорю ей подобное?»*

Она еще слишком маленькая, чтобы это понять... — А я считаю, что маме нужна любовь.

И тут он услышал голос Мэллори — она звала дочь из кухни.

— Мне нужно идти, пап. — Бонни уже открывала дверь своей комнаты.

— Хорошо, малышка.

Прежде чем попрощаться, она все же прошептала:

— Знаешь, я уверена — мама не любит Венса!

— Откуда ты знаешь?

— Женщины знают такие вещи.

О, какая она умилительная! Чтобы скрыть волнение, Натан возразил с напускной строгостью:

— Ты еще не женщина, ты маленькая девочка, иди есть кашу. Я очень тебя люблю, белочка. Больше всех на свете!

— Я тоже тебя люблю.

Натан включил отопитель в автомобиле. И вновь задумался. По правде говоря, он не понимал, что Мэллори нашла в этом придурке Тайлере: нахальный, самонадеянный, из тех, кто считает, что происхождение дает право считать себя лучше всех.

Однако Венс, вероятно, не без оснований рассчитывал на успех: он мог видаться с Мэллори каждый день, ну и, конечно, в любую секунду был в ее распоряжении. Впервые за все время Натан признался себе, что, возможно, потерял Мэллори навсегда. Странно, но при разводе он почему-то считал: однажды она вернется, эта разлука лишь временная. Так упорно верил в это, что ни разу даже не подумал о том, чтобы завести отношения с другой женщиной. С тех пор у него было два или три свидания, без продолжения.

Никто для него не сравнится с Мэллори. Как охотник за обломками затонувших кораблей, он погрузился за ней в самые глубокие воды озера Санкати Хед. Его любовь была нерушимой.

Кандис закончила работу в два часа дня. В потертых джинсах и кожаной куртке, она вышла из кафе и села в старенький, помятый пикап, припаркованный неподалеку. Натан завел машину и поехал за ней. Движение в этот час было довольно плотным; как в кино, он остановился на первом же светофоре, чтобы позволить Кандис оторваться. Никого в жизни Натан еще не преследовал и потому боялся, что его заметят.

Пикап выбрался из центра и покати́л на юг. Кандис ехала минут двадцать, потом углубилась в жилой квартал, людной, но спокойный, и остановилась перед домиком на небольшом участке земли. Что же, она здесь живет? Вот позвонила в дверь — ей открыла полная женщина с жизнерадостным лицом. Кандис вошла внутрь и через пять минут вернулась с маленьким мальчиком на руках: на первый взгляд ему было около года, на нем курточка навыворот.

— Еще раз спасибо, Таня! — поблагодарила Кандис.

Она крепко прижала ребенка к груди. Затем надела на голову малышу ярко-красную шапочку, осторожно пристегнула его к заднему сиденью и поехала к магазину. Припарковавшись, усадила сына в коляску и вошла в магазин. Натан следовал за ней из отдела в отдел.

Девушка медленно выбирала продукты, видимо, чтобы не потратить больше, чем могла себе позволить. Казалось, что она получает огромное удовольствие от самого процесса их приобретения. Часто останавливалась, что-то шептала на ухо сыну, целовала его и показывала пальцем на то, что выглядело необычно:

— Посмотри, какая огромная рыба, Джош! А вот, видишь, какой чудесный ананас!

Малыш улыбался и тарасил любопытные глазенки на все, что его окружало. А Кандис шла и все повторяла, какой он красивый и славный. Надо ведь его немного побаловать — и положила в корзину маленький пакетик конфет.

Натан видел — этой женщине хорошо и счастье ее неподдельно. Интересно, она живет с кем-то или мать-одиночка?.. Он готов был поспорить, что второе вероятнее, но вдруг засомневался: Кандис остановилась в отделе алкогольных напитков и взяла упаковку пива «Будвайзер». Неожданность — Натан почему-то не представлял ее с пивом.

На стоянке он прошел совсем близко от нее: лицо спокойное, безмятежное. Потом взглянул на малыша — и подумал о своем сыне.

Кандис села в пикап, и Натан вновь последовал за ней. Расположенный на небольших холмах, район Стейтен-Айленд больше походил на Нью-Джерси, чем на Нью-Йорк: здесь было больше частных домов и никакой суеты.

Население Стейтен-Айленда сильно выросло с тех пор, как некоторые жители полуразвалившихся кварталов Бруклина переехали сюда в поисках тишины и покоя. Жители Манхэттена считали этот район пристанищем неотесанной деревенщины. Что касается обитателей Стейтен-Айленда, они заявили о своем желании стать отдельным от Манхэттена административным районом: им надоело платить высокие налоги, выгодные только их расточительному соседу.

Кандис продолжила свой путь — миновала место, откуда забрала сына, но на этот раз не остановилась перед домом Тани, а повернула направо и поехала по дороге, которая привела ее к одному из последних в районе домов.

Натан остановился в пятидесяти метрах от него; вспомнил, что в прошлом году купил бинокль — в Стоу Маунтин^[8], когда проводил там выходные с Бонни. Куда он, черт побери, подевался? Поискав, нашел его под сиденьями и, приладившись, стал рассматривать этот дом — дом Кандис Кук.

Вон она стоит с каким-то мужчиной, они смеются... Ему за шестьдесят, высокий, худощавый, прямой, как палка; на голове бейсболка, за ухом сигарета. Чем-то похож на Клинта Иствуда, подумал Натан; возможно, ее отец.

До приезда Кандис мужчина красил веранду. Теперь оставил свое занятие и помог ей выгрузить из багажника коричневые бумажные пакеты, полные продуктов. Видно было, что эти двое хорошо ладят. «Клинт Иствуд» забрал ребенка из машины; малыш залез пальчиками в пакетик со сладостями, достал конфету и положил «деду» в рот. А Кандис в это время поставила машину в небольшой гараж.

Пока «Клинт», с сигаретой в зубах, заканчивал мыть кисти, девушка унесла ребенка в дом, затем вышла и протянула мужчине одну из только что купленных бутылок «Будвайзера». Поблагодарив, тот положил руку ей на плечо, и они вернулись в дом.

День был пасмурный, уже начинало смеркаться. В гостинной загорелся свет — три силуэта

вырисовывались, как в китайском театре теней. Из дома доносился смех, смешанный со звуками телевизора. Натан не совсем понимал, почему она, эта Кандис, до сих пор живет с отцом.

Он долго сидел в машине неподвижно, будто из зрительного зала наблюдая сцену чужого счастья. Люди возвращаются домой, рассказывают близким, как прошел день, обсуждают дела, намечают планы на будущие выходные. А у него... у него ничего этого больше нет. И он почувствовал себя совсем несчастным. Включил печку и уже собрался уехать, когда снова зазвонил мобильный. С работы, наверное. Нет, пришло сообщение: «Проверьте почту. Гаррет Гудрич».

Что еще ему нужно? Поразмыслив несколько секунд, Натан включил свет в салоне, достал из портфеля ноутбук и вошел в Интернет: пришло три письма.

Первое от Эбби: «Приятного отпуска. С Рождеством вас и вашу дочь!» Конечно, добавила цитату: «Мужчина, который не проводит время со своей семьей, никогда не будет настоящим мужчиной». Натан улыбнулся — это такая игра между ними: нужно вспомнить, из какого фильма реплика. Эту фразу он легко вспомнил, нажал на кнопку ответа и напечатал: «Вито Карлеоне, „Крестный отец“».

Во втором письме — фотография Бонни, прижимающей к щеке Багза, карликового кролика. С тех пор как Мэллори купила веб-камеру, Бонни часто посылала ему снимки. На этом девочка держала над головой лист картона; нарисовала на нем овал, как в комиксах, а внутри него написала фломастером: «Я и Багз ждем тебя в следующую субботу».

Натан долго смотрел на надпись, растрогавшись, как обычно, когда видел очаровательное личико дочери: длинные, спутанные волосы, лукавые, как у Мэллори, глаза. Немного кривые пока зубки придавали улыбке пикантность. У Натана потеплело на душе — и в то же время ему было невероятно грустно.

Он долго возился с последним сообщением, которое пришло с прикрепленным видеофайлом. Проверил адрес отправителя: рабочий ящик Гудрича. Подождал, пока фильм полностью загрузится, и запустил — изображение довольно четкое, но все испещрено черточками. Натан посмотрел на дату внизу экрана: запись сделана чуть больше трех месяцев назад.

Первая съемка велась из окна какого-то транспортного средства, судя по указателям — в Техасе, точнее, в Хьюстоне. Видно было, как машина покинула исторический центр и направилась по автомобильной дороге в сторону первого окружного кольца. Натану лишь однажды довелось побывать в столице Техаса, но неприятное впечатление осталось до сих пор — огромное пространство города, сдавленное пробками, жарой и пылью. К тому же он слышал, что некоторым фирмам с трудом удавалось нанять адвокатов из-за малопривлекательного вида города — тут сама обстановка влияла на качество жизни.

В центре сложной автомобильной развязки машина съехала на дорогу, ведущую в периферийный район, где цены на жилье явно невысокие. Камера скользила по промышленным складам; наконец картинка замерла перед невзрачным зданием из грязного кирпича. Интересно, снимал Гудрич? В любом случае оператор так старательно запечатлел дорожные указатели, что легко было добраться до места.

Дальше съемка происходила внутри маленькой квартиры. Небольшая студия с желтоватыми стенами, обшарпанными, но чистыми. На столе, покрытом пластиком, старенький телевизор, рядом с растрескавшейся раковиной — маленький холодильник. Можно расслышать выкрики и подбадривания, доносившиеся с улицы: без сомнения, мальчишки играли на площадке в баскетбол.

Изображение дрожало, но отчетливо различалась стена с фотографиями над небольшим письменным столом. Камера приблизилась вплотную к самой большой фотографии — старой, выцветшей; на ней была запечатлена маленькая девочка со светлыми волосами, она стояла на качелях и хохотала, а мужчина без пиджака, с сигаретой за ухом ее раскачивал.

Натан включил фары и тронулся с места; одной рукой держась за руль, другой нажал кнопку вызова справки на мобильном. Попросил соединить его с больницей Стейтсн-Айленда — очень хотел поговорить с Гудричем.

— Доктор уже ушел, — ответила дежурная. — Завтра он не работает, поэтому могу предположить, что поехал домой, в Коннектикут.

— Я хотел бы узнать адрес.

— К сожалению, мы не имеем права давать такую информацию, — отозвалась она настороженно.

— Я его друг, и это срочно.

— Если вы действительно друг, у вас должен быть его адрес...

— Послушайте, — бесцеремонно перебил ее Натан, — я приходил вчера и три дня назад тоже был у нас. Может, вы меня вспомните? Я адвокат и...

— Сожалею.

— Дайте мне этот чертов адрес! — заорал Натан в трубку: он был сильно раздражен.

На другом конце провода дежурная глубоко вздохнула. Смена Салли Грэхем заканчивалась через полчаса; ей платили семь долларов в час, врачи и санитарки относились к ней без малейшего уважения. У нее не было желания выслушивать этого сумасшедшего, и, чтобы побыстрее от него отделаться, она решила дать адрес.

— Гм, спасибо, — пробормотал Натан, удивленный тем, что одержал победу.

Но Салли уже положила трубку.

Двести восемьдесят пять лошадиных сил под капотом «Рейндж Ровера» легко несли его по дороге. Манхэттен остался позади, по 95-му шоссе Натан направился в Коннектикут. Кадры из записи, которую он недавно смотрел, проносились в голове; адвокат ехал быстро, слишком быстро. Мельком взглянул на спидометр — стрелка зашкаливала. Он нажал педаль тормоза.

Натан любил Новую Англию, ее не тронутые временем деревушки, будто сошедшие с картинок Нормана Роквелла. В его представлении это была древняя Америка, страна пионеров и традиций, — Америка Марка Твена и Стивена Кинга. Через час он подъехал к небольшому местечку Мистик. В давние времена здесь был центр охоты на китов, теперь — точная копия порта девятнадцатого века.

Прошлым летом Натан уже проезжал деревню по пути в Филадельфию и запомнил эти изящные дома — в таких жили в былые времена капитаны китобойных судов. Летом здесь полно туристов, а зимой тихо; в этот вечер все казалось спокойным, даже мертвым, будто холодный соленый ветер с океана превратил Мистик в город-призрак. Еще несколько миль на восток по автострате № 1, и, не доезжая Стонигтона, Натан остановился у дома на отшибе. Если дежурная дала ему верный адрес, здесь он найдет Гудрича.

Выбравшись из машины, адвокат пошел по песчаной тропинке к дому. Несколько раз пришлось прикрывать рукой глаза, защищаясь от поднимаемых ветром облаков песка. Рядом океан; шум волн смешивался с пронзительными криками чаек — странный, почти нереальный звук.

Дом выглядел таинственно: трехэтажное здание, высокое и узкое, оно как бы нависало над самим собой. На каждом уровне маленькие балконы разного размера; они придавали стенам ломаную, неровную форму. Звонка на двери не оказалось. Натан несколько раз сильно постучал. *«Ладно, успокойся, это тебе не мотель „Бейтс“»*^[9].

Гаррет довольно быстро открыл дверь: в заляпанном фартуке, рукава рубашки закатаны. Посмотрел на адвоката и как-то странно улыбнулся.

— Я ждал вас, Дель Амико.

Натан молча прошел за ним на кухню: довольно уютно, стены в синем кафеле. Длинный рабочий стол из темного дерева занимал всю стену, над ним в ряд висели надраенные медные кастрюли.

— Чувствуйте себя как дома. — Гудрич протянул адвокату бутылку. — Попробуйте белого чилийского вина, оно восхитительное.

Потом врач стал суетиться у плиты и больше не проронил ни слова, поглощенный приготовлением какого-то сложного, изысканного блюда. Ароматы даров моря витали по всему помещению.

Натан озадаченно наблюдал за Гарретом — этот человек решительно его удивлял. Кто он на самом деле? Гаррет казался очень оживленным, но непочатая бутылка вина на закусочном столике не была тому причиной. *«Я уже видел его. Я когда-то видел этого человека. Это было давно, но...»* Натан попытался представить Гудрича без бороды — не получилось.

Гудрич достал из шкафчика две тарелки.

— Надеюсь, вы поужинаете со мной. А пока мы едим, вы мне расскажете новости.

— Послушайте, Гаррет, я здесь не для того, чтобы вы проводили надо мной кулинарные эксперименты. Я хотел поговорить о...

— Не люблю есть в одиночестве, — перебил его Гаррет, наливая в тарелки суп-пюре из моллюсков и лука.

— Вы не женаты, Гудрич? — Натан попробовал суп.

— Как вам кусочки жареного бекона? Хрустят...

Натан коротко рассмеялся:

— Я задал вопрос, Гаррет: вы живете один?

— Да, господин инспектор. Первая моя жена умерла более двадцати лет назад. Потом я снова женился, но дело кончилось разводом. У меня хватило ума больше не испытывать судьбу.

Гость развернул большую льняную салфетку:

— Это ведь было? Давно?

— Простите?..

— Мы ведь с вами уже встречались. Но это было давно.

Гудрич не ответил.

— А как вам мой холостяцкий дом — уютно, правда? Здесь неподалеку есть славные места для рыбалки. Завтра утром мне не нужно на работу — пойду рыбачить. Хотите — милости прошу со мной!

С очевидным удовольствием Гаррет поглощал вкуснейший рис. Мужчины открыли вторую бутылку чилийского вина, потом еще одну. Впервые за долгое время Натан ощутил, что внутреннее напряжение его отпустило. Блаженство разлилось по всему телу, и вдруг он почувствовал, что ему близка вся эта атмосфера.

Гаррет рассказывал об ужасной реальности, которую приходилось преодолевать на работе: неизлечимые больные, которых он оперировал изо дня в день; смерть, которая неожиданно приходила к тем, кто не готов был уйти в мир иной; постоянная обязанность спасать, лечить себе подобных, облегчать их страдания. Доктор упомянул, что любит заниматься кухней и рыбачить — это помогало ему восстановить силы в выходные дни.

— Очень сложно держаться, понимаете... Нельзя сливаться воедино со своим пациентом, но в то же время необходимо быть рядом, чтобы поддержать и посочувствовать. И не всегда приходит на ум верный способ поведения.

Натан вновь подумал о людях, которых видел в Центре паллиативной помощи, об их физических и моральных страданиях. Как продолжать заботиться о них, когда знаешь, чем все кончится? Где взять силы, чтобы поддерживать их до самого конца?

— Нелегко найти верное средство, — закончил свою мысль Гудрич будто в ответ на эти, неведомые ему, мысли гостя.

Потом долго молчал. Нарушил тишину Натан:

— Расскажите мне о Кандис Кук.

Кухню и гостиную соединяла большая арка. Покрытый керамической плиткой пол во всем доме делал незаметным переход из одного помещения в другое. Гостиная выглядела особенно уютной — Натан сразу это оценил. В таком месте он с удовольствием проводил бы вечера с Бонни и Мэллори.

Все здесь, казалось, служило для того, чтобы создавать домашнюю атмосферу, даже балки потолочных перекрытий, не говоря уже о стенах, сохранявших тепло. На камине стояла модель трехмачтового парусника, в углу комнаты, прямо на полу, — плетеные корзины с рыболовными

снастями.

Натан устроился в кресле из золотистого ротанга; Гаррет осторожно управлялся со старинным кофейником.

— Итак, вы с ней встретились? — спросил он.

— Вы не оставили мне выбора, — вздохнул Натан.

— Знаете, она необыкновенная девушка. — Тень грусти мелькнула в глазах хозяина.

Натан заметил это:

— Что с ней случится?

Но тут же пожалел о своем вопросе — этим он признавал силу собеседника.

— Неизбежное. — Гаррет протянул адвокату чашку кофе.

— Нет ничего неизбежного! — парировал Натан.

— Вы прекрасно знаете, что есть.

Достав сигарету из пачки и прикурив ее от дрожащего пламени свечи, Натан глубоко затянулся и попытался успокоиться.

— В этом доме не курят, — заметил Гудрич.

— Вы шутите?! Только что выпили два литра вина и теперь читаете мне мораль. И вообще, расскажите мне о ней... Расскажите о Кандис.

Доктор уселся на диван, обитый парусиной, и скрестил на груди крепкие руки.

— Родилась она в рабочем квартале Хьюстона, в простой семье. Родители развелись, когда ей было три года. Она уехала с матерью в Нью-Йорк. С отцом виделась часто, пока ей не исполнилось одиннадцать.

— Одна из тысяч таких же.

— Думаю, вы не стали бы хорошим врачом. Каждый человек в своем роде единственный и неповторимый.

— Я неплохой адвокат, мне этого достаточно.

— Вы успешный защитник интересов нескольких крупных компаний. Это не значит, что вы хороший адвокат.

— Не так уж важно для меня ваше мнение.

— Вам недостает человечности.

— Точно!

— И смирения.

— Не собираюсь спорить с вами, продолжайте. Кандис виделась с отцом, пока ей не исполнилось одиннадцать. А дальше?

— Внезапно отец исчез из ее жизни.

— Как это?

— Очень просто — попал в тюрьму.

— Это тот человек, которого я видел недавно, — он сейчас живет с ней?

— Да, тот. Бывший заключенный: его посадили в восемьдесят пятом за неудачную попытку ограбления.

— И что же, освободили?

Гудрич поставил чашку на ящик из вощеного дерева, служивший столиком.

— Да, освободили — он вышел из тюрьмы два года назад. Устроился ремонтным рабочим в аэропорту Хьюстона, жил в тесной квартирке — той, что на видео, вы помните.

— Это вы его нашли?

Гаррет утвердительно кивнул.

— Ему не хватало смелости встретиться с дочерью. Он писал ей письма, когда сидел в тюрьме, но ни разу не решился отправить.

— И вы сыграли роль ангела-хранителя?

— Не стоит меня так называть. Я всего лишь взломал дверь его квартиры, похитил письма и послал их Кандис. Вместе с ними отправил и фильм, который снял, чтобы дочь смогла приехать к отцу.

— По какому праву вы позволяете себе вмешиваться в жизнь других людей?! — возмутился

Натан.

— Кандис нужны были эти письма — она все время жила с мыслью, что отец ее бросил. Для нее стало большим утешением узнать, что отец никогда не переставал ее любить.

— Это так важно?

— Понимаете, отсутствие отца не позволяет личности развиваться полноценно.

— Бывает по-разному. Мой отец бил мать, пока не убрался на другой конец страны. И меня его отсутствие не особенно беспокоило.

Повисла неловкая пауза.

— У этого человека разбита вся жизнь, он понемногу начинает все заново. И у него есть право снова быть со своей дочерью и увидеть наконец внука.

— Но, черт возьми, если вы знаете, что Кандис умрет, — защитите ее! Сделайте так, чтобы этого не случилось!

Врач закрыл глаза:

— Я могу лишь воссоединить членов этой семьи, оказать им поддержку. — В голосе его прозвучали нотки фатализма. — Но я уже говорил вам: никто не в силах изменить ход вещей. Нужно, чтобы вы приняли это.

Натан, не выдержав, вскочил:

— Если бы я принимал в жизни все, что мне хотели навязать, обокрал бы уже кассу какого-нибудь завода!

Гудрич тоже поднялся, чуть заметно зевнул:

— У вас досадное стремление все сводить к своей персоне.

— Что ж, эту персону я знаю лучше всего.

В ответ хозяин положил руку на перила лестницы, начинавшейся прямо посередине гостиной.

— Вы можете переночевать у меня, если хотите. На втором этаже комната для гостей и чистая постель.

В воцарившейся тишине Натан услышал завывания ветра и шум волн, которые с грохотом обрушивались на песчаный пляж. Ему не хотелось возвращаться в свою пустую, холодную квартиру, к тому же он выпил. И Натан охотно принял приглашение.

11

She's like a rainbow...[\[10\]](#)

Роллинг Стоунз

13 декабря

Рано утром следующего дня, когда Натан спустился в гостиную, хозяина дома уже не было — он отправился на рыбалку. На столе лежала записка: «Когда будете уходить, закройте дверь и положите ключи в почтовый ящик».

Натан сел в машину и поехал в сторону Стейтен-Айленда. Он не переставал думать о своем отношении к Гудричу: почему этот человек неприятен ему и вместе с тем чем-то привлекает. Несомненно, доктор часто ставит его в неловкое положение, но бывают моменты, когда Натан чувствует себя так, будто Гаррет приходится ему кем-то вроде близкого родственника — настолько комфортно рядом с ним. Натану никак не удавалось разобраться в своих противоречивых ощущениях.

Весь день он занимался тем, что наблюдал за Кандис и ее семьей. Несколько раз сопровождал девушку — то в кафе, где она работала, то домой. Сегодня малыш остался с дедушкой; находясь снаружи, Натан мог лишь предполагать, что происходит в доме. Заметил только, что «Клинт Иствуд» выходил на веранду покурить. Все утро этот человек — не стоит забывать, что ему не меньше шестидесяти, — что-то делал по дому; потом повел внука на прогулку. Чувствовал он себя с ребенком непринужденно, укрывал его, чтобы тот не простудился, уверенно катил коляску.

Натан следил за странной парочкой издалека, прогуливаясь в ботаническом саду между

клумбами, разбитыми на английский манер, и оранжереями с тропическими растениями. Близко не подходил и потому не слышал, как «Клинт», баюкая малыша, напевает старые песни южан.

Долгие часы, проведенные в машине, Натан думал о Мэллори: вспоминал счастливые моменты — те, что больше не вернутся, ее улыбку, манеру подсмеиваться над ним и ставить его на место.

Несколько раз звонил в Сан-Диего, но неизменно слышал лишь автоответчик. В эти минуты его одолевали воспоминания о сыне, о каждой связанной с ним мелочи. Ему так не хватало этих пустяков: мягоньких щечек, крохотных ручонков — Шон все размахивал ими, перед тем как уснуть... Больно перебирать все это: его первое Рождество, первые шажки, а вот появляется зубик, а теперь он лепечет первые слова...

Вечером, перед тем как отправиться на работу, Кандис на минуту заскочила домой — по пятницам она подрабатывала еще в одном баре. Естественно, предпочла бы остаться дома, с отцом и Джошем, — они провели бы вдвоем тихий вечер: приготовили бы вкусный ужин, разожгли огонь в камине, включили музыку. Но она не могла отказаться от этих дополнительных денег: приближалось Рождество, праздник, который ее радовал, но нес с собой столько расходов.

Кандис вышла из ванной и тихо отворила дверь в комнату сына: ей показалось, он заплакал — нет, крепко спит. Ложная тревога, но лучше не расслабляться: соседка, Таня Васеро, сказала, что в регионе свирепствует эпидемия гриппа.

Успокоившись, женщина поцеловала малыша в щечку, вышла из комнаты и взглянула на часы: смена начинается через двадцать минут, нужно поторапливаться. Оделась перед большим выщербленным зеркалом, стоящим на полу, быстро натянула юбку и блузку. Джо, хозяин бара, хочет, чтобы официантки выглядели сексуально, и постоянно напоминает им об этом.

Поцеловала отца, получила совет быть осторожной, возразила для порядка («Папа, мне уже не четырнадцать!») и ушла. Она была счастлива, что в доме снова появился отец, — это придавало ей уверенность, и потом, он так внимателен к Джошу!

Старенький пикап, единственный автомобиль в ее жизни, завелся не сразу: она купила его в доисторические времена, в начале президентского срока Джорджа Буша-старшего. Да уж, далеко не новый, но, если удавалось его завести, прекрасно ездил на небольшие расстояния. Сегодня вечером у Кандис было хорошее настроение, она включила радио и стала подпевать Шанин Твейн: «Man! I feel like a woman!»^[11]

Тут же, однако, отчаянно зевнула, — боже, до чего устала! К счастью, завтра выходной — утром она выспится. А затем поедет за рождественскими подарками: присмотрела в торговом центре две чудесные плюшевые игрушки — смеющегося мишку и черепаху с длинной шеей, очень забавную. Джош еще маленький, в этом возрасте дети любят игрушки, которые можно положить с собой в постель. Через несколько лет, когда мальчик подрастет, она купит ему велосипед, а после — книги и компьютер.

Нелегкая у нее жизнь. Каждый месяц Кандис старалась отложить несколько долларов сыну на учебу. Ей было очень трудно свести концы с концами. Немного денег не помешало бы. Джош непременно будет учиться в университете и, она надеется, получит полезную специальность — врача, учителя или адвоката.

19 часов 58 минут

Кандис поставила машину рядом с большим синим внедорожником и вошла в бар; к этому времени там уже веселились вовсю: стаканы с выпивкой опустошены на четверть, пиво течет рекой, песни Спрингстина раздаются на полную мощь... Атмосфера простецкая — скорее, Нью-Джерси, чем Нью-Йорк.

— А вот и самая красивая женщина! — поприветствовал ее Джо Конолли из-за стойки.

— Привет, Джо!

Джо прежде работал полицейским в Дублине, в Стейтен-Айленд он приехал лет пятнадцать назад. По общему мнению, его бар был чистым местом — сюда частенько заходили полицейские и пожарные со всего города. За все время работы здесь у Кандис не возникло ни одной серьезной проблемы: споры никогда не переходили в драки, официанток уважали. Она надела фирменный

фартук и приступила к работе:

— Привет, Тэд! Что тебе подать?

20 часов 46 минут

— Ты кое-кому нравишься, красавица моя.

— Что ты такое говоришь, Тамми? — отозвалась Кандис.

— Говорю, ты кое-кому понравилась. Вон тот неплохо упакованный тип, в конце стойки, глаз с тебя не сводит, с тех пор как ты пришла.

— Ты бредишь, дружище! — пожала плечами Кандис.

Взяла поднос с кружками и ушла, бросив все же взгляд в том направлении: человек, о котором говорил Тамми, действительно внимательно смотрел на нее. Раньше никогда его здесь не видела; ни на полицейского, ни на пожарного не похож. На миг взгляды их встретились — и между ними явно что-то промелькнуло.

«Только бы не вообразил, что хочу его подцепить!» — подумала Кандис.

«Только бы она не решила, что я хочу ее подцепить!» — пришло в голову Натану.

Он все гадал, как заговорить с Кандис. Беспокоился за нее, хоть и уверял Гаррета в обратном. Любой ценой нужно узнать, грозит ли жизни женщины опасность! Но как еще привлечь ее внимание в барс в пятницу вечером, если не фривольным разговором?

21 час 04 минуты

— Вы здесь впервые? — спросила Кандис.

— Да. Я адвокат из Манхэттена.

— Вам что-нибудь принести?

— Нет, спасибо, мне скоро за руль.

— Если вы не закажете еще кружку, старик Джо рассердится и попросит уйти, потому что вы занимаете место у стойки.

— Ладно, тогда еще пива.

21 час 06 минут

— А он ничего, — оценил Тамми, с фантастической скоростью открывая бутылки.

— Не говори глупостей!

— Ну и зря! Для красивой девушки твоего возраста ненормально быть одинокой!

— Мне сейчас не нужен мужчина, — твердо ответила Кандис.

Произнося эти слова, она с грустью вспомнила свои последние любовные приключения: ничего серьезного, интрижки то там, то здесь, никаких сколько-нибудь стабильных отношений. Вспомнила отца Джоша: торговый представитель, они познакомились на вечеринке у бывшей приятельницы по лицу. Почему она позволила этому человеку ее охмурить, на что надеялась? Симпатичный, правда, и красиво говорил, но она никогда не обманывалась на его счет. Просто почувствовала вдруг отчаянное желание отражаться в чьих-то глазах. Желание оказалось длиной в одно объятие, а потом она, к собственному удивлению, обнаружила, что беременна. Что и говорить, никакие средства контрацепции не эффективны на сто процентов.

Горечи Кандис не испытывала, ведь это происшествие преподнесло ей самый лучший подарок — Джоша. Она сообщила о беременности отцу ребенка, но не попросила ни помощи, ни алиментов, — пожалела лишь, что он не проявил стремления видеть своего сына. Конечно, ей хотелось, чтобы кто-то был рядом, но получилось иначе. Прости и забудь, как говорил ее отец.

21 час 08 минут

— Ваше пиво — пожалуйста.

— Спасибо.

— Итак, что вы собираетесь здесь делать, мистер адвокат из Манхэттена?

— Зовите меня Натан.

— Что вас привело в наш бар... Натан?

— Я пришел поговорить с вами, Кандис.
Она отпрянула, настороженно спросила:
— Откуда вы знаете мое имя?
— Все всегда так называют вас Кандис, — ответил он, улыбнувшись.
— Точно, один ноль в вашу пользу.

— Послушайте, — продолжал он, — может быть, пойдем куда-нибудь, выпьем, когда вы закончите работать?

— Вы зря теряете время.
— Я не пытаюсь вас завлечь, клянусь.
— Честное слово, бесполезно настаивать.
— Ваши губы говорят «нет», а глаза — «да».
— Пустая болтовня. Все это я слышала сто раз.
— Вы пахнете жасмином, — заметил он.

21 час 12 минут

«А он и правда ничего себе...»

22 часа 02 минуты

— Можно еще пива?
— Но вы даже не начали вторую кружку.
— Не хочу лишиться места за стойкой.
— Что тут такого интересного?
— Возможность видеть вас.
Кандис пожала плечами, но не удержалась от улыбки.
— Если этого достаточно, чтобы сделать вас счастливым...
— Вы подумали над моим предложением?
— Над вашим предложением?
— Выпить со мной стаканчик после работы.
— Официантки никогда не встречаются с клиентами, это правило.
— Когда бар закроется, вы уже не будете официанткой, а я — клиентом.
— Типичные слова адвоката.
Это не прозвучало комплиментом.

22 часа 18 минут

«Неплохо, но слишком уж самоуверенно».

22 часа 30 минут

— В любом случае я не встречаюсь с женатыми мужчинами. — Она указала на обручальное кольцо, которое Натан никогда не снимал.
— Вы ошибаетесь, женатые мужчины более интересны, именно поэтому они все уже разобраны.
— Глупое замечание, — бросила Кандис.
— Это шутка.
— Плохая шутка.
Натан собирался ответить, но к ним подошел Джо Конолли.
— Все в порядке, Джо, — сообщила Кандис.
— Тем лучше, — пробормотал тот.
Натан подождал, пока хозяин бара удалится, и повторил свое предложение:
— А если я не женат, вы пойдете со мной?
— Может быть.

23 часа 02 минуты

— Это так и есть — я разведен.

— Откуда мне знать, что это правда?

— Я мог бы показать документы о разводе, только ведь не знал, что это необходимо, чтобы пригласить девушку куда-нибудь пойти.

— Ладно, забудьте, мне достаточно вашего слова.

— Это «да»?

— Я сказала — может быть...

23 часа 13 минут

«Почему он внушает мне доверие? Еще раз спросит — отвечу „да“».

23 часа 24 минуты

Бар начал пустеть; тяжелый рок группы «Босс» сменился балладами Трейси Чепмена. Кандис взяла перерыв на пять минут и разговаривала с Натаном, сидя за столиком в глубине бара. Между ними начинала возникать симпатия, но тут их разговор прервали.

— Кандис, к телефону! — крикнул Джо из-за стойки.

Она резко встала, пораженная: кто может звонить ей на работу? Подошла — и через несколько секунд лицо ее исказилось; она побледнела, положила трубку, сделала, шатаясь, несколько шагов к стойке, но у нее подкосились ноги. Натан следил за происходящим — он тут же подбежал, подхватил ее, и Кандис залилась слезами в его объятиях.

— Что случилось?!

— Мой отец... сердечный приступ! Скорая только что забрала его в больницу!

— Я вас отвезу! — Натан схватил пальто.

Больница в Стейтен-Айленде

Центр интенсивной кардиологической помощи

Подбегая к врачу, который занимался ее отцом, Кандис горячо молилась про себя: *«Боже, пусть только не самое худшее!»* Она разобрала имя на бейджике: «Доктор Генри Т. Дженкилз» — и с немой мольбой посмотрела на врача: *«Ободрите меня, доктор! Пожалуйста, скажите: ничего страшного нет, я могу забрать его домой! Ведь мы вместе встретим Рождество? Я буду так заботиться о нем, приготовлю ему вкусный бульон — такой делал он для меня, когда я была маленькой. Скажите же мне...»*

Но доктор Дженкилз умел не замечать мольбу во взглядах пациентов и их родственников — с годами научился быть слепым. Сочувствие помешало бы ему выполнять свою работу. Он чуть отступил назад и произнес будничным тоном:

— Вашему отцу удалось вызвать скорую, перед тем как он упал на кухне. Когда мы приехали, то нашли у него все признаки обширного инфаркта. Пока везли его сюда, сердце остановилось. Мы сделали все возможное, но бесполезно. Мне очень жаль. Если вы хотите видеть отца, санитарка покажет вам палату.

— Нет, нет, нет! — закричала Кандис, и слезы хлынули у нее из глаз. — Я только недавно нашла его! Это несправедливо! Несправедливо!

Она вся дрожала, ноги стали ватными — головокружительная бездна разверзлась перед ней, и вот единственное плечо, на которое она может опереться, — плечо Натана.

Он взял все в свои руки. Сначала справился о том, что с Джошем. Ему сказали: малыша привезли в больницу вместе с бабушкой, ждет маму в отделении педиатрии. Потом отвел Кандис к телу отца. Кандис поблагодарила за помощь и попросила оставить ее одну.

Натан вернулся в приемный покой и осведомился в справочной, дежурит ли сегодня доктор Гудрич. Ответ был отрицательный. Тогда он нашел телефон в справочнике; ему удалось застать Гудрича и Центре паллиативной помощи.

— Вы ошибись, Гаррет, — сообщил он упавшим голосом, взвинченный до того, что трубка дрожала в руке.

— В чем именно? — спросил доктор.

— Умереть должна была не Кандис!

— Что?!

— Ее отец.

— Послушайте, Натан, я ничего не понимаю.

Адвокат глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться.

— Я в больнице, — объяснил он. — Отец Кандис только что умер — остановка сердца.

— Черт!.. — удивленно произнес доктор.

Голос Натана дрожал от волнения:

— Итак, вы не предвидели эту смерть, не так ли? Вы не заметили маленького ореола?

— Нет, — согласился Гудрич, — я ничего не предвидел, но никогда и не подходил к этому человеку достаточно близко, чтобы говорить о...

— Послушайте, я считаю, что пришло время перечеркнуть ваши туманные теории! Смерть промахнулась, и лучше вам признать это!

— Вы погорячились. Возможно, у него уже было больное сердце. Его смерть ничего не доказывает.

— Во всяком случае Кандис спасена, Гаррет. Это все, что я знаю.

— Надеюсь, вы правы, Натан. Я всей душой надеюсь на это!

Дом Кандис Кук

3 часа ночи

В комнате, окутанной мраком, лишь огоньки новогодних свечей у окна позволяли различать контуры предметов и лиц. Кандис в конце концов уснула на диване в гостиной. Натан сидел в кресле и как загипнотизированный смотрел на нее: он понимал, что сон женщины прерывист и наполнен кошмарами. В больнице они забрали Джоша, и Натан отвез их домой. Кандис была совершенно разбита. Они немного поговорили, затем Натан дал ей снотворное, прописанное одним из врачей больницы.

Короткий жалобный крик раздался из соседней комнаты: Джош только что проснулся и барахтался в кровати.

— Привет, малыш, не бойся. — Натан успокоил ребенка и взял на руки.

— Пи-ить! — потребовал малыш.

Напоив ребенка. Натан отнес его в гостиную.

— Как дела, малыш?

— Ма-лыш, ма-лыш, — пытался повторить Джош.

Натан чмокнул его в лобик.

— Посмотри на маму — спит! — прошептал он.

— Ма-ма...

С Джошем на руках Натан сел в кресло и стал качать его, напел даже несколько тактов из «Колыбельной» Брамса. С тех пор как умер его сын, он ни разу не вспоминал эту мелодию, и теперь нахлынувшие чувства заставили его умолкнуть.

Через несколько минут мальчик уснул. Натан уложил его в кроватку и вернулся в гостиную, где спала Кандис. Написал одно слово на обратной стороне списка покупок, положил бумагу на середину стола и вышел из дома. На улице падал снег.

14 декабря

Кандис открыла засов и выглянула в приоткрытую дверь.

— О, это вы... входите.

Натан прошел на кухню. Было девять утра. Джош сидел на маленьком стуле и завтракал.

— ...Вет, — произнес малыш.

— Привет, Джош! — улыбнулся ему Натан.

Кандис погладила сына по голове, глядя на гостя.

— Благодарю вас за то, что остались вчера вечером.

— Пустяки... Как вы — держитесь?

— Я в порядке. — Но глаза ее говорили об обратном.

Натан вынул из кармана небольшую связку ключей.

— Я привез вашу машину.

— Спасибо, вы действительно... замечательный. Вы оставили ваш внедорожник на стоянке Джо?

Он кивнул.

— Выпейте с нами кофе, — предложила Кандис.

— Охотно. — Он сел.

Помолчал некоторое время, потом решил:

— Я хочу попросить вас кое о чем. — Он поставил на стол небольшую кожаную сумку.

— Да?.. — Кандис вдруг заволновалась — она будто все время ждала, что такая непонятная доброжелательность со стороны этого малознакомого мужчины вот-вот приведет к плохой развязке.

— О том, чтобы вы приняли...

— Что?

— Деньги — немного денег от меня, на воспитание сына.

— Это... это шутка? — Она поставила чашку на стол — чуть не уронила от неожиданности.

— Нет, просто хотел бы вам помочь.

— За кого вы меня принимаете?! — возмутилась Кандис и в гневе вскочила со стула.

Натан попытался ее убедить:

— Успокойтесь, Кандис, я не прошу ничего взамен.

— Вы сумасшедший, вы не в своем уме... — повторяла она. — Мне не нужны ваши деньги!

— Нет, они вам нужны! Нужны, чтобы ваш сын мог учиться. И еще... На спидометре вашей машины пробег триста тысяч километров, автомобиль в любой момент может отказаться. Больше никому вам помочь.

— И сколько же денег вы мне предлагаете? — не удержалась Кандис.

— Пусть будет сто тысяч долларов.

— Сто тысяч долларов?! Но это... это невозможно! Люди не дают деньги просто так. Так не бывает!

— Иногда колесо вращается... Представьте, что выиграли в лотерею.

Несколько секунд она молчала.

— А это не отмыwanie денег? Ну, или еще что-нибудь такое?..

— Нет, Кандис, это не грязные деньги. Все законно.

— Но ведь я вас совсем не знаю!

— Все, что я рассказал вчера вечером о себе, — чистая правда. — Он открыл кожаную сумку. —

Меня зовут Натан Дель Амико, я известный адвокат. У меня репутация честного человека, мои дела исключительно законные. Я принес целую кучу бумаг, которые подтверждают мои слова: паспорт, выписку из банковских счетов, статьи обо мне в юридических изданиях...

— Не настаивайте, — прервала его Кандис, — я не участвую в этом!

— Подумайте, Кандис, прошу вас!

— Уже подумала. Не хочу быть никому обязанной, учитывая мой образ жизни.

— У вас не будет никаких долгов ни передо мной, ни перед кем бы то ни было.

— Но зачем это нужно вам?

— Еще неделю назад я не сделал бы вам такого предложения, — признался Натан, — но сегодня кое-что изменилось в моей жизни... Послушайте, я не всегда был богат. Меня вырастила мать, у которой было еще меньше денег, чем у вас. Мне повезло — я смог учиться. Не лишайте такой возможности вашего сына.

— Мой сын будет учиться, поможете вы мне или нет! — попыталась защититься Кандис.

— Или нет... — пролепетал Джош, будто хотел поддержать маму.

— Подумайте еще. Мой номер телефона есть в портфеле. Позвоните, когда посмотрите документы.

— И так все ясно. У меня действительно нет денег. Зато осталось нечто поважнее — честь и

порядочность.

— Я не прошу вас отказываться ни от того, ни от другого.

— Прекратите... все эти словеса. Ваше предложение — это слишком уж хорошо, чтобы быть правдой. Наверняка здесь ловушка. Чего вы попросите, если я возьму деньги?

— Посмотрите мне в глаза! — Натан приблизился к ней.

— Я не обязана подчиняться вам! — Кандис все же подняла голову, посмотрела.

Натан еще раз, стараясь быть убедительным, спокойно произнес:

— Я порядочный человек. Уверю вас, вам нечего бояться. Подумайте о сыне и возьмите деньги.

— Мой ответ — нет! — повторила Кандис. — Вы меня прекрасно поняли. Нет, нет и еще раз нет!

Натан вернулся домой. Кандис все утро рассматривала бумаги из портфеля. А он, у себя, не отрывал взгляда от телефона. В полдень аппарат наконец зазвонил.

12

...Осуждены на смерть хищными птицами и животными...

Лукреции

Натан повернул и минут десять искал место для парковки. Наконец ему удалось припарковать машину в узком проеме. Кандис сидела рядом; дождавшись, пока машина остановится, освободила Джоша от ремней детского кресла на заднем сиденье. Натан достал из багажника громоздкую детскую коляску, Кандис усадила сына.

Малыш, в отличном настроении, вовсю распевал свои песенки, иногда прикладываясь к полупустой бутылочке.

Втроем они направились к зданию из серого и розового кирпича, где располагалось одно из отделений «Фёрст банк оф Нью-Джерси».

Был час пик; люди толпились во вращающихся дверях — пришлось некоторое время побороться, чтобы протолкнуть внутрь коляску. Охранник, молодой, чернокожий, с приветливым лицом, пришел им на помощь, пошутив: мол, современные устройства явно не приспособлены для детей.

Наконец они оказались в большом, ярко освещенном зале: несколько окошек — это кассы, и элегантные кабинки темного дерева — для переговоров между клиентами и служащими. Кандис достала из сумки чек.

— Вы... правда считаете, что это хорошая идея?

— Мы уже обсудили это с вами, — вежливо откликнулся Натан.

Кандис посмотрела на Джоша и встала в очередь перед одной из касс.

— Постоять с вами? — предложил Натан.

— Не стоит, — ответила она, — это недолго. Посидите там. — И кивнула на ряд стульев в глубине зала.

— Я возьму с собой Джоша.

— Не нужно, я подержу его на руках. Разве что заберите бутылочку. — Кандис улыбнулась ему и помахала рукой, когда он уходил.

В этот миг она напомнила ему Мэллори. Все больше он привязывался к этой простой женщине, излучавшей спокойствие и уверенность. Его трогало согласие, царившее между ней и сыном; то, как она целовала малыша и шептала ему на ушко нежные слова каждый раз, как он собирался заплакать. Спокойная, уравновешенная мать. Пусть и куртка у нее поношенная, и косметика дешевая, и вообще, она не «девушка „Космо“», но от этого не менее привлекательна и приятна в общении.

Наблюдая за Кандис, Натан думал о том, какой странный оборот приняла его жизнь. Возможно, стремление во что бы то ни стало вырваться из своей среды — его ошибка и он был бы счастливее с такой женщиной, как Кандис, в доме с собакой и пикапом, украшенным флажком со звездами... Только обеспеченные люди считают такую жизнь глупой и однообразной; он-то знает, что это не

так, ведь сам вырос в бедной семье.

Натан не любил всю эту болтовню о важности мелочей в жизни, которые якобы делают человека счастливым. Но слишком сильно страдал когда-то из-за отсутствия денег, чтобы пренебречь тем, что имел сейчас. А теперь чувствовал — деньги еще не все, нужен кто-то, с кем можно поделиться ими. Без руки в своей руке у него не было желания никуда идти; без ответа — только тишина; без лица напротив — не существуешь и сам.

Натан перекинулся несколькими словами с охранником, стоявшим у входа. Тот с энтузиазмом рассуждал о победах, которые одержала его любимая бейсбольная команда «Янкиз» — накануне она объявила о покупке хорошего игрока на будущий сезон. Вдруг он запнулся — в дверях показалась мощная фигура: мужчина баскетбольного роста, вокруг шеи повязан шарф, на ремне за спиной спортивная сумка. *«Странная идея — таскать с собой такую огромную сумку»*, — подумал Натан.

Верзила выглядел взволнованным — ему явно было не по себе; несколько раз он обернулся, отыскивая кого-то блуждающим взглядом. Охранник сделал к нему несколько шагов. Тот вроде бы направился к одной из очередей, но остановился в центре зала, за долю секунды выхватил из сумки оружие, натянул на голову черную маску с прорезями и проревел:

— Эй вы-ы!..

Охранник не успел достать из кобуры пистолет, как на него налетел второй бандит и нанес ему два сильных удара дубинкой. Оглушенный, охранник повалился на пол, и бандит быстро его разоружил.

— Не шевелиться! Не шевелиться, чертово отродье! Руки за голову!

Первый грабитель руководил действиями: он был без маски, в защитных штанах и форменной куртке американской армии: обесцвеченные волосы коротко острижены, глаза налиты кровью. Вооружен до зубов: крупнокалиберный пистолет в правой руке и пистолет-пулемет на плече. Такое оружие позволяло вести ураганный огонь и могло принести многочисленные жертвы.

— На колени! Все на колени, быстро!

Послышались крики, несколько мгновений — и все клиенты и служащие банка стояли на коленях или лежали на полу. Натан оглянулся и поискал глазами Кандис: она спряталась под столом одной из кабин; прижимает к груди Джоша и повторяет тихо-тихо: «Это игра, малыш, это игра», силясь улыбаться. Ребенок с интересом наблюдал за происходящим.

Глаза у всех наполнились ужасом. Натан, как и все, стоял на коленях. *«Как это они прошли с оружием? Надо же проверять сумки у входа... И почему сигнализация не сработала, черт возьми?!»* Рядом с ним съежилась в позе зародыша женщина, прижавшись к деревянной панели кассы. Только собрался прошептать ей несколько ободряющих слов, открыл было рот — и тут все тело пронзила острая боль. Он услышал глухие, неровные удары собственного сердца. Есть лекарство — надо достать его из кармана пальто...

— Держи руки за головой! — прокричал грабитель в армейской куртке.

Налетчиков только двое; еще один, очевидно, ждет в машине неподалеку. Тот, что орал на Натана, вразвалку направился к человеку, который, по-видимому, был начальником службы безопасности.

— Ты, иди со мной! Мне нужен код, чтобы открыть дверь. — И толкнул его к двери в глубине зала.

Было слышно, как открылась металлическая дверь, потом, судя по звуку, открыли и вторую. Тип в маске оставался в главном зале — следил за заложниками: стоял на столе, демонстрируя, что все под контролем, и не переставая вопил:

— Не двигаться! Не двигаться!

Из двоих налетчиков этот был слабым звеном: то и дело смотрел на часы и яростно теребил край своего шлема, который, видно, здорово давил на шею. Грабитель явно терял терпение:

— Что ты копаешься, Тод?! Шевелись, черт возьми!

Тод не отвечал. В конце концов, не в силах больше выдержать, бандит резко сорвал шлем. Пот стекал у него по лбу и выступал темными пятнами под мышками. Возможно, он уже познал гостеприимство тюрьмы и теперь боялся поселиться там надолго. На этот раз он играл по-

крупному: вооруженное нападение с применением насилия.

Тод наконец появился в зале — он нес тяжелую сумку — и закричал сообщнику:

— Ари, иди за остальным!

— Слушай, Тод, давай убираться, хватит нам денег!

Но грабитель в куртке и защитных штанах не хотел слушать:

— Иди за остальным, ничтожество!

Натан решил воспользоваться ситуацией, чтобы приблизиться к Кандис; сердце у него билось как сумасшедшее — пусть: он чувствовал, что несет ответственность за ее жизнь. Уже почти поднялся, как вдруг тот, кого называли Ари, бросился к нему и сильным ударом ноги отшвырнул к столу.

— Ты! Сиди на месте, понятно?!

Подельник снова заорал:

— Я тебе сказал — иди за деньгами! Я слежу за ними!

Натан, оглушенный, с трудом пришел в себя и потрогал бровь: кровь струилась по виску и капала на рубашку. Если выйдет отсюда живым, несколько дней не сможет показываться на людях — с таким-то лицом.

И тут Кандис сделала движение к нему. С тревогой посмотрела на Натана, будто спрашивая: «Как ты?» Чтобы успокоить ее, он кивнул. Кандис попыталась улыбнуться, но Натан заметил, что она мертвенно-бледна. Смотрел и смотрел на нее, как вдруг все поплыло перед глазами. На долю секунды лица Кандис и Мэллори смешались воедино...

Он должен, он изо всех сил попытается защитить их от насилия!..

Внезапно, когда никто уже не надеялся, раздался пронзительный звук сирены. Налетчиками овладела паника. Ари возник в центральном зале с полными руками банкнот.

— Что происходит, Тод?!

— Нужно убираться, пока не приехала полиция!

— Ты мне сказал, что сигнализация отключена! Черт, ты мне это сказал — что нет никакого риска!

Капли пота бежали по лицу Ари; вконец перепуганный, он ронял пачки денег на пол. Подошел кое-как к двери и увидел: мимо здания банка пулей пролетела машина.

— Черт! Джеральдо! Он уходит без нас, гаденыш! Что мы будем делать без машины? — Ари совершенно растерялся.

Но Тод его не слушал, в мгновение ока поднял огромную сумку на плечо, взял пистолет-пулемет в одну руку, револьвер — в другую. Яростно толкнув дверь, он вышел как раз в тот миг, когда к банку подъехали полицейские машины. Звуки выстрелов смешались с криками.

Ари не последовал за сообщником, а быстро отступил к входу и закрыл дверь.

— Не двигаться! — заорал он, направляя ствол пистолета на людей, лежащих на полу.

Натан не спускал глаз с оружия. *«Сколько жертв принесет этот сумасшедший?..»*

Снова слышались выстрелы, потом тишина, наконец громовой голос произнес в мегафон: «Вы окружены! Ваш сообщник арестован! Выходите из здания без оружия и не совершайте резких движений!»

Бандит обезумел. Как раз рядом с ним — Кандис.

— Ты, иди сюда! — грубо дернул он ее за руку.

Произошло то, чего боялся Натан: ее взяли в заложницы.

Готовая на все ради сына, Кандис отчаянно отбивалась. Каким-то образом ей удалось скрыться в глубине зала; Джош кричал у нее на руках. В этот миг Натан поднялся и встал между ней и Ари.

Впавший в ярость из-за оказанного сопротивления, бандит направил пистолет на Натана... *«Он, может быть, меня убьет... — мозг адвоката работал с бешеной скоростью, — зато Кандис останется жива. Даже если он выстрелит, полиция тут же ворвется внутрь. Кандис больше ничем не рискует».*

Время тянулось бесконечно. *«Гаррет ошибается. Я таю — он ошибается. Не существует предопределения. Кандис спасена! Я победил, Гаррет! Я победил!»*

Натан заворуженно уставился на оружие Ари: парабеллум «Глок лугер», можно купить за какие-нибудь пятьдесят долларов в любом оружейном магазине страны. С диким выражением лица Ари двумя руками держал пистолет, положив палец на курок, — вот-вот выстрелит...

Натан мельком взглянул на входную дверь. Все произошло за долю секунды, но этого оказалось достаточно: охранник наконец пришел в себя и вытащил оружие, спрятанное в маленькой кобуре на щиколотке. Ари не успел ничего понять. Охранник поднялся, вытянул руку и два раза выстрелил. Первая пуля прошла мимо цели, вторая попала бандиту в спину — тот упал.

Людей охватила паника, все бросились к выходу, в то время как полицейские и спасатели пытались попасть внутрь здания.

— Эвакуируйте всех из зала! Эвакуируйте! — раздался из мегафона командный голос.

Натан поспешил в глубь зала. Группа людей окружила распростертое на полу тело. Он приблизился: это Кандис... Перепуганный Джош, икая, отчаянно цеплялся за нее.

— Позовите на помощь! — закричал Натан изо всех сил. — Вызовите скорую!

Первая пуля охранника срикошетила от металлической створки двери и закончила путь в боку женщины, которая лежала в луже крови.

Натан склонился над Кандис и взял ее за руку.

— Не умирай! — умолял он, упав рядом с ней на колени.

Лицо Кандис стало полупрозрачным; она открыла рот, чтобы что-то сказать, но лишь струйка крови стекала из уголка губ.

— Не умирай! — кричал Натан, взывая о помощи ко всем богам на свете.

Но она была уже далеко. Осталось лишь неподвижное тело, не имеющее ничего общего с той женщиной, которая час назад улыбалась и рассказывала сказки сыну. Натану ничего не оставалось, как положить ладонь ей на веки.

Голос из толпы произнес: «Это его жена?»

Машина скорой помощи приехала несколько минут спустя. Натан крепко сжимал Джоша в руках; ребенка чудом не ранило, но он был сильно напуган. А сам Натан провожал взглядом носилки, на которых выносили тело Кандис. Когда алюминиевая молния чехла сомкнулась над ее лицом, он спросил себя: а точно ли для нее все кончено? Что происходит в момент смерти? Есть ли что-то — после?.. Продолжение?.. Одни и те же вопросы... столько раз задавал он их себе — после смерти матери и потом, после смерти сына.

Впервые на этой неделе на небе сияло солнце. Нью-Йорк иногда преподносит такие подарки зимой. Воздух был чистым, дул холодный сухой ветер.

На тротуарах приходили в себя потрясенные люди. На руках у Натана заходилась в плаче Джош.

Совершенно оглушенный, Натан был словно в тумане. Со всех сторон доносились голоса, мигалки полицейских машин слепили глаза.

Журналисты щелкали фотоаппаратами, задавали вопросы. Раздавленный муками совести и чувством вины, Натан делал все возможное, чтобы оградить Джоша от всей этой дикой суматохи.

Когда увозили Кандис, полицейский подошел к нему, чтобы задать несколько вопросов, — эмигрант из Латинской Америки, невысокий, коренастый юноша. Он что-то говорил, но Натан его не слушал, а рукавом рубашки осторожно вытирал лицо Джоша — слезы смешались на нем со следами крови Кандис... Волна горя захватила Натана, он зарыдал.

— Это я... я ее убил! Из-за меня она оказалась здесь!..

Полицейский сочувственно произнес:

— Вы ведь не могли знать... Мне очень жаль.

Натан сел прямо на асфальт и обхватил голову руками; все его тело содрогалось от конвульсий. Это все из-за него... Он подтолкнул Кандис к смерти. Не предложи он ей эти чертовы деньги — ноги ее никогда не было бы в банке и ничего не случилось бы! Он один виноват!.. Забавно, ведь он всего лишь пешка, которую передвинули на это место и в это время для осуществления того, что было выше его понимания! Как же, как принять этот мир, где и жизнь, и смерть уже предопределены судьбой?!

И вновь он услышал голос Гудрича, будто вторящий эхом его собственному внутреннему голосу: «Невозможно спорить с судьбой, и никто не может отсрочить смерть...»

Натан поднял на полицейского глаза, полные слез. Тот, пытаясь его утешить, повторил:

— Вы не могли знать...

Думай об этом, прошу тебя, — день и ночь думай.

Цицерон

Вначале не было ни прошлого, ни будущего. Это было до Большого взрыва — того, что породил материю, пространство и время.

В энциклопедиях можно прочитать, что история нашей Вселенной началась пятнадцать миллиардов лет назад. Такой возраст у самых древних звезд. Что касается Земли, то она возникла менее пяти миллиардов лет назад. Очень быстро, спустя всего миллиард лет, на ней появились примитивные живые существа — бактерии.

Потом пришла очередь человека. Все знают это, но забывают: по сравнению с возрастом Вселенной время существования человечества остается бесконечно малой величиной. Внутри этого ничтожно короткого отрезка, только в период неолита, люди начали вести оседлый образ жизни, стали заниматься сельским хозяйством, торговлей и воздвигали города.

Другой прорыв произошел позже, в конце восемнадцатого века. Экономика развивалась, увеличивалось количество создаваемых благ. Потом пришла очередь промышленной революции. Однако даже накануне этого периода продолжительность жизни достигала всего лишь тридцати пяти лет. Смерть была повсюду. И это принимали как данность.

Более восьмидесяти миллиардов человек, живших до нас, строили города, писали книги и музыку. Сейчас нас шесть миллиардов. Умерших почти в четырнадцать раз больше. Они тлеют и разлагаются под нашими ногами — и в наших умах. Они наполняют своим духом нашу землю и наши продукты. Некоторых из этих умерших нам не хватает.

Вскоре, спустя несколько миллиардов лет, Солнце исчерпает запасы водорода, а само увеличится во сто крат. Температура на Земле пересечет отметку 2000 °C, и, возможно, человечество исчезнет.

Что касается Вселенной, она продолжит расширяться и поглотит все галактики. Со временем звезды погаснут, и космос превратится в огромное кладбище.

Сегодня вечером небо низкое и нет ветра. Натан Дель Амико, загипнотизированный картиной, открывающейся из окон его квартиры в «Сан-Ремо», слушает звуки Нью-Йорка: ровный гул автомобилей, сигналы клаксонов, вой сирен — это скорая помощь и полицейские машины.

Он один. Ему страшно, ему не хватает жены. И он знает, что скоро умрет.

Мертвые знают только одно: лучше быть живыми.

**Реплика из фильма Стэнли Кубрика
«Цельнометаллическая оболочка»**

15 декабря

Потоки солнечных лучей свободно проникали в просторное помещение сквозь большие стеклянные окна. Стены необыкновенной белизны залиты солнцем — прямо как летом. В тишине заработала автоматическая система, и на окна опустились шторы.

Натан лежал на низком диване, обитом светлой твидовой тканью. Поставил на пол пустую бутылку «Короны» — четвертую. Предметы уже приобрели неясные очертания, его подташнивало. С самого утра он бесцельно слонялся по квартире.

Кандис мертва... Видимо, Гаррет все же обладает чертовой способностью предвидеть смерть. Это значит, что и его конец близок, теперь он в этом не сомневался. Гудрич уже приходил за

Кевином, Кандис, и сейчас он пришел за ним. С этим трудно согласиться, но он должен принять это как данность. Как вести себя теперь, когда он знает, что скорая смерть неминуема? Как противостоять удару?

Он жил в мире, где царит дух соревнования. В мире, где нет места слабым. И так старательно играл роль сверхчеловека, что забыл о смерти. Однажды он уже чуть не расстался с жизнью — в Нантакете, но не вынес никакого урока из этого происшествия.

Натан встал, прислонился к стеклу лбом: из окна открывался волшебный вид на парк; от выпитого разболелась голова. Ужасные картины — расставания, скорби, страданий — вновь захлестнули воображение. Вспомнил о Джоше, о том, как работники социальных служб забрали малыша. Джош остался сиротой в годовалом возрасте, какое детство его ожидало? Черeda приемных семей, детских домов, где всегда не хватает любви и зашиты.

Он так подавлен... Нет, он вовсе не всемогущ; все зыбко, и его жизнь тоже. А он еще говорил, что любит все предвидеть! Несмотря на раздражение Мэллори, подписывал многочисленные страховые полисы, надеясь уберечься от кражи, пожара, наводнения, молнии, терроризма. Но ни разу не сделал ни малейшего усилия, чтобы подготовиться к этому проклятому концу.

Когда его спрашивали, верит ли он в Бога, отвечал: «Да, конечно». А как иначе — ведь это Америка, черт возьми! В этой стране сам президент принимает присягу, положив руку на Библию! Однако в глубине души он никогда не уповал на кого-то свыше и не верил в вечность души.

Натан огляделся: в его квартире не было ничего вычурного — изысканная простота и современный стиль, много света и свободного пространства. Он любил свое обиталище, сам его обустроил после развода — Мэллори никогда не хотела жить в старой квартире своего отца. Обычно он чувствовал себя здесь в безопасности, как бы под защитой природных материалов, дерева и мрамора — на них время, казалось, не оставляло следа. На одну из стен он повесил карандашные рисунки Мэллори — напоминание о счастливых днях.

Внезапно Натан почувствовал, что холодеет от ужаса, и в то же время его охватил гнев. Почему именно он?! И почему сейчас? Не хочет он умирать так скоро, у него еще куча дел. У него маленькая дочь, он должен ее вырастить, и женщина, которую ему необходимо заново завоевать. *«Есть ведь и другие! Может, я и не сделал ничего важного в жизни, но я не совершил ничего плохого».*

Пусть Вестники несчастья существуют — разве нет у них какого-то порядка, определенных предпочтений в смерти? *«Да нет, конечно, нет! Дети и невинные умирают каждую секунду. Смерть не приемлет благородных чувств. Люди тешат себя сказкой, что Господь помнит о них, что Он их любит!»*

Не желает он, чтобы его куда-то там призывали, — жить хочет, здесь и сейчас, в окружении тех, кого любит.

Что же ему делать? Не в его характере ждать, пока что-то произойдет само собой. Он должен зацепиться, и сделать это быстро — обратный отсчет всегда набирает обороты.

Натан подошел к полке, на которой стоял гипсовый слепок руки Бонни; положил свою руку на ладонь дочери — и собственное детство стало всплывать перед его мысленным взором. В памяти оно осталось как нечто хаотичное, он не сохранил ни одной игрушки, ни одного альбома со снимками — в их семье не слишком много фотографировали.

Снова огляделся по сторонам: возле лестницы керамический тосканский ангел нес караул под бесстрастным наблюдением каменной пантеры — подарок Джордана, привезенный из Индии.

Что ж, Натану повезло, он стал богат, но ни это, ни что другое уже не сделает иным его полное лишений детство — никому он не пожелал бы такого. И все же Натан знал: именно тогда он воспитал характер.

Позже, во время учебы в университете, все изменилось. Натан научился не упускать возможностей; он хотел добиться успеха и работал не покладая рук, целыми днями просиживая в огромных залах библиотек.

А еще занимался спортом; вовсе не первоклассный атлет, он против всякого ожидания стал

любимцем группы поддержки — участники ее не упускали случая подбодрить его на площадке.

Вообще начиная с университетского периода к нему больше не относились как к сыну прислуги из Квинса — его видели знаменитым адвокатом с успешным будущим.

Натан пересек комнату, взялся за перила из кованого железа и почти бегом поднялся по ступеням лестницы. Прошел за перегородку из непрозрачного стекла и металла, скрывавшую небольшой уголок, где он все разместил, поставил, повесил своими руками — получилось что-то вроде салона-библиотеки. Хранил здесь диски. На стенах размещалась коллекция бейсболок и маек с эмблемой команды «Янкиз». На этажерке бейсбольный мяч соседствовал с несколькими спортивными трофеями, добытыми в университете; стояла его фотография на фоне первого автомобиля — «мустанга»: на счетчике уже сотни тысяч километров пробега.

Впервые за долгое время Натан с ностальгическим чувством посмотрел на старые виниловые пластинки начала восьмидесятых. Тот период был наполнен яркими музыкальными событиями: «Пинк Флойд», «Дайер Стрейтс», «Би-Джиз», Мадонна, еще не ставшая идолом... А вот одна совсем старая. «*Что-то не помню такой. Наверное, не моя — Мэллори...*»

Он вытащил: альбом Джона Леннона «Имэджин». На конверте — фотография бывшего лидера группы «Битлз». Леннон, в маленьких круглых очках, похожий на призрака, парящего в поднебесье.

Натан совсем забыл про эту пластинку. Конечно, знал песню — гимн миру во всем мире — и считал ее несколько слезливой, да и пацифистские идеи певца принадлежали, скорее, предшествующему поколению. Открыл конверт: альбом вышел в сентябре 1971 года; прочел надпись, сделанную ручкой: «Натану. Ты очень смелый, чемпион. Не бойся ничего и береги себя».

«Чемпион»? Кто же это называл его чемпионом?.. Подпись неразборчивая.

Он вынул диск из конверта и поставил на проигрыватель; машинально перевел иголку на третью дорожку: песня называлась «Jealous Guy»^[12]. Зазвучали первые аккорды — и вдруг все всплыло в памяти. Это было в 1972 году, осенью, в комнате диспансера на острове Нантакет.

15

На самом же деле мы не знаем ничего, ибо истина скрыта в глубине.

Демокрит

Натан запрыгнул в свой «ягуар» и направился в сторону Мистика. Ехал так быстро, что чуть не попал в аварию, — ему никак не удавалось сконцентрировать внимание на дороге: одна за другой картины прошлого всплывали в памяти.

Год 1972-й, ему восемь; тем летом он поехал с матерью в Нантакет, где она работала в доме Векслеров. Его первое настоящее путешествие.

До дома Гудрича Натан добрался ближе к вечеру. Погода портилась; ледяной ветер дул вдоль побережья; беспокойное небо смешалось с бушующим морем, наполовину скрытым от глаз дюнами. Несколько раз позвонил в дверь — никто не ответил. Странно... Сегодня воскресенье, а Гаррет, насколько он понял, приезжает сюда каждый уик-энд.

Если Гудрича нет дома, нужно этим воспользоваться. До сих пор доктор управлял ситуацией — очевидно, он что-то скрывал. Натану надо выяснить все заранее — потом удивит Гудрича. Адвокат осмотрелся: соседнее строение более чем в ста метрах. Любой ценой проникнуть в дом, пусть даже придется взломать дверь! Самое простое — забраться на крышу гаража, который стоит вплотную к дому, и уже оттуда попасть на один из двух балконов.

«*Это не так уж сложно...*» — подумал Натан. Он подпрыгнул, но не дотянулся до края крыши. Стал ходить вокруг дома в поисках предмета, который послужил бы опорой, — вдруг дог глубокого черного окраса как из-под земли вырос прямо перед ним. «*Никогда не видел такого огромного пса!*» — первое, о чем подумал Натан.

Собака остановилась в двух метрах и, глухо рыча, уставилась на него. Только этого не хватало!

Пес огромный! Встреть он его не в такой опасной ситуации, восхитился бы мощным, породистым телом. Но сейчас перед ним неумолимый страж: дрожит от возбуждения губа, голова и уши напряжены; густая, блестящая шерсть покрывает кожу, натянутую на восемьдесят килограммов мускулов, готовых к действию.

Натан почувствовал, как капля холодного пота скользнула по позвоночнику — он никогда особо не дружил с собаками. Адвокат сделал шаг — пес снова зарычал, демонстрируя впечатляющую челюсть. Пришлось отступить — и в этот же миг дог попытался прыгнуть на него. Едва избежав нападения, Натан оттолкнул пса ударом ноги, потом, движимый энергией отчаяния, снова подпрыгнул и сумел ухватиться за выступ крыши гаража. Думал уже, что спасен, — и тут почувствовал клыки животного, впивающиеся в икру...

«Только не сдаваться! Если ты упадешь, он тебя разорвет!» Неистово тряхнул ногой, чтобы и избавиться от собаки, — тщетно: мощная челюсть сжимала ахиллово сухожилие. *«Этот монстр сейчас откусит мне ногу!»* Натан сопротивлялся изо всех сил, и нес наконец ослабил хватку. С большим трудом адвокат вскарабкался на крышу. *«Вот черт!..»* Присел на минуту перевести дух, лицо исказилось от боли. Низ брюк порван на ленты. Приподняв штанину, Натан увидел глубокую рану, которая сильно кровоточила. Скверно, но он займется этим позже, а пока придется обойтись повязкой из носового платка. Все равно назад пути нет: дог, опираясь на мускулистые ноги, сидит не спуская с него глаз, с челюсти стекают кровавые слюни. *«Жаль тебя разочаровывать, дружище, но я несъедобный. Надеюсь, ты не заразил меня бешенством».*

Несмотря на рану, Натан без особых усилий забрался на один из маленьких балконов. Надежды его оправдались: Гудрич не запирает на задвижку окна. Он поднял раму и оказался в доме. *«Добро пожаловать в мир беззакония! Если тебя схватят, можешь попрощаться с лицензией адвоката».* Воображение уже рисовало заголовки в «Нэшнл лойер»: «Известный адвокат „Марбл и Марч“ приговорен к пяти годам тюремного заключения за кражу со взломом!».

Так или иначе, а он внутри. Гудрич оставил большинство окон незанавешенными, но из-за пасмурной погоды дом был погружен в полумрак. Пес лаял, не унимаясь. *«Да этот дурень всполошит весь квартал!»* — встревожился Натан. Нужно быть осторожным и действовать быстро.

Из передней по коридору Натан прошел мимо двух комнат и попал в кабинет — просторный, большой; паркетный пол из светлого дуба. Количество полок, набитых папками, аудио- и видеокассетами, дискетами и дисками, впечатляло.

Натан быстро просмотрел некоторые бумаги: видимо, Гудрич хранил медицинские карты всех пациентов, которыми когда-либо занимался.

«Что же, это обычная практика», — подумал адвокат. Документы были расставлены согласно медицинским учреждениям, где работал доктор, по датам — с 1968 года и по сей день.

Натан стал нетерпеливо перебирать папки: Бостонская педиатрическая больница; Нью-Йоркская пресвитерианская больница; Детский медицинский центр в Вашингтоне... Наконец добрался до 1972 года; в тот год Гудрич заканчивал стажировку в хирургическом отделении одной из столичных больниц, ему было двадцать семь лет. Среди документов, относившихся к 1972 году, Натан обнаружил небольшую тетрадку в коричневой обложке; на ней — надпись:

«Бортовой журнал.

Диспансер Нантакета.

12-25 сент. 1972»

Подозрения, возникшие у Натана, когда он прочитал надпись на диске Джона Леннона, подтвердились: Гудрич действительно был в Нантакете в 1972 году — замещал кого-то в диспансере в течение двух недель. Как раз в то время, когда с Натаном произошел несчастный случай! Неудивительно, что лицо Гудрича показалось ему знакомым. Он лихорадочно просмотрел журнал и наконец нашел то, что искал.

19 сентября 1972 года

Волнующий случай произошел сегодня в диспансере.

Во второй половине дня нам привезли мальчика восьми лет в состоянии клинической смерти. По словам прохожих, которые вытащили его из озера, мальчик уже не дышал,

когда они прибежали на крики о помощи какой-то девочки.

Мы сделали электрошок, но безрезультатно. Несмотря на это, я продолжал изо всех сил массировать грудную клетку, а санитарка в это время наполняла ее кислородом. Против всех ожиданий, нам удалось реанимировать ребенка. Он жив, но находится в коме.

Правильно ли мы сделали, что вытащили его? Не уверен, потому что, даже если ребенок придет в себя, его мозг слишком долго находился без кислорода и, к сожалению, может быть сильно поврежден. Остается только надеяться, что нарушения не окажутся непоправимыми.

Натан был потрясен. Воспоминания, которые он бессознательно оттеснял, беспорядочно нахлынули на него. Он продолжал читать; сердце сильно стучало, руки дрожали.

20 сентября 1972 года

Мальчик пришел в себя рано утром, о чем меня сразу же предупредили. Я внимательно осмотрел его и, признаю, был поражен: он, конечно, очень слаб, но может шевелить конечностями и понимает все наши вопросы. Его зовут Натан Дель Амико.

Это скромный и замкнутый ребенок, но он кажется очень умным мальчиком. Мне удалось перекинуться с ним несколькими словами. Чтобы развлечь его, я установил в его комнате электрофон и дал ему диск Леннона. Кажется, ему нравится.

Перед обедом пришла его мать, итальянка; она работает прислугой в доме Джеффри Векслера, бизнесмена из Бостона; у него на острове дом. Она очень волновалась за сына, и я пытался успокоить ее. Сказал, что мальчик очень крепкий и что он молодец. Но она плохо говорит по-английски и, конечно, не поняла и половины из того, что я сказал.

Его маленькая подружка пришла после обеда — это дочь Векслеров. Она была так встревожена, что я разрешил ей зайти к мальчику на минуту. Мэллори выглядит очень взрослой для своих лет и, по-моему, очень любит его. К тому же она обязана ему жизнью. Если бы не он, она бы утонула.

21 сентября 1972 года

Наверное, вчера я был слишком оптимистичен. Сегодня утром долго расспрашивал Натана: его речь бессвязна. И я думаю, не последствия ли это несчастного случая. С другой стороны, ребенок симпатичный, у него богатый словарный запас и он хорошо выражает мысли для своего возраста. Я записал наш разговор на магнитофон. Не знаю, что и думать.

Запись... Должен же он ее услышать! Натан подошел к другой полке, с картонными коробками, полными кассет, и с таким рвением принялся рыться в них, что перевернул добрую половину. Наконец нашел кассету с пометкой: «21.09.72». На столе обнаружил возле компьютера магнитофон; вставил кассету и через несколько секунд услышал голоса из прошлого.

Гудрич заговорил первым, стараясь казаться веселым:

«Привет, чемпион!» — «Здравствуйте».

Натан совсем забыл, как звучал его голос в детстве.

«Хорошо спал?» — «Да».

На заднем плане послышался шум каталки — Гудрич, должно быть, собирался его обследовать. Он задал несколько обычных вопросов о самочувствии, потом спросил: «Ты помнишь о том, что произошло?» — «Вы говорите о несчастном случае?» — «Да, расскажи мне».

Мальчик молчал, и Гудрич повторил просьбу: «Расскажи мне, хорошо?»

После паузы Натан услышал:

«Я знаю, что был мертв». — «Что?» — «Я знаю, что был мертв». — «Почему ты так думаешь?» — «Потому что вы так сказали». — «Я тебя не понимаю». — «Когда меня привезли на носилках, вы сказали, что я мертв». — «Гм... я не говорил этого, а даже если говорил, ты не мог меня слышать». — «Нет, я слышал, я был снаружи своего тела и смотрел на вас». — «Что ты такое говоришь?» — «Вы громко прокричали слова, которые я не понял». — «Понимаешь...»

Но мальчик перебил его: «Медсестра толкнула тележку, на которой лежали два инструмента. Вы их потеряли друг о друга и приложили к моей груди. Потом вы закричали: „Разряд!“ — и вес мое тело приподнялось».

Натан слушал настойчивый голос — свой собственный, и это совсем выбило его из колеи. Хотел остановить запись, предчувствуя, что, если продолжать, это принесет ему только страдания, однако острое любопытство все же пересилило.

«Откуда ты все это знаешь? Кто тебе рассказал?» — «Никто. Я парил под потолком и все видел. Я мог летать над всей больницей». — «Думаю, ты бредишь».

Мальчик замолчал, снова наступила тишина. Потом Гудрич заговорил недоверчивым тоном: «Что ты видел потом?»

Пауза. Ответ: «Я больше не хочу с вами разговаривать». — «Послушай, мне жаль. Я не хотел тебя обидеть, но то, что ты мне рассказываешь, так удивительно, что мне трудно поверить. Давай, расскажи мне, что еще ты видел, чемпион!» — «Я мчался по туннелю на очень большой скорости...»

И снова пауза, потом Гаррет настойчиво произнес: «Я слушаю тебя!» — «Когда я был в туннеле, то увидел всю свою жизнь до несчастного случая и людей. Я думаю, они были мертвы». — «Мертвые люди? Что они там делали?» — «Они помогали мне пройти туннель». — «А что было в конце туннеля?» — «Я не смогу это описать». — «Постарайся, прошу тебя».

Мальчик продолжал, голос его становился все тверже: «Белый свет, одновременно мягкий и мощный». — «Рассказывай дальше!» — «Я знал, что умираю. Я хотел погрузиться в этот свет, но там была как будто дверь, которая мешала мне сделать это». — «Что было перед этой дверью?» — «Я не смогу объяснить». — «Постарайся, чемпион, пожалуйста!»

Голос Гудрича звучал умоляюще, и, помолчав немного, мальчик продолжал: «Там были существа». — «Существа?» — «Одно из них открыло дверь, чтобы пропустить меня в свет». — «Тебе было страшно?» — «Нет, наоборот. Мне было хорошо».

Гудрич не понимал больше логику ребенка. «Но ты ведь знал, что умираешь». — «Да, но это меня не волновало. И потом...» — «Продолжай, Натан!» — «Я чувствовал, что мне оставили выбор...» — «Что ты хочешь сказать?» — «Мне разрешили не умирать, если я не готов». — «И ты выбрал жизнь?» — «Нет, я хотел умереть. Мне было так хорошо в этом свете». — «Как ты можешь так говорить?» — «Я хотел раствориться в свете». — «Почему?» — «Она именно такая». — «Кто — она?» — «Смерть». — «И почему ты не мертв?» — «Потому что в последнюю секунду мне показали одно видение и я решил вернуться». — «Что это было за видение?»

Натан услышал еле слышный ответ: «Мне стало жаль». — «Чего?» — «Это вас не касается». — «Что это было, Натан?» — «Это вас не касается. Извините». — «Нет проблем, чемпион, нет проблем. Каждый имеет право на свои секреты».

Запись остановилась; Натан плакал, теплые слезы безудержно текли по щекам — так плачут только дети. Потом овладел собой и нажал на кнопку перемотки вперед, но дальше пленка оказалась чистой. Он снова погрузился в чтение журнала.

23 сентября 1972 года

Два дня я не переставал думать о словах Натана и не могу понять, как он сумел так подробно описать то, что мы делали, когда пытались спасти его. Как будто он вернулся из потустороннего мира.

Никогда не слышал ничего подобного ни от одного из пациентов, тем более от ребенка. Хотелось бы обсудить это с коллегами, но боюсь, как бы эта тема не оказалась запретной в медицинской среде.

Конечно, есть мисс Кюблер-Росс, из больницы в Биллингсе. Помню, прочел о ней статью в журнале «Лайф»: она разработала курс лекций об опыте умирания, которым поделились с ней больные. Статья вызвала шум, автор получила ученую степень. Думаю вот, не связаться ли с ней.

Мальчика выписали сегодня. Общее состояние удовлетворительное, я не мог оставлять его здесь дольше. Вчера вечером попытался снова подступить к нему, но он закрылся, как улитка в своей раковине, и я думаю, что больше не смогу что-то из него вытащить. Когда за ним пришла мать, я спросил у нее, говорит ли она с сыном об ангелах или о рае. Она уверила меня, что нет, и я не стал настаивать.

Подарил Натану проигрыватель и диск Лен-нона.

В комнате стало темно. Было холодно, но Натан этого не чувствовал. Он погрузился в свое прошлое, в детство, которое, как ему казалось, забыл. Он не слышал, как возле дома остановилась машина. Внезапно кто-то включил в кабинете свет. Натан так и подскочил на месте и выжидающе уставился на дверь.

16

Почему вы боитесь своего последнего дня? Он приближает вас к смерти не больше, чем любой другой день вашей жизни. Не последний шаг создает усталость: он лишь обнаруживает ее.

Монтень

— Я вижу, вы познакомились с Куджо.

Гаррет Гудрич стоял на пороге и с интересом смотрел на ногу Натана.

— Что вы здесь делаете, Гаррет? — спросил адвокат, закрывая тетрадь, как мальчишка, которого поймали с поличным.

Улыбнувшись, Гудрич воскликнул:

— Не кажется ли вам, что этот вопрос должен задать я?

Дрожа от ярости, Натан вдруг взорвался:

— Почему вы мне не рассказали?! Почему скрыли, что лечили меня тридцать лет назад?

Доктор пожал плечами:

— Не думал, что вы забудете того, кто спас вам жизнь. По правде говоря, я даже обиделся...

— Да пошли вы!..

— Разумеется. Но сначала продезинфицирую нашу рану.

— Я в вас не нуждаюсь! — бросил Натан, направляясь к лестнице.

— Вы ошибаетесь. После укуса в ране всегда остаются микробы.

Уже спустившись по ступенькам, Натан обернулся:

— В любом случае мне недолго осталось...

— Это не повод торопить события! — крикнул Гудрич.

Яркий огонь потрескивал в камине. От гула ветра за окнами дрожали ставни. Над домом нависло снежное облако; в ночи, великолепной и в то же время страшной, бушевал ураган.

Натан сидел в кресле, положив ноги на табурет, с чашкой дымящегося грога в руках. Он явно смягчился и уже не вел себя так враждебно. Гудрич надел очки и стал промывать ему рану.

— Ай!..

— О, извините!

— Сама судьба послала вашу проклятую собаку, чтобы ускорить мою смерть? — с иронией спросил Натан.

— Не беспокойтесь, — доктор отжимал компресс, — от таких укусов обычно не умирают.

— А что вы скажете о бешенстве и столбняке?

Гудрич дезинфицировал рану.

— Могу вам показать справку о вакцинации. С вами все будет в порядке, для того и вводят противостолбнячную сыворотку. — Доктор продолжил свое дело.

— Ай!..

— Вы слишком изнежены. Да, рана глубокая, затронуты сухожилия. Советую завтра пойти в больницу.

Натан сделал глоток грога и некоторое время смотрел по сторонам блуждающим взглядом; потом спросил:

— Объясните мне, Гаррет, как я мог выжить после того случая на озере?

— Само по себе это нельзя считать феноменом: утонувших детей довольно часто реанимируют.

— Как это возможно?

Гудрич глубоко вздохнул, словно подыскивая простой ответ на сложный вопрос.

— В большинстве случаев тонущие умирают от удушья: начинают паниковать, пытаются помешать воде заполнить легкие. Кислород кончается, и они умирают.

— А что произошло, когда тонул я?

— Вы, без сомнения, позволили воде проникнуть в легкие. Это вызвало состояние гипотермии. Ваше сердце почти перестало биться.

— Все эти видения... это была клиническая смерть, да?

— Да, но в начале семидесятых никто еще не говорил о клинической смерти. Сегодня это явление широко известно: во всем мире тысячи людей пережили опыт, подобный вашему. Их рассказы собраны, подробно изучены.

— Есть похожие истории?

— Да, многие вспоминают то же: туннель, мощный свет, ощущение погружения в бесконечную любовь.

— Но почему я не умер?

— Не пришло ваше время, вот и все.

— Ай!..

— Простите, рука соскользнула.

— Ага, держите меня за дурака.

Доктор снова извинился, потом наложил толстую повязку, пропитанную антисептической мазью. Натан не удовлетворился ответом и продолжил расспросы:

— А можно ли считать опыт клинической смерти доказательством того, что после смерти есть жизнь?

— Конечно же, нет! — ответил доктор категорично. — Если вы до сих пор здесь, значит, не были мертвы.

— Но тогда где я был?

— Где-то между жизнью и смертью. Но это еще не потусторонний мир. Мы можем говорить только о том, что сознание продолжает существовать вне обычной деятельности мозга еще какое-то время.

— Но ничто не доказывает, что это состояние может быть длительным?

— Это так, — подтвердил Гудрич и, как тогда, в 1972 году, попытался узнать подробности: — Скажите, что это было за видение, Натан?

Тот помрачнел:

— Больше я ничего не помню.

— Да ладно, не будьте ребенком! Мне необходимо знать, разве вы не понимаете?

Но Натан, как и тогда, решил молчать о пережитом:

— Я вам сказал — не помню!

Гудрич понял, что ничего не добьется. Кроме того, сопротивление Натана объяснимо. Он прошел на волосок от смерти, получил настолько необычный опыт, что желание сохранить кусочек этой тайны естественно. Желая прервать наступившее молчание, Гудрич шутливо похлопал рукой по животу и весело предложил:

— Ладно, как вы отнесетесь к тому, чтобы перекусить?

Они сидели за столом на кухне и заканчивали ужин. Гаррет подкладывал себе еду, Натан почти к ней не прикоснулся. Двадцатью минутами ранее отключилось электричество, и комната

погрузилась во мрак. Гудрич, повозившись у счетчика, заявил, что перегорели пробки, и зажег две старые керосиновые лампы; они распространяли слабый, мерцающий свет.

Натан повернул голову к окну: стихия разбушевалась. Неистовые порывы ветра все меняли направление — казалось, он дует одновременно со всех сторон. Все смешалось в сплошное плотное облако, невозможно было что-либо рассмотреть за стеклом. Нечего и думать о том, чтобы выйти из дома. Натан опустил голову и пробормотал:

— Вестники...

Гудрич не знал, стоит ли говорить об этом, — понимал, какой эмоциональный шок испытал его гость.

— Вы больше не так скептически настроены? — спросил он осторожно.

— Я ошеломлен. А что, вы думаете, мне хочется прыгать до потолка, оттого что я следующий в очереди?

Доктор промолчал. Что тут ответишь?

— Я слишком молод! — воскликнул Натан, отдавая себе отчет в слабости такого аргумента.

— Никто не молод, чтобы умереть, — строго отозвался Гаррет. — Мы умираем в назначенный час, вот и все.

— Я не готов, Гаррет.

— Редко кто бывает готов, — вздохнул Гудрич.

— Мне необходимо больше времени! — закричал Натан, вставая из-за стола.

— Куда вы? — попытался остановить его Гудрич.

— Холодно здесь, пойду в гостиную погреться. Он закутался в шотландский плед, который лежал на диване, и прихрамывая приблизился к камину. Хозяин присоединился к нему две минуты спустя:

— Вам нужно выпить что-нибудь тонизирующее. — И протянул бокал белого вина.

Натан проглотил его залпом — вино имело вкус меда и жареного миндаля.

— Надеюсь, вы не собираетесь меня отравить.

— Шутите? Это сотерн, на этикетке указана дата. Держа бутылку в руке, Гаррет наполнил бокал и сел рядом. Высокие языки пламени окрашивали комнату в багровый цвет, искаженные тени странно дрожали на стенах.

— А договориться невозможно? — В голосе Натана прозвучала надежда.

— И не думайте.

— Даже если я буду хорошо себя вести?

— Не будьте смешны.

Натан закурил сигарету, глубоко затянулся.

— Расскажите мне, Гаррет. Расскажите мне все, что вы знаете о Вестниках. Мне кажется, я имею право знать.

— Основное вы уже знаете. Я могу предчувствовать, кто умрет, но других способностей у меня нет, я не всеведущ и не всемогущ.

— Вы не один такой, да?

— Да, есть и другие Вестники.

— Что-то вроде братства?

— Если вам угодно. Мир населен Вестниками, но мало кто знает об их существовании.

— Мне все равно не верится в это.

— Понимаю вас.

— А как вы узнаете друг друга? Я имею в виду, между собой...

— Нет каких-то знаков. Часто достаточно мелочи. Два слова, взгляд — и вы понимаете.

— Вы бессмертны?

На лице Гудрича отразился ужас.

— Конечно, нет. Вестники стареют и умирают, как и все. Не смотрите на меня так, я не полубог. Всего лишь человек, такой же, как вы.

Натаном овладело любопытство.

— Но вы же не всегда обладали такой способностью? У вас не было ее, когда вы лечили меня в семьдесят втором году.

— Не было, но, когда наши пути пересеклись, у меня возник интерес к феномену клинической смерти и паллиативной помощи.

— Как все это началось? Вы проснулись однажды утром и сказали себе: итак, я Вестник?

Гаррет ответил уклончиво:

— Когда это случается, вы просто узнаете...

— А кто в курсе этого? Вы были женаты, Гаррет. Ваша семья знала?

— Никто и никогда не должен об этом знать. Никогда. Хотели бы вы жить с тем, кто обладает подобной способностью?

— Но как выбирают Вестников? Это наказание или награда?

Лицо Гудрича помрачнело, и он долго молчал.

— Я не могу ответить на этот вопрос, Натан.

— Могу я хотя бы знать, почему некоторые люди встречают Вестника?

— Честно говоря, сам не знаю. Мы вроде социальных работников. Понимаете, мы не выбираем тех, с кем работаем.

— А существует... что-нибудь... после смерти?

Гудрич встал, чтобы подбросить полено в очаг. Внимательно всмотрелся в лицо Натана — и вдруг увидел в нем того мальчика, которого лечил тридцать лет назад. И вновь почувствовал желание помочь ему — как тогда. А тот, будто поняв это, неожиданно произнес:

— Помогите мне, Гаррет!

— Я не больше вашего знаю о жизни после смерти. Это все из области веры.

— Почему вы не хотите объяснить? Скажите мне хотя бы, что я прав. Время не ждет, так ведь?

— Да, — согласился Гаррет, — время не ждет.

— Что вы мне посоветуете?

Доктор беспомощно развел руками:

— Все говорит о том, что вы еще любите свою жену. Сделайте так, чтобы она знала об этом.

Натан покачал головой, выражая несогласие:

— Думаю, мы еще не готовы к примирению.

— Не готовы? Торопитесь, черт возьми! Вы сами сказали, что время не ждет.

— Думаю, уже поздно, Гаррет. Некоторое время она встречается с другим мужчиной.

— Не считаю, что это непреодолимое препятствие для такого человека, как вы.

— Я не супермен.

— Это правда, — согласился доктор, доброжелательно улыбаясь; потом, сдвинув брови, будто что-то вспомнив, добавил: — Есть кое-что...

— Слушаю вас очень внимательно. — Натан заинтересовался.

— Когда с вами произошел несчастный случай — это был второй или третий день, — как-то после обеда к вам пришла Мэллори. Вы крепко спали, и я запретил вас будить. Тем не менее она осталась и целый час смотрела на вас, спящего. А когда уходила, поцеловала вас.

— Как вы можете это помнить? — Натан видел, как блестят глаза доктора в свете лампы.

— Это было очень впечатляюще. Она приходила к вам каждый день.

Натан, расчувствовавшись было от рассказа Гаррета, вернулся к грустной реальности:

— Нельзя построить жизнь на каких-то детских воспоминаниях, вы это прекрасно знаете. Мои отношения с Мэллори всегда были сложными.

Гудрич поднялся:

— Такое знакомо многим семьям. — Он надел пальто.

— О-о, куда это вы идете?

— Я возвращаюсь в Нью-Йорк.

— Среди ночи, в такую погоду?

— Еще не так поздно, дороги, скорее всего, свободны. Завтра утром все будет иначе. Кстати, советую вам сделать то же самое, если не хотите застрять здесь на неделю. — И в мгновение ока Гудрич оказался на пороге. — Не забудьте оставить ключи в почтовом ящике. — Обернулся и добавил: — Я отведу Куджо в гараж, не ходите туда.

Оставшись один, Натан долго смотрел на огонь в камине — тот начинал уже гаснуть — и

спрашивал себя, как удалось Гудричу не утратить способность улыбаться, притом что он каждый день погружается в столь мрачную атмосферу. Натан пребывал в состоянии шока и все же сказал себе — надо бороться. Он не знал еще, как это сделать, но в одном был уверен: необходимо действовать, и без промедления.

Электричество все еще не включили. Натан взял лампу и, прихрамывая, поднялся в кабинет. В комнате стоял жуткий холод, по коже поползли мурашки. Он поставил лампу на пол, и ему показалось, что он в море, в окружении десятков мертвецов.

Аудиокассету и дневник Гудрича, где шла речь о его случае, Натан положил в карман. Перед тем как уйти, без стеснения порылся на других полках, сам не зная зачем. Он заметил, что, помимо медицинских карт, сложенных в хронологическом порядке, там стояло несколько коробок, посвященных отдельным больным. На одной из них надпись: «Эмили Гудрич (1947–1976)».

Натан открыл первую коробку и достал папку, лежавшую сверху: медицинская карточка первой жены Гаррета. Он сел на пол, поджав ноги, и принялся просматривать содержимое. Это был подробный отчет о болезни Ходжкина, злокачественном заболевании, поражающем иммунную систему, — им страдала Эмили. Другие документы излагали суть борьбы, которую она вела с болезнью начиная с 1974 года, когда поставили диагноз, и до смерти — двумя годами позже: анализы, обследования в различных больницах, сеансы химиотерапии...

Натан открыл коробку и достал толстую папку: личный дневник, заполненный круглым почерком Эмили, с описанием последних двух лет ее жизни. Итак, он собирается проникнуть в тайну Эмили Гудрич. Имеет ли право на это? Нет ничего хуже, чем вторгаться в личную жизнь человека, так думал он про себя. Одно дело рыться в архивах Гудрича и совершенно другое — читать дневник этой женщины. И он закрыл тетрадь.

Однако его мучило здоровое любопытство: Эмили писала о последних днях своей жизни, она оказалась в такой же ситуации, что и он сам. Возможно, он чему-то научится у нее... Натан снова открыл тетрадь. Листая страницы, находил фотографии, рисунки, вырезки газетных статей, засушенные цветы...

Ничего плаксиво-унылого — скорее, дневник романтической и чувствительной особы. Натан внимательно прочел несколько записей, которые сводились к одному: осознание близкой смерти заставляет жить иначе — наслаждаться каждой минутой, быть готовым на все ради того, чтобы прожить еще немного.

Под одной фотографией, где она снята на пробежке, Эмили написала: «Я бегу так быстро, что смерть не догонит меня никогда». На одной из страниц приклеила скотчем локон своих волос до начала химиотерапии. Были здесь и вопросы, например, не единожды: «Существует ли место, куда мы все попадаем?..» Дневник заканчивался воспоминанием о днях, проведенных на юге Франции. Эмили сохранила гостиничный счет и открытку с изображением соснового бора, скал и солнца; на ней стояла дата: «Июнь 1976». За несколько месяцев до смерти... Внизу справа он прочитал: «Вид с мыса Антиб». Рядом она приклеила два маленьких конверта: в первом — светлый песок, во втором — засушенные растения. Он поднес конверт к носу и почувствовал запах лаванды... Впрочем, возможно, это всего лишь его воображение.

На последней странице — письмо, Натан тут же узнал почерк Гудрича. Он писал, обращаясь к жене, но дата стояла... «1977». Год спустя после ее смерти!

«Объясни мне, Эмили, как ты сумела прожить счастливый месяц на мысе Антиб, зная, что приговорена? Как удавалось тебе оставаться красивой и веселой? И где я взял мужество, чтобы не сдаться?»

Это были безмятежные дни: мы плавали, ловили рыбу и жарили ее на мангале, гуляли по пляжу, ощущая прохладу вечера.

Когда я смотрел на тебя — в коротком летнем платье ты бежала по песку, — то почти верил, что смерть отступит, ты станешь святой Эмили, чудом исцеленной, и этот случай поставит в тупик врачей всего мира.

Однажды на террасе я включил музыку на полную громкость: вариации Баха, мы их часто слушали. Смотрел на тебя издали, и мне хотелось плакать. Но вместо этого улыбнулся тебе, и ты начал

танцевать, залитая солнечным светом. Ты помахала мне рукой, делая знак, чтобы я присоединился к тебе, — звала плавать.

В тот день твои губы были влажными и солеными, и, покрывая меня поцелуями, ты мне снова дала увидеть небо, море и ощутить подрагивание тел, нежащихся под солнцем.

Почти год прошел, как ты покинула меня. Мне так тебя не хватает... вчера был мой день рождения, но мне кажется, у меня больше нет возраста».

Натан пролистал еще несколько страниц. Ему попался текст, написанный рукой Гудрича, — об агонии Эмили.

«Сейчас октябрь. Это конец — Эмили больше не поднимается. Три дня назад, в момент передышки, она играла на пианино в последний раз. Это была соната Скарлатти с повторяющимися перемещениями пальцев для правой руки и аккордами арпеджио для левой. Темп исполнения снова меня удивил: она выучила сонату, будучи совсем маленькой. Когда я отнес ее в постель, она сказала:

— Я играла для тебя.

Несколько дней шли грозы, была буря. Море поднимая огромные обломки и выбрасывало их на берег.

Эмили больше не встанет. Я поместил ее кровать в гостиной, где много света.

Настаивает, чтобы ее не госпитализировали, и это хорошо. Врач каждый день приходит ее осматривать. Свои медицинские заключения давать боюсь.

Дыхание все более затруднено. Почти всегда температура, озноб. Она постоянно мерзнет, в то время как тело горит. Помимо радиатора, разжигаю огонь в камине.

Вот уже месяц как я ни с кем не разговариваю, кроме Эмили и врача. Смотрю на небо и океан. Пью больше чем нужно. Ничтожество. А считал себя сильным. Надеялся, что алкоголь уменьшит боль и позволит забыться. Совсем наоборот: он возбуждает чувства и увеличивает остроту восприятия. И в таком состоянии я не помогу Эмили.

Она больше со мной не разговаривает. Она больше не может это делать. У нее выпали два зуба. Это ужасно.

Не ожидал, не был готов, хотя видел много смертей: смерть — это часть моей работы. По можно сказать, что и ничего не видел, по сравнению с тем, что вижу теперь.

Открыл вторую бутылку вина из лучших сортов винограда и пью его, как какое-нибудь дешевое пойло.

Сегодня, в момент просветления, она попросила вколоть ей морфий. То, чего я боялся, прекрасно зная: рано или поздно она попросит меня об этом. Поговорил с врачом: он согласился».

Натан закрыл тетрадь, ошеломленный прочитанным. Спустился в гостиную, погасил обе лампы, закрыл дверь и вышел в ночь.

Существует ли место, куда мы все попадем?

Натан ехал ночью по заснеженным дорогам. События сегодняшнего вечера повергли его в ужас. Натан погрузился в меланхолию, его охватило чувство тревоги — кажется, он потерял контроль над собственной жизнью.

Временами на пустынных дорогах ему начинало казаться, что он не принадлежит больше этому

миру, что он призрак, который бродит по Новой Англии.

Подумать только, как часто он жаловался на жизнь: слишком много работы, очень большие налоги, так много забот... Черт возьми, какой дурак! У него ведь не было ничего более приятного, чем само существование. Даже день, когда грустно, все же день, им прожитый. Сейчас-то он понимал это, жаль только, что не осознавал раньше.

«Ну да, ты не первый, кто чувствует это, дружище. Такая вот незадача: смерть заставляет задавать себе важнейшие вопросы, когда уже слишком поздно».

По лицу Натана скользнула рассеянная улыбка, он посмотрел в зеркало заднего вида: маленькое стеклышко отразило человека, обреченного на смерть. В самом деле, что думал он о смерти в глубине души?

«Давай, не время обманывать себя, Нат! Я скажу тебе, что произойдет: сердце перестанет биться, вот и все. Человек — это всего лишь скопление клеток. Его тело разлагается в земле или сгорает в печи крематория, и все кончено, баста! А остальное — просто чудовищное вранье». Вот о чем думал он, погружаясь в ночь.

Становилось все холоднее, изо рта шел пар. Натан включил отопление, продолжая размышлять. *«А если, несмотря ни на что, человек не только телесная оболочка? Что, если есть еще что-то — тайна. Неведомая сила, отдельная от тела, — душа...»*

Почему бы нет, известны же люди, способные предсказать смерть. Если бы ему рассказали о Вестниках год назад, он только посмеялся бы. А сегодня ни капли не сомневается: они существуют.

Но даже если допустить, что душа покидает тело после смерти, то куда она направляется? В «потусторонний мир», к которому он оказался так близок в детстве?

Опыт клинической смерти, несомненно, подвел его к некоему таинственному рубежу. Смерть тогда показалась опасно притягательной, как искусственный сон после анестезии. Почему же он вернулся? Натан сделал над собой усилие, чтобы прогнать воспоминание, поскольку понимал, что не готов возвращаться к тому эпизоду своей жизни.

Тоска сжала сердце... Он многое отдал бы, чтобы еще некоторое время оставаться в игре — несколько дней, несколько часов.

Через час Натан был дома. Прошел через холл — великолепный, оформленный под старину, залитый мягким светом. Еще издали заметил Питера — тот был на своем посту, беседовал с какой-то пожилой дамой. Пока Натан ждал лифт, до него долетали обрывки разговора.

— Добрый вечер, госпожа Фицджеральд, с Рождеством!

— С Рождеством и вас, Питер! Обнимите Мелиссу и детей.

«Мелиссу и детей?» А он и не знал, что у Питера есть дети! Вечно не хватало времени с ним поговорить. Натан никогда не уделял достаточного внимания другим. Он вспомнил фразу, которую часто повторяла Мэллори: «Заботиться о других — значит заботиться о себе самом».

Наконец-то он у себя, в своей квартире. Натану понадобилось около двух часов, чтобы добраться до Манхэттена, и он чувствовал себя разбитым. Вести автомобиль в такую погоду — сущий ад: снег оседал на дороге и превращался в кашу. Еще и рана на ноге болела ужасно.

Вот уже несколько дней Натан прислушивался к своим физическим ощущениям, пытаясь распознать, как его тело реагирует на приближение смерти. Конец будет болезненным или нет? Гм, не стоит тешить себя иллюзиями: вспомни, как ушли Кандис и Кевин!

Натан нашел в аптечке и проглотил две таблетки аспирина, чтобы ослабить боль, и повалился в кресло. Слева от него стоял на полке дорогостоящий бонсай, который день за днем терял листья. Он не знал, как ухаживать за этим маленьким деревом — подарком Мэллори. Регулярно подрезал и обрызгивал его из пульверизатора — ничего не помогало: дерево продолжало желтеть и неумолимо облетать. Да, только Мэллори могла позаботиться о вещах, украшающих жизнь.

Натан закрыл глаза; жизнь пролетела так быстро. Кажется, только позавчера он получил университетский диплом, а вчера впервые стал отцом. И уже пора уходить?.. Нет, это невозможно!

И еще одна мысль мучила его: он представлял, как Венс Тайлер касается губ Мэллори, гладит ее волосы, медленно раздевает и занимается с ней любовью... Господи боже мой, это отвратительно! Венс — непроходимый тупица, у него нет ни капли здравого смысла! Мэллори достойна лучшего.

С трудом Натан открыл один глаз — взгляд наткнулся на картину: белая, лишь в центре темное пятно цвета ржавой стали разрывает чистоту рисунка. Одна из работ Мэллори. Натан очень ее любил, хотя и не понимал смысла.

Он взял пульт и принялся переключать каналы: падение акций; клип Оззи Осборна; Хилари Клинтон на шоу Дэвида Леттермана; искаженное лицо Тони Сопрано в купальном халате; фильм о Саддаме; проповедь священника-евангелиста и Лорен Бэколл в фильме «Иметь и не иметь», говорящая Богарту: «Буду нужна — свистни!» Задержался на последнем канале, как вдруг увидел, что мигает автоответчик. Заставил себя подняться и нажал кнопку аппарата: «Привет, пап, это я! Как дела? Знаешь, сегодня в школе мы изучали китообразных. И я хотела спросить: мы сможем будущей весной поехать посмотреть на миграцию китов? Мама рассказывала, что ты возил ее туда и это было классно. Я тоже очень хочу съездить. Не забывай — я собираюсь стать ветеринаром, и мне это пригодится. Ну ладно, до скорого! По телевизору идут „Симпсоны“. Целую».

Натан вспомнил ту поездку. С начала весны и до середины октября киты идут вверх от Карибов к Гренландии по заливу Мэн. Зрелище незабываемое. Бонни должна это увидеть.

Может быть, кто-то другой повезет ее туда: апрель еще не скоро, а где-то во Вселенной кто-то решил, что не суждено Натану Дель Амико дожить до будущей весны.

Мыслями он перенесся в май девяносто четвертого, в прохладный, но солнечный вечер на просторах Массачусетса. Они сидели с Мэллори на носу взятой напрокат лодки, бросили якорь где-то чуть выше обширной песчаной отмели между мысами Кейп-Код и Кейп-Энн. Натан положил подбородок ей на плечо; они всматривались в спокойный горизонт моря. Вдруг Мэллори указала на что-то вдалеке...

Стая из пятнадцати китов поднималась из глубины океана, с грохотом выбрасывая многометровые струи воды, словно роскошный фонтан. Вскоре их головы и часть спин показались совсем рядом с лодкой. Эти громадины, весом пятьдесят тонн каждая, чуть не опрокинули их, издавая призывные крики. Мэллори повернулась лицом к Натану — она улыбалась, а глаза ее были широко открыты. Оба понимали, что переживают исключительный момент.

Потом киты совершили последнее погружение: с бесконечной грацией поднимали раздвоенные хвосты и исчезали в океане. Все слабее становились их пронзительные голоса... И вот они скрылись, и только морские птицы бороздили просторы неба, снова вступив во владение своей территорией.

На обратном пути хозяин лодки, старый моряк из Провинстауна, рассказал им один случай. Пять лет назад на пляже нашли двух маленьких горбачей, выброшенных на берег. Тот, что покрупнее, самец, был ранен — левое ухо сильно кровоточило; вторая, самка, казалась здоровой. Приливы здесь не сильные, и все думали, что киты смогут вернуться в открытое море в любой момент. В течение сорока восьми часов береговая охрана пыталась спасти здоровое животное. Но каждый раз, когда самку погружали в воду, она жалобно кричала и возвращалась на берег к своему спутнику, касалась его, будто желая защитить.

На утро третьего дня самец умер, и люди попытались в последний раз отвести к воде выжившую самку. На этот раз она не пробовала вернуться, но оставалась совсем близко от берега, плавая кругами и издавая скорбные звуки, вызывавшие дрожь у тех, кто оставался на берегу. Это продолжалось очень долго, а потом, когда похоронный ритуал кончился, животное медленно выползло на песок и вскоре умерло.

— Удивительно, как киты преданы друг другу! — Рыбак закурил сигарету.

— Это глупо, — холодно заметил Натан.

— Вовсе не глупо! — заявила Мэллори.

— Что ты хочешь сказать?

Она наклонилась и прошептала ему на ухо:

— Если тебе будет грозить смерть, я тоже... выброшусь на берег рядом с тобой.

Натан повернулся к ней и поцеловал.

— Надеюсь, этого не случится. — И положил руки ей на живот.

Мэллори была на шестом месяце беременности.

Натан резко поднялся. *«Что я делаю здесь один, продавливая диван и пережевывая прошлое, вместо того чтобы быть рядом с женой и дочерью?»*

На часах было 2 часа 14 минут, а в Калифорнии немногим больше одиннадцати вечера. Натан снял трубку телефона и набрал номер. Ждать пришлось долго, наконец ему ответил усталый голос:

- Да?
- Добрый вечер, Мэллори! Надеюсь, не разбудил тебя?
- Почему ты звонишь так поздно? Что случилось?
- Ничего серьезного.
- Что тебе нужно? — бросила она.
- Возможно, чуть меньше агрессии в твоих словах.
- Она не отреагировала на замечание, но переспросила несколько мягче:
- Чего ты хочешь, Натан?
- Предупредить, что приеду за Бонни завтра.
- Что?! Ты шутишь!
- Дай объяснить...
- Нечего объяснять! — взорвалась она. — Бонни должна ходить в школу до конца недели!
- Он вздохнул.
- Она может пропустить несколько дней. Ничего страшного не случится, если...
- Мэллори не дала ему закончить:
- Могу я узнать, по какому случаю ты перенес свой приезд?
- «Я скоро умру, дорогая».*
- Я взял несколько дней отпуска, и мне нужно видеть Бонни.
- Мы установили правила.

— Согласен, но это и моя дочь, — уточнил он тоном, выдавшим его замешательство. — Напоминаю тебе, что мы оба воспитываем ее.

- Знаю, — согласилась Мэллори, опять немного смягчившись.
- Если бы ты меня попросила, я не устраивал бы столько шума.

Она ничего не ответила, но Натан слышал ее дыхание на другом конце провода. Внезапно у него возникла идея:

- Твои родители в Беркшире?
- Да, они собираются провести там праздники.
- Послушай, если ты позволишь мне забрать Бонни завтра, я готов отвезти ее в Беркшир на пару дней.

Мэллори помолчала немного, затем недоверчиво спросила:

- Ты правда это сделаешь?
- Да, если нужно.
- Она давно не видела бабушку с дедушкой, — признала Мэллори.
- Итак, ты согласна?
- Пока не знаю, дай мне еще подумать. — И собралась положить трубку.
- Тогда Натан решил задать ей вопрос, который очень его волновал.
- Ты помнишь, было время, когда мы рассказывали друг другу обо всем?

Она молчала, и он продолжил:

- Время, когда мы ходили по улице, держась за руки, звонили друг другу на работу по три раза в день, когда разговаривали часами...
- Зачем ты говоришь все это?
- Потому что все время об этом думаю.
- Не считаю, что сейчас подходящий момент... — устало отозвалась она.
- Мне иногда кажется, что ты обо всем забыла. Но ты не можешь перечеркнуть все то, что мы пережили вместе!
- Я этого и не делаю. — Тон ее голоса изменился.

— Послушай... представь, что завтра меня собьет машина или что-нибудь еще случится. Последнее твоё воспоминание о нас — это картина разбитой семьи.

Мэллори грустно произнесла:

— Мы и есть разбитая семья, Натан.

— Мы расстанемся навсегда, так и не простив друг друга. Думаю, потом ты будешь упрекать себя за это, тебе будет трудно с этим жить.

Мэллори не выдержала:

— Напоминаю тебе, что это твоя вина... — но, почувствовав, что рыдания подступают к горлу, не закончила фразу и положила трубку.

Чтобы не разбудить дочку, Мэллори сдержала слезы. Она опустилась на ступеньку лестницы. Вытирая покрасневшие глаза бумажной салфеткой, увидела свое отражение в большом зеркале прихожей.

С тех пор как не стало сына, она сильно похудела, и вся ее жизнерадостность будто испарилась и сменилась холодностью. А ведь в молодости она не выносила женщин а-ля Грейс Келли — ледяную дистанцию, чопорность, недоступность. Напротив, стремилась открыться другим людям, окунуться в их мир. Легкость характера проявлялась и в стиле одежды: чаще всего она носила джинсы и просторные, удобные пуловеры.

Мэллори поднялась к себе, погасила лампы в комнате, зажгла несколько свечей и ароматическую палочку. Многие считали ее уравновешенной и спокойной. Однако у нее была одна слабость, появившаяся еще в подростковом возрасте: она страдала от приступов анорексии. Повзрослев, Мэллори думала, что окончательно справилась с этим. До смерти Шона.

Трагедия произошла три гола назад, но боль не отпускала. Мэллори истязала себя мыслями, что все было бы иначе, останься она в ту ночь дома. Не проходило дня, чтобы женщина не вспоминала первые месяцы жизни сына: быть может, она не заметила, пропустила какой-то симптом, знак...

С тех пор как Мэллори чуть не утонула в озере, она панически боялась умереть. Но, став матерью, она поняла: самое тяжкое испытание — пережить смерть своего ребенка.

Она читала, конечно, что в восемнадцатом веке девяносто процентов детей не доживали до трех лет. Только раньше, в ту эпоху, смерть была повсюду и люди спокойнее воспринимали уход близких. Со смертью Шона жизнь остановилась.

Смерть сына навсегда останется для нее самой большой трагедией, но величайшим разочарованием стал распад семьи. С начала совместной жизни, еще в университетские годы, Мэллори верила, что будет просыпаться каждое утро рядом с Натаном до тех пор, пока один из них не умрет, — и оказалась обманутой. Впервые в жизни после смерти Шона она почувствовала себя чужой Натану. В моменты, когда ей так нужна была его поддержка, он уходил в работу, и она оставалась наедине со своим горем.

Чтобы выйти из депрессии, Мэллори целиком посвятила себя общественной деятельности. Последние месяцы работала над созданием интернет-сайта неправительственной организации. Задача ее состояла в том, чтобы классифицировать многонациональные компании по критериям, касающимся трудового законодательства и отношения к окружающей среде. Так создавались ассоциации, которые призывали людей бойкотировать фирмы, нанимавшие на работу детей или не соблюдавшие действующие законы.

Но это еще не все. Мэллори жила в Ла-Джолла, богатом квартале Сан-Диего. Роскошные пляжи, особняки на берегу моря — а у большей части населения нет нормального жилья. Три раза в неделю женщина посещала центр помощи бездомным — здесь по крайней мере она чувствовала себя полезной, особенно в канун Рождества, когда половина города толпилась в супермаркетах, проматывая целое состояние на ненужные покупки. Мэллори не переносила этой суеты, искажающей истинный смысл Рождества.

Было время, когда женщина хотела, чтобы ее муж участвовал в акциях протеста вместе с ней: Натан, блестящий адвокат, мог бы применить свои знания в деле служения идеалам. Но нет, их семья строилась на каком-то недоразумении, а они не понимали этого. Мэллори всегда жила вдали от высшего общества, встречалась лишь с некоторыми из своего круга, тем самым давая мужу

понять: «Меня не волнует, что ты другого происхождения».

Натан, напротив, хотел доказать Мэллори, что она вышла замуж не за никчемного человека, что он способен подняться по социальной лестнице и обеспечить свою семью. Оба считали, что идут навстречу друг другу, но так и не встретились.

Для Натана жизнь стала вечным соревнованием, где каждый раз планку надо было устанавливать выше. Сто раз Мэллори пыталась ему объяснить: она вовсе не желает быть замужем за сверхчеловеком. Но он не слышал, только работал усерднее, будто боялся разочаровать жену. А ее это раздражало.

Несмотря ни на что, она всегда его любила. Мэллори закрыла глаза — картины прошлого понеслись в ее голове, словно кадры кинофильма.

18

Молодость бывает один раз, но вспоминаем мы о ней всю жизнь.

Реплика из фильма Парри Левинсона «Высоты свободы»

1972 год, начало лета.

Нантакет

Мэллори восемь лет; накануне вечером она приехала из Бостона и теперь прогуливалась в саду. На ней было платье из хлопка, гораздо ниже колен; девочка ненавидела его. В такую жару нет ничего лучше шорт и футболки, но мать заставляла ее одеваться как напоказ.

Мэллори часто замечала мальчика с красивыми черными волосами. Он не решался заговорить с ней и моментально исчезал, стоило ей сделать несколько шагов навстречу. Заинтригованная, она спросила о нем у мамы, та ответила: не обращай внимания, он «всего лишь» сын служанки.

После обеда девочка встретила его на пляже. Натан запускал бумажного змея, которого смастерил сам из стеблей бамбука и куска паруса; для управления им он прикрепил кольцо от старого карниза для занавесок. Самодельное устройство парило очень высоко в небе.

Мэллори тоже принесла бумажного змея, купленного в большом магазине игрушек в Бостоне. Однако ее аппарат никак не взлетал; она старалась изо всех сил, бегала во всех направлениях, но змей нее равно падал на песок.

Мальчик делал вид, что не смотрит на нее, но она знала: он все время поглядывал в ее сторону. Однако не смущалась и все пыталась запустить змея. К несчастью, ее чудесная игрушка камнем упала в воду — ткань намокла, испачкалась в песке. Слезы заблестели в глазах девочки... Тогда Натан подошел и надел ей на руку кольцо от своего змея. Объяснил, что нужно стоять спиной к ветру, потом помог ослабить и постепенно отпустить нить. И бумажный змей очень быстро поднялся в небо. Мэллори кричала от радости и смеялась...

Позже он продемонстрировал ей свои знания: рассказал, что китайцы приписывают бумажным змеям способность привлекать удачу. Она тоже не отставала: а вот Бенджамин Франклин с помощью змея изучал молнию и изобрел громоотвод (прочитала на коробке от игрушки). Мальчик с гордостью показал Мэллори забавное животное, которое было нарисовано на его змее.

— Это черепаха? — спросила она.

— Нет, дракон. — Он немного обиделся.

Девочка заразительно рассмеялась, и вскоре два смеющихся детских голоса переплелись с шумом волн. Чуть поодаль на песке стоял приемник — раздавалась мелодия «You've Got a Friend»^[13] Кэрол Кинг, один из хитов лета.

Она очень внимательно рассматривала нового знакомого. Никогда раньше она не встречала такого славного мальчика. Он представился официальным тоном:

— Меня зовут Натан.

Ответ прозвучал не менее важно:

— А меня — Мэллори.

1972 год, осень.

Нантакет

— На-ат!..

Мэллори выплевывала озерную воду, заполнившую рот; она окоченела, с трудом дышала; раза два девочка пыталась ухватиться за ветку, но берег был слишком высокий... Она выдохлась и с ужасом поняла, что вот-вот уйдет под воду и утонет.

Натан поплыл к ней, и Мэллори стало ясно: он — ее последняя надежда.

— Не бойся! Держись за меня!..

Из последних сил девочка уцепилась за него, как за спасательный круг, и ощутила, как он толкает ее вверх. Потом ей как-то удалось ухватиться за пучок травы и выкарабкаться на берег. Спасена! Не переводя дыхания, оглянулась: его нет!..

— Ната-ан! — Обезумев, с глазами, полными слез, она закричала изо всех сил: — Ната-ан! Ната-ан!..

Мысли вихрем проносились в голове — нужно что-то делать, скорее!.. Мокрая с головы до пят, с посиневшими губами, она помчалась за помощью. Беги быстрее, быстрее, Мэллори!

13 июля 1977 года.

Нантакет

Им было по тринадцать; с велосипедами они спустились по дорожке к самому большому пляжу острова. Погода хмурилась, пенные волны все сильнее накатывали на берег. Но они шли купаться и не собирались отказываться от своего намерения — плавали, пока силы их не оставили.

Поднялся сильный ветер; Мэллори задрожала от холода. У них было с собой только полотенце; Натан помог девочке вытереть им волосы и спину. Дождь ронял на песок крупные капли, через несколько минут пляж опустел — они остались вдвоем.

Он встал с песка первый, помог Мэллори подняться — и вдруг наклонил к ней голову. Девочка подняла глаза и привстала на носочки. Он обнял ее за талию, а она положила руки ему на шею. Когда их губы встретились, незнакомая дрожь пробежала по телу; она ощущала морскую соль на его губах... Первый поцелуй, очень нежный, длился долго...

6 августа 1982 года.

Бофорт, Северная Каролина

Мэллори восемнадцать. Этим летом она решила сменить обстановку и уехала отдыхать. В восемь вечера пошла гулять в маленький порт, где яхты соседствовали с рыбацкими лодками. Солнце опускалось за горизонт и охватывало небо оранжевым пламенем. Лодки будто качались в потоке расплавленной магмы.

Но для нее это был тоскливый вечер: слушая успокаивающий плеск волн, девушка подводила итог последним месяцам жизни. Ее первый год в университете оказался неудачным, не столько из-за учебы, сколько из-за здоровья и личной жизни. Она несколько раз ошиблась, встречаясь с парнями. У нее не было настоящей, умной подруги, которая могла бы дать ей ценный совет. Девушка читала книги, интересовалась всем, что происходило вокруг, но в голове царил беспорядок.

Все эти месяцы Мэллори была поглощена своими переживаниями, стала меньше есть, пропускала завтраки, полдни, сокращала обеды и ужины — и однажды упала в обморок прямо в аудитории. Тогда, чтобы оказать ей помощь, в университет вызывали врача.

Вот уже три года Мэллори ничего не слышала о Натане. С тех пор как Элеонора Дель Амико больше не работала в их доме, они не встречались. Поначалу писали друг другу длинные письма, но их привязанность не справилась с разлукой.

Все же она всегда помнила о нем, он оставался где-то в уголке сознания. В тот вечер Мэллори непрестанно думала о Натане: что стало с ним; до сих пор ли он в Нью-Йорке; удалось ли ему поступить в престижный университет, как он мечтал. И хотел бы увидеться с ней?..

Она шла вдоль дамбы, все ускоряя шаг, и внезапно ощутила острую необходимость поговорить с

Натаном — здесь, сегодня вечером, сейчас. Нашла телефонную будку, позвонила в справочное бюро, узнала нужный номер. Телефонный звонок раздался среди ночи... Только бы он ответил! — Алло?

Это он! Разговаривали они долго; Натан утверждал, что прошлым летом несколько раз пытался повидать Мэллори, спросил, не передавали ли ей родители сообщения от него. Она почувствовала — главное не изменилось: они понимают друг друга так, будто расстались вчера. В конце концов они условились встретиться недели через две, и девушка положила трубку.

Солнце над портом уже зашло; обратно Мэллори шла совсем с другим чувством; стук сердца отдавался в висках: Натан... Натан... Натан...

28 августа 1982 года.

Сисайд-Хайтс, Нью-Джерси.

2 часа ночи

На побережье горели лампочки электрических гирлянд, хотя ярмарочные павильоны начали закрываться. Аромат жареной картошки и помидоров смешивался с запахом сладкой ваты; рядом с колесом обозрения из гигантских колонок доносились звуки «Up Where We Belong»^[14] Джо Кокера — в сотый раз за этот вечер.

Мэллори остановила машину на открытой стоянке. Натан нашел работу на лето в этом небольшом курортном городке всего в часе езды от Манхэттена: он продавал мороженое в одном из многочисленных киосков, расположенных вдоль берега. И вот она приехала к нему.

Они увиделись в прошлые выходные и с тех пор звонили друг другу каждый вечер. Вообще-то договорились встретиться в следующее воскресенье, но Мэллори вздумалось сделать сюрприз, и вот она приехала из Бостона. На мощном темно-зеленом «Астон Мартинс», машине отца, она добралась до Нью-Джерси всего за четыре часа.

Наконец он вышел, в бермудах и майке с эмблемой магазина, и стоял в окружении других сезонных рабочих — она различила латиноамериканский и ирландский акценты. А он, в свою очередь, смотрел на нее издали и гадал, что это за кинозвезда облокотилась на свой болид и, кажется, поглядывает в его сторону... Потом узнал ее!

Подбежал, поднял на руки и закружил. Она обвила руками его шею, смеясь, прижала его к себе и потянулась к губам, а сердце выскакивало из груди... Такова любовь вначале.

20 сентября 1982 года

«Натан, просто хочу сказать тебе — мы с тобой чудесно провели лето. Мне так тебя не хватает...»

Сегодня началась учеба, но я все время думаю о тебе. Когда я прогуливалась по кампусу, то представляла, что ты рядом, и говорила с тобой. Некоторые студенты, попадавшие навстречу, наверное, думали: кто эта сумасшедшая, которая бормочет что-то себе под нос!

Я с тобой. Мне нравится, что ты понимаешь меня без слов.

Целую тебя и люблю.

Мэллори».

На конверте красными чернилами написала: «Почтальон, уважаемый почтальон, постарайся вовремя сделать свою работу, чтобы мой любимый как можно быстрее получил это признание!».

27 сентября 1982 года

«Мэллори, я только положил трубку телефона и... уже по тебе скучаю. Хочу, чтобы каждый миг, проведенный с тобой, превратился в миллионы часов... Я счастлив с тобой, счастлив до неприличия.

Когда думаю о будущем, то говорю не „я сделаю“, а „мы сделаем“. Это меняет все. Натан».

На конверт он приклеил билет в кино на последний фильм, который они смотрели вместе, —

«Инопланетянин». Однако им не слишком много удалось увидеть на экране, потому что они целовались весь сеанс.

Декабрь 1982 года, воскресенье.

Кембридж, комната Мэллори в общежитии

Из колонок проигрывателя доносились звуки знаменитого концерта Дворжака — пылкое исполнение Жаклин дю Пре на виолончели Страдивари. Они целовались, лежа в кровати уже целый час. Он снял с нее бюстгальтер и начал ласкать ее. Сегодня они будут впервые принадлежать друг другу.

— Ты уверена, что хочешь этого сейчас?

— Да! — без колебаний ответила Мэллори.

Вот что ей в нем нравилось — сочетание нежности и предупредительности, это отличало его от остальных. Подсознательно она решила: если у нее когда-нибудь будут дети, то это будут его дети.

3 января 1983 года

«Натан, любовь моя, рождественские каникулы кончились. Я обожала делить ночи с тобой. Но сегодня вечером я грущу. Ты уехал в Манхэттен. Сегодня я чувствую, как долго будет тянуться время до следующих каникул, когда я вновь смогу увидеть тебя.

Даже когда я знаю, что завтра мы созвонимся, я боюсь, что все кончится. То, что я чувствую с тобой, удивительно. Я безумно люблю тебя.

Мэллори».

На конверте девушка оставила отпечаток губной помады и написала: *«Положите это письмо и эти поцелуи в почтовый ящик Натана Дель Амико. И берегитесь, если поцелуи будут стерты!».*

6 января 1983 года

«Мэллори, милая, мне тебя очень не хватает, но я ощущаю твое присутствие. Если бы ты знала, как я хочу снова сжать тебя в объятиях и проснуться рядом с тобой. Поцелуи уже вылетают из моей комнаты и направляются в Кембридж. Я обожаю тебя.

Натан».

В конверт положил ее фотографию, сделанную в парке, около общежития Кембриджа. А на обратной стороне написал цитату из «Ромео и Джульетты»: *«Твои глаза опасней двадцати стальных клинков»*^[15].

1984 год.

Бостон, дом родителей Мэллори

Сигнал клаксона на улице.

Мэллори выглянула в окно: Натан ждет ее у дома, сидя за рулем старенького «мустанга». Девушка бросилась к выходу, но ее отец загородил дверь.

— Ты не будешь встречаться с этим парнем, Мэллори! Это даже не обсуждается.

— Я могу знать, почему?

— Потому что не будешь, и все!

Мама тоже пыталась ее вразумить:

— Дорогая, ты могла бы найти человека более интересного.

— Интересного для кого? Для меня или для вас? — И Мэллори направилась к выходу.

— Мэллори, предупреждаю тебя: если ты выйдешь за эту дверь... — Голос отца прозвучал угрожающе.

— Если я выйду за эту дверь, то что? Ты меня выбросишь на улицу? Лишишь наследства? Пусть так — мне не нужны ваши деньги!

— Именно на эти деньги ты живешь и учишься. И все, прекрати спорить с родителями, ты еще всего лишь ребенок!

— Напоминаю вам, что мне двадцать лет...

— Советую тебе не перечить!

— А я дам вам свой совет: не заставляйте меня выбирать между Натаном и вами. — Мэллори

помолчала несколько секунд, чтобы ее слова успели подействовать на родителей, и добавила: — Потому что, если мне придется выбирать, я выберу его. — Считая разговор оконченным, хлопнула дверью и вышла.

1987 год, лето.

Их первые совместные каникулы за границей.

Сад скульптур во Флоренции

Они стояли у большого фонтана, окруженного кипарисами, апельсиновыми и фиговыми деревьями. Струи воды сверкали под солнцем, и от этого возникали маленькие радуги. Мэллори бросила монетку в воду и настаивала, чтобы Натан сделал то же самое.

— Загадай желание!

Он отказывался:

— Я не верю в эти приметы.

— Давай, Нат, загадай желание!

Он мотал головой, но она продолжала требовать:

— Сделай это ради нас!

Тогда он достал из кармана монету в тысячу лир, закрыл глаза и бросил ее в фонтан. Она не могла желать большего, чем то, что у нее есть сейчас. Пусть только это продлится. For always. For ever^[16].

1990 год, лето.

Отпуск в Испании

В саду-лабиринте Орты, в Барселоне, произошла их первая настоящая размолвка. Накануне Натан сказал, что из-за работы ему нужно вернуться на два дня раньше. И это здесь, в одном из самых романтичных мест мира! Мэллори сердилась на него. Он хотел взять ее за руку, но она отстранилась и ушла в зеленый лабиринт.

— Ты рискуешь меня потерять, Натан.

— Но я найду тебя!

Она вызывающе посмотрела на него:

— Ты слишком уверен в себе!

— Я уверен в нас.

1993 год, осень.

Воскресное утро в их квартире

Мэллори наблюдала за мужем в замочную скважину: он, стоя под душем, как обычно, превратил ванную в сауну и во все горло фальшиво распевал модную песню. Но вот закрыл кран с горячей водой, отдернул занавеску душа и закричал от радости. Пар осел на зеркале, и стала видна надпись: «Ты скоро станешь папой!».

1993 год.

Тот же день. Десять минут спустя

Они стояли вдвоем под душем, успевая сказать по несколько слов между поцелуями. Мэллори завела разговор об имени:

— А если это девочка?

— Давай назовем ее Бонита? — предложил он.

— Бонита?

— Бонита, или Бонни. В любом случае что-то, что означает «счастье». Я хочу слышать это слово каждый раз, как буду звать ее.

Мэллори улыбнулась, открыла флакон и нанесла немного геля для душа на тело Натана.

— Хорошо, но с одним условием.

— Каким?

— Я выберу следующее.

Натан взял лавандовое мыло и стал намыливать ей спину.

— Следующее?

— Имя нашего второго ребенка. — И Мэллори прижала мужа к себе. Их тела, в мыльной пене, скользили, касаясь друг друга.

1994 год

Мэллори, на восьмом месяце беременности, лежала в постели и листала журнал. Будущий отец приложил ухо к ее животу и пытался уловить движения ребенка.

Натан установил на проигрывателе лазерный диск с музыкой Верди, и голос Паваротти наполнил комнату. С тех пор как Натан прочел книгу о благоприятном воздействии классической музыки на раз питание ребенка, он каждый вечер ставил отрывок из оперы.

Мэллори соглашалась, что эта музыка, может быть, и полезна для ребенка. Но не для нее. Надела наушники плеера и слушала «About a Girl»^[17] «Нирваны».

1999 год. Ресторан «Уэст-Виллидж»

Они заказали бутылку шампанского.

— А если будет мальчик...

— Это будет мальчик. Натан.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю, потому что я женщина и жду этого ребенка пять лет.

— Если будет мальчик, я подумал...

Никаких обсуждений, Натан. Его будут звать Шон.

— Шон?

— Это по-ирландски означает «Дар Божий».

Натан сделал недовольную гримасу.

— Не понимаю, при чем тут Бог.

— Напротив, очень хорошо понимаешь.

Конечно, он понимал: после рождения Бонни врачи сказали, что у Мэллори больше не будет детей. Натан не любил говорить о религии, но сегодня вечером от счастья готов был согласиться с чем угодно.

— Прекрасно, — он поднял бокал, — мы ждем маленького Шона!

Мэллори открыла глаза — словно фильм о счастливых днях оборвался, кассету заело. По всему телу пробежали мурашки. Возвращение в прошлое причиняло ей невыносимую боль. Каждый раз воспоминания о счастливых временах вызвали вихрь эмоций, с которыми она не справлялась. Мэллори достала еще одну бумажную салфетку из кармана, чувствуя, что слезы вновь наворачиваются на глаза. Господи, все пошло наперекосяк.

Конечно, она скучала по Натану, но между ними разверзлась такая пропасть, что Мэллори не решалась сделать шаг навстречу.

Раздавала суп бомзам, боролась с компаниями, использующими детский труд, выступала против производителей генетически модифицированных продуктов — все это не пугало ее.

Но оказаться снова рядом с Натаном для нее было невыносимо! Мэллори прислонилась к окну, выходящему на улицу, и долго смотрела на небо. Облака рассеялись, и свет луны озарил комнату. Она сняла трубку — как трудно далось ей это движение!

Натан ответил сразу:

— Мэллори?

— Я согласна, Натан: ты можешь приехать за Бонни раньше.

— Спасибо, — он вздохнул с облегчением, — постараюсь быть после обеда. Спокойной ночи.

— И еще...

— Да?

Она заговорила вызывающим тоном:

— Я помню все, Нат: все минуты, проведенные вместе... Помню цвет неба и запах песка, когда мы впервые поцеловались, помню каждое слово, когда я сообщила тебе, что беременна; ночи, когда мы целовались до боли в губах... Помню все, и в моей жизни не было никого дороже тебя. И ты не имеешь права говорить со мной так, как сегодня.

— Да я... я, Мэллори... — начал было он.

Но она положила трубку. Натан подошел к окну: снег все падал, крупные хлопья кружились за стеклами и опускались на карниз. Некоторое время он стоял, глядя в окно и вспоминая слова жены. Потом рукавом рубашки вытер слезы, стекавшие из глаз.

19

Грязные типы широко представлены на этой планете.

Пэт Конрой

Хьюстон-стрит, Сохо.

16 декабря, 6 часов утра

Гаррет Гудрич осторожно спускался по обледеневшим ступенькам своего дома. Накануне он оставил машину на улице, и теперь ее покрывал слой снега в десять сантиметров. Доктор достал скребок и принялся убирать снег с лобового стекла; он опаздывал и потому очистил стекло только со стороны водителя. Уселся за руль, потер руки, согреваясь, вставил ключ в замок зажигания и...

— В аэропорт, пожалуйста!

Гудрич, подпрыгнув от неожиданности, повернулся — на заднем сиденье машины сидел Натан.

— Черт, Дель Амико! Не пугайте меня так больше! Как вы здесь оказались?

— Не надо было давать мне запасные ключи. — Натан покачал небольшой связкой перед носом доктора. — Вчера вечером я забыл оставить их в почтовом ящике.

— Что вы здесь делаете?

— Я объясню вам по дороге — мы летим в Калифорнию.

Гудрич покачал головой.

— Вы бредите! У меня расписан весь день, я уже опаздываю, а вы...

— Я еду за дочерью в Сан-Диего, — объяснил Натан.

— Прекрасно. — Гаррет пожал плечами.

— Не хочу, чтобы она рисковала. — Натан повысил голос.

— Простите, дружище, не понимаю, чем могу быть вам полезен.

Доктор повернул ключ и включил обогреватель.

Натан наклонился к нему:

— Давайте разберемся, Гаррет. Я что-то вроде приговоренного к смерти, а вы полны сил. Надеюсь, у вас нет плохого предчувствия на ближайшие двадцать четыре часа относительно собственной жизни? Вы не видели белого сияния, когда смотрели в зеркало утром?

— Нет, — признал Гудрич раздраженно, — но я все равно не понимаю...

— Признаю, вам удалось напугать меня. Не могу шагу ступить, не думая о том, что какое-нибудь такси наедет на меня или что-нибудь упадет сверху. И вот я подумал: пока я с вами, со мной вряд ли что-то случится.

— Вы ошибаетесь. Послушайте меня...

— Нет, — бесцеремонно перебил его Натан, — это вы послушайте меня! Моя дочь не имеет никакого отношения к вашим чертовым предчувствиям. Я не хочу рисковать ею, когда она будет лететь со мной в самолете. Вы будете сопровождать меня, пока я не привезу Бонни сюда.

— Вы хотите сказать, что я — ваша страховка?! — воскликнул Гаррет.

— Точно.

Тот покачал головой:

— Вы сумасшедший. Ничего не выйдет, Натан.

— Правила изменились, Гаррет.

— Бесполезно настаивать! — твердо произнес доктор. — Я никуда с вами не поеду, Натан, вы меня хорошо поняли? Никуда.

Несколько часов спустя

Натан посмотрел на часы: рейс 211 «Американских авиалиний» прибудет в Сан-Диего без опозданий. Прямого рейса не было, им пришлось сделать крюк через Вашингтон, поэтому путешествие затянулось. Натан взглянул на доктора, сидевшего рядом: тот не спеша расправлялся с обедом, стюардесса подала его полчаса назад.

Адвокат не знал, что и думать о Гаррете: с одной стороны, с его появлением начались неприятности, но, с другой стороны, он сочувствовал доктору. Если то, что говорил о себе Гудрич, правда (а теперь Натан не сомневался, что Гаррет — Вестник), то его собственному существованию не позавидуешь: как вести нормальную жизнь с таким даром? Должно быть, тяжкое бремя постоянно видеть тех, кому суждено умереть.

Конечно, Натан предпочел бы никогда не встречать доктора — или встретить при других обстоятельствах, — но уважал в нем человека. Мужчина с израненным сердцем, пережив смерть любимой жены, отдавал тело и душу больным людям — своим пациентам!

Нелегко оказалось убедить Гаррета поехать в Калифорнию: у доктора была назначена на этот день важная операция; кроме того, он не мог отсутствовать в Центре паллиативной помощи, не оставив некоторых распоряжений.

Натан испробовал мыслимые и немыслимые способы убеждения — все безуспешно. Тогда ему пришлось изменить тактику: он раскрыл Гаррету свою душу. Возможно, это последний шанс увидеть Бонни, хотя бы на прощание побыть с женой; за ним идет смерть, он просит помощи.

Тронутый этим криком отчаяния, Гаррет согласился перенести операцию и поехал с Натаном в Сан-Диего. Тем более, доктор чувствовал себя отчасти ответственным за потрясения, перевернувшие жизнь адвоката.

— Вы будете есть свой бутерброд? — осведомился Гудрич, когда стюардесса собирала подносы.

— Меня волнует другое, — ответил Натан. — Забирайте, если хотите.

Гаррет не заставил себя упрашивать. Он ловко схватил бутерброд за мгновение до того, как стюардесса завладела тарелкой.

— А почему вы так взволнованы? — поинтересовался он с полным ртом.

— Это происходит со мной всякий раз, когда мне говорят, что я скоро умру, — вздохнул Натан. — Такая вот у меня дурная привычка.

— Попробуйте австралийское вино, которое нам только что подали, — это прольет бальзам на раны.

— Мне кажется, вы слишком много пьете, Гаррет.

Гудрич не согласился.

— Я просто забочусь о себе: согласитесь, вино благотворно действует на сердечно-сосудистую систему.

— Все это вранье — самооправдание.

— Вовсе мет! — возмутился Гудрич. — Научно доказано: в кожице винограда содержатся полифенолы, препятствующие образованию эндотелина, который вызывает сужение сосудов...

Натан перебил его, пожимая плечами:

— Ну хорошо, хорошо, если уж хотите впечатлить меня своими медицинскими познаниями.

— С наукой можно только примириться, — отметил Гудрич с ликованием в голосе.

Тогда Натан открыл последнюю карту:

— Допустим, все, что вы говорите, верно. Но, кажется, я где-то читал, что вся эта «польза для сердечно-сосудистой системы» относится только к красному вину.

— Гм... это так, — вынужден был признаться доктор.

— Поправьте меня, Гаррет, если я ошибаюсь, но мне кажется, что это австралийское вино, пользу которого вы мне расписываете, белое, не так ли?

— Вы настоящий зануда! — воскликнул Гудрич с досадой. Потом добавил: — Но, должно быть, хороший адвокат.

— Дамы и господа, наш самолет начинает снижение. Пожалуйста, пристегните ремни и поднимите спинки кресел! — объявила стюардесса.

Натан повернулся к иллюминатору: сквозь облака просматривались горы и калифорнийский берег. Скоро он увидит Мэллори.

— Совершил посадку рейс «Американских авиалиний» из Вашингтона. Пассажиров просят пройти к выходу номер девять.

У них не было багажа — долго ждать в аэропорту не пришлось. Натан взял машину напрокат, и Гудрич настоял на том, чтобы сесть за руль.

Климат в Сан-Диего значительно отличался от погоды в Нью-Йорке: воздух был теплым, небо — безоблачным, температура около 20 °С. Мужчины быстро сбросили с себя шарфы, пальто и сложили их на заднем сиденье.

Сан-Диего простирается на многие километры вдоль двух полуостровов. Натан попросил доктора ехать по окружной дороге: в центре в это время всегда плотное движение. Он показывал дорогу, пока они не достигли прибрежной полосы, потом попросил свернуть на север; свой путь они продолжали вдоль песчаных пляжей, прерываемых горными склонами и небольшими бухтами.

Морской курорт Ла-Джолла располагается на небольшом холме. Туда можно попасть, поднимаясь по извилистому склону, вдоль которого стоят элегантные дома. Гудрич здесь не был, но тут же вспомнил Монако и Французскую Ривьеру, где побывал много лет назад. Завороженный красочными видами океана, он несколько раз высовывал голову в окно. С интересом наблюдал, как серферы пытаются покорить гигантские волны, прежде чем те разобьются о крутой берег.

— Не забывайте смотреть на дорогу, Гаррет!

Доктор снизил скорость, наслаждаясь бодрящим ветерком со стороны океана. Он позволил обогнать себя «Форду Мустангу» фиолетового цвета в сопровождении двух мотоциклов «Харлей Дэвидсон», на которых восседали мужчины лет шестидесяти, по виду бывшие хиппи.

— Калифорнийская жизнь — это нечто особенное, — констатировал доктор, когда прямо перед ними белка перебежала дорогу.

Ла-Джолла, со своими ресторанами и маленькими магазинчиками, обладал необыкновенной привлекательностью и являл собой островок курортной жизни. Мужчины оставили автомобиль на одной из главных улиц города и проделали остаток пути пешком. Натан торопился и, несмотря на рану, шел быстро. Гудрич следовал за ним.

— Ну, Гаррет, вы там шевелитесь?

Доктор остановился купить газету и, как обычно, воспользовался этим, чтобы перекинуться несколькими словами с продавцом. *«Всегда кем-то интересуется, даже совершенно незнакомыми людьми, — невероятный тип!»* Гаррет догнал Натана и указал на витрину агентства по недвижимости:

— Вы видели цены?

Да, за последние годы арендная плата здесь сильно возросла. К счастью, дом, в котором жила Мэллори, выкупила еще бабушка в эпоху, когда Ла-Джолла был всего лишь рыбацкой деревней. Они как раз подошли к этому дому — маленькому, деревянному.

— Мы пришли! — Натан повернулся к доктору.

На двери висел плакат: «Киберживотным вход воспрещен!». Как похоже на Мэллори... Сердце Натана чуть не выпрыгнуло из груди. Он постучал в дверь.

— А вот и старина Дель Амико!

«Венс Тайлер! Только не это!» Тайлер открыл дверь и, посторонившись, пропустил гостей в дом. Высокий, со светлыми, длинными волосами, ровным загаром, он широко улыбался, демонстрируя недавно отбеленные зубы.

«Что он делает здесь среди дня? И где Бонни и Мэллори?» Натан представил Гаррета Тайлеру, пытаясь скрыть недовольство.

— Бонни скоро придет, — сообщил Венс, — она у подружки.

— Мэллори с ней?

— Нет, Лори наверху, одевается.

Лори? Никто и никогда не называл его жену Лори: ей не нравились уменьшительные имена и прозвища.

Натан ужасно хотел увидеть Мэллори. Однако не решался подняться в ее комнату — лучше подождать здесь. Будто желая раззадорить Натана, Тайлер произнес:

— Я веду ее есть омаров в «Ловца крабов».

Этот шикарный ресторан на Проспект-стрит возвышался над океаном. «*Наш ресторан, — думал Натан, — там я сделал ей предложение; там мы праздновали дни рождения Бонни...*» Когда они были студентами, Натан копил деньги, чтобы пригласить Мэллори в подобное место.

— Ты, случайно, не работал там официантом? — Тайлер прищурился, будто вспоминал.

Натан посмотрел калифорнийцу прямо в глаза:

— Да, летом я подстригал газоны и работал официантом. Я даже мыл твою машину, когда работал на моечной станции.

Тайлер сделал вид, что не расслышал последних слов Натана. Он сидел, удобно устроившись, на диване и спокойно потягивал виски, в расстегнутой рубашке и ярко-синей куртке — единственная неуместная деталь в комнате. В руках он держал рекламный буклет ресторана и читал карту вин:

— Бордо, сотерн, кьянти... Обожаю французские вина!

— Кьянти — итальянское вино, — заметил Гудрич.

«*Прямо в точку, Гаррет!*»

— Не важно. — Тайлер постарался скрыть досаду и сменил тему разговора: — Как дела в Нью-Йорке? Слышал последний анекдот о своих коллегах?

И стал рассказывать старую шутку об адвокатах:

— Так вот, возвращаясь с юридического конгресса, автобус с адвокатами попадает в автокатастрофу около одной фермы...

Натан его больше не слушал, он спрашивал себя, на какой стадии отношения Мэллори и Венса. По-видимому, этот кретин настойчив. Маловероятно, что между ними что-то есть, разве только нескрываемая неприязнь Бонни. Но кто знает, чем кончится ужин в «Ловце крабов»... Сотни раз он размышлял об этом. Как этот человек мог привлечь Мэллори?

Оба знали Венса достаточно давно и считали его нахальным и несерьезным типом. Посмеивались над его невыразительными попытками завлечь Мэллори. Но и в то время она порой находила в нем положительные стороны — общительный, веселый, приветливый.

Эту его так называемую душевную доброту Натан никогда не испытывал на прочность, но подозревал, что Тайлер притворяется. Адвокат считал его прирожденным лицемером, которому удавалось скрывать самонадеянность под маской добродушия. Недавно Венс снискал общественное признание, создав фонд помощи детям, и назвал его «Фонд Тайлера». Какая скромность!

Натан знал, что за беспредельной щедростью скрывалось желание заполучить налоговые льготы и понравиться Мэллори — как говорится, одним ударом убить двух зайцев. Оставалось только надеяться, что Мэллори не даст себя одурачить.

Тайлер заканчивал свой рассказ:

— «Вы уверены, что все они были мертвы, когда их похоронили?» — спросил полицейский. Фермер ответил: «Некоторые казались живыми, но вы прекрасно знаете, что адвокаты — те еще мошенники!» — И калифорниец разразился громким смехом. — Признайте, что анекдот очень неплохой, а, дружок?

— Я тебе не дружок, — возразил Натан, готовый на него наброситься.

— Как всегда, обижаешься, Дель Амико, да? Вчера вечером я как раз говорил Лори...

— Мою жену зовут Мэллори.

Только он закончил фразу, как понял, что попался на крючок.

— Она больше не твоя жена, дружок, — немедленно отреагировал Тайлер.

Едва заметная ухмылка не ускользнула от Натана. Венс подошел к нему и прошептал на ухо:

— Уже не твоя жена, а почти моя.

В это мгновение Натан понял: ему ничего не остается, как набить Тайлеру морду. Он сделает это, даже если в итоге еще больше отдалятся от жены. И вдруг Натан осознал, что достаточно мелочи, чтобы знаменитый адвокат с Парк-авеню уступил место сыну итальянской прислуги, плохому парню, который в молодости не раздумывая ввязывался в драки на улицах Квинса. Прошное догнало-таки его, хотя он всю жизнь из кожи вон лез, чтобы стать другим.

Входная дверь отворилась, и появилась Бонни.

— Buenos días^[18], — радостно сказала она и вошла в комнату.

Ла-Джолла находится всего в двадцати километрах от мексиканской границы, и Бонни развлекалась тем, что повторяла испанские слова, услышанные на улице или в школе.

Когда вошла дочка, вся злоба и гнев внезапно растворились. Дочь здесь — все остальное не важно. Бонни бросилась в объятия Натана, он поднял ее к потолку и закружил. Яркая, цветастая одежда, перуанская шляпа, края которой свешивались на уши, и южный загар — девочка выглядела прелестно.

— Тебе только пончо не хватает, чтобы перегонять стада лам через Анды. — И Натан опустил дочку на пол.

— А можно мне это на Рождество? — тут же подхватила она.

— Пончо?

— Нет, ламу!

— Это шутка, дорогая, — раздался голос Мэллори.

Натан обернулся: Мэллори спускалась по ступеням лестницы, держа в руках дорожную сумку Бонни. Поздоровалась с Натаном; он представил ей Гаррета: известный хирург, возвращается с конгресса в Сан-Франциско; у них деловые отношения. Несколько удивленная, женщина вежливо приветствовала Гудрича.

— Мы опаздываем. — И выразительно посмотрела на часы.

«Именно так! Будто ты озабочена тем, чтобы вовремя попасть в ресторан!» Натан не стал возражать — это ни к чему не приведет, да и не стоит ссориться с Мэллори на глазах у Венса, — и ответил в тон:

— Нам тоже нужно спешить — самолет через час.

— Вы поедете через Лос-Анджелес? — тревожно спросила Мэллори.

Натан кивнул. Венс вышел первым, крутя на пальце ключи от машины; остальные последовали за ним. Небо начинало темнеть, чувствовалось приближение грозы. Мэллори закрыла за собой входную дверь и обняла дочь.

— Счастливого пути, и не забудь позвонить мне, когда приедешь в Нью-Йорк!

Она направилась к сверкающему «порше», припаркованному выше по улице.

— Hasta luego!^[19] — крикнула Бонни, размахивая перуанской шляпой.

Мэллори обернулась и махнула рукой в ответ; она так ни разу и не взглянула на Натана.

— Приятного аппетита! — крикнул он ей, вложив в свои слова всю горечь и грусть, которые чувствовал.

Она не отозвалась. Натан взял за руку Бонни и пошел с ней по тротуару вслед за Гарретом — тот захватил их дорожную сумку.

«Порше» шумно тронулся с места и направился в их сторону; будто специально, Тайлер проехал совсем близко от Натана. Что ж, это из разряда глупостей — так иной раз играют мужчины, желая помериться силой... Мэллори на пассажирском сиденье наклонилась в тот момент над сумочкой и не заметила маневра Тайлера. А тот небрежно махнул Натану рукой. «Идиот», — подумал Натан, глядя вслед машине.

— Дамы и господа, начинается посадка на рейс... «Американских авиалиний» до Лос-Анджелеса, выход номер двадцать пять. При себе необходимо иметь посадочные талоны и удостоверения личности.

Услышав объявление, четыре десятка путешественников разом поднялись с металлических кресел и выстроились в очередь у стойки регистрации. Они первыми попадут в самолет. Среди них стояла Бонни, слушая плеер и сонно покачивая головой в такт скрипке Хилари Ханн. Гаррет грыз пятую плитку шоколада, а Натан рассеянно смотрел в окно — казалось, он заинтересовался балетом взлетающих самолетов.

Адвоката охватило тягостное предчувствие: неужели он больше никогда не увидит Мэллори?.. Их история не может так закончиться, он *должен* увидеть ее, хотя бы в последний раз! Да, встреча с Мэллори нужна ему больше всего на свете. Нет сомнения, уже слишком поздно начинать все сначала, но разве он не имеет права попрощаться с любимой женщиной в другой обстановке, без глупых саркастических замечаний Венса Тайлера за спиной?

Гаррет протянул посадочный талон стюардессе. Натан потянул его за рукав и произнес:

— Я не лечу.

— Вы хотите вернуться?

— Мне нужно увидеть ее в последний раз. Нужно, чтобы она знала...

Гудрич равнодушно его оборвал:

— Делайте то, что считаете необходимым.

— Бонни я забираю.

— Оставьте ее, со мной ей нечего бояться.

Им пришлось отойти, чтобы пропустить других пассажиров — те уже теряли терпение. Натан наклонился к дочери — Бонни сняла наушники и улыбнулась.

— Дочка, дорогая, я забыл кое-что сказать маме. Думаю, мы полетим следующим рейсом.

Малышка тут же подняла головку к Гудричу. Она, такая боязливая, сразу почувствовала доверие к этому великану. Чуть подумав, предложила:

— Может быть, пап, я полечу с доктором Гарретом?

Реакция дочери удивила Натана; он запустил руку ей в волосы.

— Ты уверена, что все будет хорошо, дорогая?

— *Muy bien*^[20], — она обняла отца.

Натан пристально посмотрел в глаза Гудричу: если и есть на земле люди, которым он мог бы доверить дочь, пусть и всего на несколько часов, то доктор, без сомнения, один из них. Да, с Гудричем Бонни в безопасности. Так или иначе, Вестник явился не за ней, а за ним.

— Конечно, вашей девочке ничего не угрожает со мной, — серьезно сказал Гудрич. — Не забывайте: я — само страхование жизни.

Натан не удержался от улыбки; достал из кармана билет Бонни и протянул ему.

— Забронирую место на следующий рейс! — бросил он, пробираясь через толпу.

— Заезжайте за ней в Центр! — прокричал Гаррет. — Не волнуйтесь — я обо всем позабочусь!

Натан быстро покинул посадочную зону, выбежал из здания аэропорта, поймал такси и поехал в Ла-Джолла.

Дождь лил как из ведра. Натан позвонил в дверь: нет, Мэллори еще не вернулась. Стал выслеживать редкие автомобили, движущиеся по узкой проселочной дороге.

Черт возьми, да это настоящий потоп! И негде укрыться — бесполезно и думать о том, чтобы переждать на веранде одного из близстоящих домов: местные жители славились подозрительностью и в случае чего сразу вызывали полицию. Лучше не попадаться им на глаза, пусть он и промокнет до нитки. *«Калифорнийская жизнь, говоришь!»* И Натан громко чихнул.

Он, молодой, сильный, успешный адвокат, чувствовал себя глупым и несчастным. Смерть тяжелым грузом давила на плечи. *«Что я здесь делаю?..»* Возможно, Мэллори и не вернется сегодня, а если и да, то не одна, а с Тайлером. Но даже если и одна — ему нечего ожидать, кроме безразличия. Черт, промок насквозь, дрожь пробирает тело. Никогда еще он не испытывал столь отчетливого ощущения: жизнь загублена.

В тот миг, когда дождь полил с удвоенной силой, прямо возле дома остановился «порше». Натан прищурился: с того места, где он стоял, было плохо видно, но все же ему показалось, что ни Мэллори, ни Тайлер из машины не выходили. Может быть, разговаривали или... целовались? Он попытался приблизиться к ним, но стена дождя защищала кабину автомобиля от посторонних взглядов. Через несколько минут показалась Мэллори: она вышла из машины, на миг остановилась — и бегом бросилась к дому... «Порше» резко сорвался с места, обдавая грязью все на своем пути.

Миг спустя в окнах дома зажегся свет, и за тонкими шторами возник силуэт Мэллори. Что ему сейчас делать? Натан всегда гордился тем, что он — человек действия, а вот сейчас его тело и душа будто парализованы. Имеет ли смысл говорить этой женщине о своей любви?..

Вдруг дверь отворилась: это она... идет на середину улицы, разрывая завесу дождя. *«Зачем она вышла... и без зонта?..»* — думал он. В тот же миг небо разорвали молнии, и прогремел гром. Мэллори сделала круг на месте, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть, а потом закричала:

— Ната-ан!

Свечи издавали запах корицы. Он снял рубашку и энергично растер тело полотенцем. Из-за этой погоды, из-за проливного дождя дом казался еще уютнее. В каждом углу гостиной стояли яркие цветы, а елки не было. Это его не удивило — Рождество всегда нагоняло на Мэллори тоску.

Натан развесил куртку и брюки над радиатором, завернулся в большой плед и улегся на диван — на целую грудку разноцветных подушек. Ого, нечаянно потревожил кошку тигрового окраса; недовольная, что ее побеспокоили, она враждебно мяукнула. Эту большую домашнюю кошку Мэллори подобрала недалеко от дома.

— Эй, привет... не бойся!

Натан проворно схватил кошку и положил рядом с собой. А когда любезно почесал ее за ухом, та смирилась, что делит с ним территорию, и даже выразила удовольствие громким урчанием.

Натан устроился поудобнее и, поддавшись усталости, сомкнул веки. На улице бушевала гроза, молнии одна за другой разрывали небо, раздавались грозные раскаты грома.

Мэллори варила на кухне кофе. По радио звучала старая песня Вэна Моррисона, одна из ее любимых. Дверь выходила в гостиную; Мэллори наклонилась и украдкой взглянула на Натана: спит. Как всегда, когда смотрела на него спящего, она ощутила прилив нежности.

Как почувствовала она его присутствие, не зная, что он не улетел, — этого ей ни за что не объяснить. Какая-то неведомая сила внезапно заставила ее выйти под дождь и окликнуть его. Она была уверена — он где-то рядом. Не в первый раз происходило такое — между ними существовала духовная связь, прочная и вместе с тем мистическая; она никому об этом не говорила, чтобы не показаться смешной. Так было у них с детства.

Мэллори хорошо знала человека, который лежал на ее диване, — знала, как никого другого на Земле. И еще она знала: ничто не могло испугать Натана Дель Амико.

1984 год, зима. Аэропорт в Женеве

Мэллори сидела в зале прилета. Последний раз она разговаривала с Натаном три дня назад, а

сегодня готовится отметить в одиночестве свой двадцатый день рождения — в шести тысячах километров от дома. Просила его не прилетать: билет на самолет Нью-Йорк — Женева стоил очень дорого, а у него не было денег. Конечно, она могла бы дать ему денег, но он бы не взял. И все же Мэллори пришла встретить рейс швейцарской авиакомпании — так, на всякий случай... Дрожала от возбуждения, внимательно разглядывая первых пассажиров, выходящих из самолета.

Несколько месяцев назад она считала, что окончательно справилась со своей болезнью, но снова сорвалась. И даже встреча с Натаном после долгой разлуки не помогла ей — слишком много испытаний для зарождающейся любви: враждебность родителей, социальный барьер, разлука... Снова стала худеть и весила уже сорок килограммов.

Вначале ей удавалось скрывать потерю веса от родителей и от Натана; приезжая домой на каникулы, она поддерживала видимость хорошего самочувствия. Но мать вскоре заметила перемены, и родители поступили как обычно: избегая полумер, нашли радикальное и, по их мнению, безошибочное решение.

Так девушка попала в швейцарскую клинику, очень дорогое заведение, специализирующееся на патологиях психики подростков. Вот уже три месяца Мэллори находилась в этом чертовом доме отдыха; если судить объективно, лечение пошло ей на пользу: она начала нормально питаться и отчасти восстановила здоровье. По все равно каждый день ей приходилось вести непрекращающуюся борьбу с разрушительной силой, которая жила в ней самой.

Врачи объяснили, что отказ от пищи вызван страданием, причины которого она должна для начала определить, если действительно хочет выздороветь. По было ли это действительно страдание? Можно, конечно, и таким образом смотреть на вещи. У нее не было ни трудного детства, ни травмы, но некое туманное чувство поселилось в ней с детства и со временем становилось все настойчивее.

Оно могло захватить Мэллори в любое время и в любом месте, например посреди улицы, когда она ходила с подругами по самым шикарным магазинам города. Достаточно ей было пройти мимо бомжей, которые спали, постелив картон прямо на снегу, — и каждый раз с ней происходило одно и то же. Никто, казалось, не обращал на них внимания, никто их не замечал, но она-то, Мэллори, видела эти красные от мороза лица, незаметные для других. Неудивительно, что никого в ее окружении не интересовали такие вот «пустяки». Она прекрасно понимала, что принадлежит к привилегированному обществу, и страдала от невыносимого чувства вины перед этой нищетой.

Последние пассажиры проходили таможенный контроль и спускались по эскалатору. Мэллори скрестила пальцы... Она снова начала есть, но в основном сделала это для него: ее отношения с Натаном — пристань ее жизни, хрустальный шар счастья, который она хотела сохранить любой ценой.

Когда девушка уже потеряла надежду, Натан вдруг появился на верхних ступеньках эскалатора. Это, конечно же, он — в бейсболке «Янкиз» и голубом пуловере, который Мэллори подарила ему на день рождения. Не подозревает, что его ждут, не смотрит по сторонам. Она не сразу подает ему знак, ждет, когда он подойдет к ленточному конвейеру за багажом. Потом решается окликнуть.

Натан оборачивается, он удивлен и счастлив. Бросает свою сумку, идет к ней и пылко целует. Она падает в его объятия, наслаждаясь драгоценными мгновениями встречи; нежно прячет голову на его плече, вдыхая его запах, как пьянящий аромат духов. Ей так спокойно в его объятиях. Она закрывает глаза, и на минуту ей кажется, что вернулось детство, когда не было тревог и трудностей.

— Я знала, что ты найдешь меня даже на краю света, — шутит Мэллори, целуя Натана.

Он смотрит ей в глаза и произносит торжественным тоном:

— Я бы пошел за тобой дальше... дальше, чем на край света.

И в этот миг она уверена: он — ее судьба и всегда будет с ней.

— Я не слышал, как ты подошла, — пробормотал Натан, открывая глаза.

Мэллори поставила чашку горячего кофе на столик.

— Я положила твои брюки в сушилку, скоро сможешь одеться.

— Спасибо.

Они вели себя неестественно, словно два бывших любовника, которых развели превратности судьбы.

— Что это за сумки? — Натан указал на два дорожных баула, стоявших у входа.

— Меня попросили принять участие в конференции перед Социальным форумом в Порту-Алегри. Я сначала отказалась из-за Бонни, но ты забрал ее раньше и я...

— Как, ты едешь в Бразилию?

— Всего на три-четыре дня, вернусь к Рождеству.

Мэллори открыла одну из сумок:

— Вот, возьми, надень, а то простудишься. — И протянула ему выглаженную майку. — Вещь старая, подумаю, тебе еще будет впору.

Он развернул майку — та самая, которая была на нем вечером, когда они впервые занимались любовью. Это было так давно...

— Я не знал, что ты ее сохранила.

Смутившись, она взяла с дивана шаль и завернулась в нее.

— Брр... и правда не жарко... — И вздрогнула. Потом исчезла на несколько секунд и вернулась с бутылкой текилы в руке.

— Вот одно из самых приятных средств согреться. Впервые за долгое время он увидел улыбку на ее лице, и эта улыбка была адресована ему.

— A tu salud!^[21] Так сказала бы Бонни.

— A tu salud! — ответил Натан.

Они чокнулись и, как требовал обычай, выпили залпом. Мэллори потянула к себе край одеяла, села рядом на диван, положила голову Натану на плечо и закрыла глаза.

— Давно мы не разговаривали, правда?

Дождь все шел, струи воды хлестали по окнам, оставляя длинные дорожки на стеклах.

— Скажи, что тебя беспокоит?

— Ничего, — соврал Натан.

Он решил не рассказывать ей о Вестниках — эта история слишком фантастична, на грани безумия. Пожалуй, Мэллори примет его за сумасшедшего и станет волноваться за Бонни, которую он доверил Гудричу.

Но она настаивала:

— Кажется, не слишком все прекрасно. Чего ты боишься?

На этот раз он не соврал:

— Потерять тебя.

Мэллори разочарованно пожала плечами:

— Думаю, мы уже потеряли друг друга.

— Можно терять человека по-разному.

Она смахнула локон с лица.

— Что ты имеешь в виду?

Натан ответил вопросом на вопрос:

— Как мы докатились до этого, Мэллори?

— Ты сам прекрасно знаешь.

Он смотрел в сторону.

— Если бы Шон не умер...

Мэллори нервно ответила:

— Оставь Шона в покос! Ты изменился, Натан. Ты перестал быть человеком, которого я любила. Вот и все.

— Любовь не проходит просто так.

— Я не сказала, что перестала любить тебя. Я сказала, что ты перестал быть тем, кого я любила.

— Ты знаешь меня с восьми лет! Конечно, я изменился. Все меняется.

— Не делай вид, что не понимаешь: вся твоя жизнь стала вращаться вокруг работы. Ты не

обращал на меня внимания!

— Я должен был работать! — попытался он оправдаться.

— Гордость для тебя была важнее собственной семьи. Ты все время соревновался с моим отцом.

— Джефффри сам хотел этого. И не забывай о том, как твоя семья относилась к моей матери.

— Но я — не моя семья, а ты не подумал обо мне. Ты так отдалился от меня, Натан. Тебе всегда было мало — ты искал идеального счастья.

Он попробовал объяснить:

— Но я хотел, чтобы мы были счастливы. Ты, дети...

— Натан, но мы и так были счастливы. Чего ты еще хотел? Еще больше денег? Зачем? Чтобы купить третью машину, потом четвертую? Чтобы играть в этот чертов гольф в шикарном клубе?

— Я хотел быть достойным тебя. Хотел показать, что у меня получилось добиться успеха.

Мэллори пришла в ярость:

— А, вот оно! Показать, какой он успешный, — великое стремление Натана Дель Амико!

— Ты не можешь понять. Там, где я родился...

Она не дала ему договорить:

— Я прекрасно знаю, где ты родился и как тебе было трудно. — Она чеканила каждое слово. — Но жизнь — не соревнование и не война, и ты не обязан каждую минуту подтверждать свои достижения. — И резко поднялась с дивана.

— Мэллори!

Он хотел ее остановить, но она осталась глуха к его призыву и скрылась в противоположном конце комнаты. Чтобы успокоиться, зажгла маленькие свечи — их было много, пламя металось под высоким стеклянным колпаком... Натан подошел к ней, хотел было положить руки ей на плечи. Она резко отстранилась.

— Вот, посмотри! — И бросила ему номер «Нью-Йорк таймс».

Даже когда Мэллори стала жить в Калифорнии, она продолжала выписывать нью-йоркские газеты, к которым привыкла еще со студенческих пор.

Он поймал газету на лету и прочитал заголовки на первой полосе:

«Огайо. Подросток, вооруженный пистолетом, убил трех человек в своем лицее».

«Чили. Извержение вулкана повлечет за собой гибель людей».

«Африка. Сотни тысяч беженцев вышли на дороги в районе Великих Озер».

«Ближний Восток. Новый конфликт после теракта».

Через несколько секунд Мэллори грустно спросила:

— Какой смысл у жизни, если ты не можешь разделить ее с кем-то?

Глаза ее влажно сверкнули, она пристально посмотрела на него.

— Что для тебя было важнее в жизни, чем любовь, которую ты мог разделить с нами?

Натан молчал, и она продолжила:

— Мне не нужен был безупречный мужчина. Ты мог бы признать свои слабости, хотя бы передо мной. Ты мог бы довериться мне...

Эти слова означали: «Ты меня так разочаровал». Натан смотрел на Мэллори расширенными от гнева глазами. Все, что она сказала, — правда, но тем не менее он не заслуживал тою, чтобы его одного обвиняли во всех грехах.

— А знаешь, я сохранил обручальное кольцо. — Он показал ей безымянный палец. — Я сохранил кольцо, а ты идешь с этим ничтожеством обедать в наш ресторан!

Он размахивал кольцом перед лицом Мэллори, как адвокат, предъявляющий судьям решающее вещественное доказательство. Но ведь это не выступление в суде и стоял он не перед судьями, а перед женщиной, которую любил. А Мэллори смотрела на него так, будто хотела сказать: «Не нужно недооценивать меня». И вдруг достала из-под водолазки маленькую цепочку, на конце которой висело кольцо из белого золота.

— Я тоже сохранила свое обручальное кольцо, Натан Дель Амико, но это ничего не значит. — Слезы сверкнули у нее в глазах, но она все же продолжала: — И раз уж ты заговорил о Венсе, знай — у нас с ним нет ничего общего. — Потом добавила, пожав плечами: — Ну, если ты еще не понял, что я манипулирую этим болваном, так это потому, что ты не слишком проницателен.

— Я теряю проницательность, когда речь идет о тебе.

— Я пользуюсь им. Тут нечем гордиться, но я его использую. У этого типа огромное состояние, и если можно сделать так, чтобы он отдавал часть средств на помощь обездоленным, я готова ходить с ним во все рестораны мира.

— Это довольно цинично, — заметил Натан.

Мэллори грустно усмехнулась:

— «Цинизм и наглость — опора бизнеса»: ваши слова, господин великий адвокат, не так ли?

Она достала из кармана пакет бумажных салфеток и вытерла глаза. Натан больше не решался подходить к ней — боялся, что снова оттолкнет. Молча приблизился к окну, открыл его и вдохнул свежий воздух. Тяжелые облака плыли теперь на север.

— Дождь почти кончился, — произнес он, чтобы хоть как-то разрядить обстановку.

— Мне наплевать на дождь! — отрезала она.

Натан повернулся к ней: щеки у нее впали, кожа стала бледной, почти прозрачной... Ему хотелось сказать, что она всегда была и будет на первом месте в его жизни, но он лишь произнес:

— Я все это знаю, Мэллори.

— Что знаешь?

— Все, о чем ты мне только что говорила. Счастье не сводится к материальному благополучию. Счастье в том, чтобы разделять радости и неприятности, делить крышу над головой и жизнь... Теперь я знаю.

Она беспомощно развела руками и смущенно улыбнулась, глядя на него уже снисходительнее. Когда он был таким, она всегда вспоминала маленького мальчика, перед которым не могла устоять. Хватит с нее, довольно упреков... Мэллори прижалась к его груди. *«Я ведь знала, что после смерти Шона работа стала для него единственным прибежищем, куда он прятался в своем страдании. Я не должна винить его».* И не винила, лишь сожалела, что они не сумели сплотиться в своем горе. Закрыла глаза и думала о том, что он еще не ушел, а она уже знает — через несколько часов почувствует горечь от его отсутствия.

Для биологов большая часть такого чувства, как любовь, сводится к взаимодействию молекул и химических соединений в мозге, — это оно вызывает желание и привязанность. Если так и есть на самом деле, то этот процесс происходил с Мэллори каждый раз, когда Натан был рядом. Пусть бы это мгновение длилось вечно... И все же она сделает невероятное усилие, чтобы оторваться от него. Пока еще не время.

— Тебе пора ехать, иначе пропустишь последний самолет. — И она отстранилась.

Натан стоял у порога, не решаясь уйти. Такси у дома, водитель ждет уже минут пять. Как объяснить ей, что, возможно, это их последняя встреча? Не повторится прощальная улыбка, не вернется миг, когда их тела соприкоснутся...

— Если со мной что-нибудь случится, я хочу, чтобы ты...

— Не говори ерунды, — перебила она его.

— Это не ерунда, Мэллори, представь, что...

— Говорю тебе — мы увидимся снова. Нат! Я тебе это обещаю.

Мэллори никогда не обманывала его, и он очень хотел верить ей, даже сегодня. Она поцеловала свою ладонь, потом нежно погладила его по щеке.

Натан уже садился в машину, но не выдержал и обернулся еще раз, чтобы посмотреть на Мэллори. Взглядом человека, который боится навсегда потерять ту, которую обожал. Прощальный крик души, которой повезло найти свою половинку...

Мэллори смотрела, как машина растворяется в прозрачном после дождя воздухе. Потом взяла в руку кольцо, висевшее на цепочке, изо всех сил сжала его и прочла про себя как заклинание:

Крепка, как смерть, любовь наша.

Большие волны бессильны потушить любовь,

И реки не запьют ее.

Если у меня появился ребенок, то тем самым я как бы говорю: я родился, познал жизнь и убедился, что она настолько хороша, что заслуживает повторения.

Милан Кундера

17 декабря

— Que hora es?^[22] — спросила Бонни, протирая глаза, — она только что встала.

— Угадай!

Из Сан-Диего Натан вернулся шестичасовым рейсом и забрал дочь, крепко спавшую на диване в кабинете Гудрича. «Она поздно уснула, — объяснил доктор, — из-за грозы наш рейс задержали». Натан взял Бонни на руки, и они поехали в «Сан-Ремо». Спать он уложил ее в восемь утра, когда солнце уже поднялось.

Бонни недоверчиво посмотрела на кухонные часы.

— Уже три часа дня?

— Ну да, малышка. Ты долго спала.

— Я не малышка, — возразила девочка, зевая.

— Конечно, малышка! — Натан усадил ее на высокий табурет перед чашкой с ароматным шоколадом. — Ты моя малышка.

— Впервые в жизни так поздно встаю, — весело прощепетала Бонни и взяла рогалик, посыпанный кунжутом.

Натан с нежностью смотрел на дочь. Время, проведенное с ней, было для него утешением. Вчера она была веселой, сияющей, не как в предыдущие каникулы — тогда постоянно грустила. Последствия шока, вызванного разводом родителей, понемногу проходили: девочка поняла наконец, что развод не отдалил ее ни от отца, ни от матери.

Натан очень беспокоился за дочь: сумеет ли она выдержать новое испытание, самое трудное за всю ее еще недолгую жизнь? Существует ли способ подготовить ребенка к смерти одного из родителей? Он предпочел прогнать мрачные мысли и насладиться общением с Бонни.

— Мы можем пойти за новогодней елкой. — Натан подумал, что ребенку это доставит удовольствие.

— Конечно! И купим много всяких украшений: шары, звезды и... гирлянды, которые мигают в темноте.

— А потом зайдем в супермаркет, купим продукты и приготовим вкусный ужин.

— А мы сделаем черные тальятелле с чернилами каракатицы, папа?

Это было любимое блюдо Бонни с тех пор, как она совсем маленькой попробовала его в ресторане, куда они ходили втроем.

— Разумеется! И супердесерт. Хочешь, приготовим большой, вкусный десерт?

— Конечно! — Девочка запрыгала от радости.

— Чего бы ты хотела?

— Тыквенный пирог! — Бонни ни секунды не колебалась.

— Это десерт на День благодарения. Ты не хочешь того, что едят на Рождество?

Она отрицательно замотала головой:

— Не-ет... я люблю тыквенный пирог, потому что он очень сочный и в нем мною маскарпоне!

— Тогда завтракай поскорее.

— Я больше не хочу! — Бонни встала из-за стола и забралась к отцу на колени.

Натан крепко обнял ее, потом растер маленькие голые ножки ладонью.

— Ты холодная как ледышка... Быстро иди и оденься потеплее!

Найти знаменитые черные тальятелле оказалось делом непростым — им пришлось поехать в «Дин и Делюка». За несколько дней до Рождества роскошный бакалейный магазин района Сохо

был переполнен людьми. Тем, кто очень спешил сделать покупки, Натан с Бонни уступали дорогу — сами-то не торопились.

На Бродвее Бонни долго разглядывала ели, расставленные продавцом прямо на улице. Наконец выбрала маленькую елочку, и Натан погрузил ее в багажник машины. Потом они остановились у магазина на Третьей авеню: здесь, по мнению Натана, продавались лучшие в городе фрукты и овощи. Купили отличную тыкву и рыбный суп в стакане, привезенный из Франции, со странным названием «Суп а-ля сетуаз». К вечеру вернулись домой, готовые окунуться в кулинарное священнодействие.

Едва успев снять пальто с капюшоном, Бонни сразу принялась выкладывать на стол продукты: песочное тесто, тыкву, апельсины, ванильный сахар, ликер из горького миндаля, маскарпоне...

— Ты поможешь мне? — спросила она отца, улыбаясь.

— Иду-иду!

Натан посмотрел на дочь, и сердце его сжалось: как сказать ей, чтобы не боялась будущего?.. Даже когда его не станет, он все равно будет наблюдать за Бонни и защищать ее.

Но что он сам об этом знает! Может быть, все происходит не так. Он был почти уверен, что не превратится в ангела-хранителя, чья миссия ограждать дочь от дурных поступков. Натан боялся оставить свою малышку лицом к лицу с мерзостью и циничностью этого мира. Он подошел к столу. В фартуке в три раза больше нее самой, Бонни открыла книгу рецептов на первой странице и терпеливо ждала его указаний.

— За работу!

Натан раскатал тесто скалкой и выложил в форму; потом накрыл пергаментной бумагой, насыпал фасоль и поставил в духовку. Тем временем Бонни освобождала тыкву от семечек и волокон. Он помог ей мелко нарезать мякоть, она осторожно добавила несколько капель ликера и, очень довольная, улыбнулась отцу. Натан поставил блюдо на огонь и воспользовался паузой, чтобы задать вопрос:

— Ты помнишь, когда умер Шон?

— Конечно. — Бонни смотрела ему прямо в глаза.

Натан заметил тень грусти, омрачившую ее красивое личико, хотя она и старалась оставаться спокойной. Тем не менее он продолжал:

— Ты тогда была совсем маленькая.

— Мне было четыре года, — уточнила девочка.

— Чтобы объяснить тебе, что произошло, мы с мамой сказали: «Шон на небе».

Она кивнула.

— Сначала ты задавала много вопросов. Часто спрашивала меня, холодно ли на небе; тебе хотелось знать, как твой младший братишка будет кушать и сможешь ли ты когда-нибудь повидаться с ним.

— Я помню.

— Ну хорошо... не знаю, лучший ли способ мы выбрали, чтобы объяснить тебе, что такое смерть...

— Люди не улетают на небо, когда умирают?

— Честно говоря, никто этого не знает, дорогая.

Бонни немного помолчала, что-то припоминая.

— Моя подруга Сара говорит: когда люди умирают, они отправляются в рай или в ад.

— Никто не знает этого наверняка, — повторил Натан и тут же понял, что такой ответ не удовлетворил Бонни.

— Давай поищем в энциклопедии? — живо предложила она. — Мама мне всегда говорит: если чего-то не знаешь, поищи в энциклопедии.

— Даже энциклопедия тут не поможет — это тайна.

Тут пискнула духовка; Натан вынул испеченный пирог и убрал фасоль. Вопреки ожиданию, Бонни не предложила свою помощь.

— Давай, Бонни, ты мне нужна! Приготовим начинку для пирога. Помнишь, как нужно разбивать яйца, — я тебе уже показывал? Быстро, быстро!

Девочка принялась за дело: разбила яйца, взбила их с сахаром; все у нее прекрасно получилось,

и через пять минут она, улыбаясь, воскликнула:

— Посмотри — все пенится!

— Да, нужно добавить тыкву, апельсиновый сок и маскарпоне.

Они поделили обязанности: Натан выдавил сок из апельсина, а девочка закладывала кусочки тыквы в кухонный комбайн. Между делом Бонни захотела попробовать — пюре оставило у нее над губой тоненькую полоску оранжевых усиков.

Натан пошел за фотоаппаратом, они по очереди снимали друг друга. Потом он поднял аппарат одной рукой над головами, и они прижались щеками друг к другу.

— Раз, два, три — чи-и-из!

Еще одно приятное воспоминание. Натан позволил дочери выложить начинку в готовый корж и помог поставить форму в духовку. Бонни присела на корточки перед стеклянной дверцей — посмотреть, как запекается пирог; ее так захватило это зрелище, будто она смотрела самую чудесную телепередачу.

— М-м-м... будет вкусно! Долго ждать?

— Сорок минут, дорогая.

Она выпрямилась, посмотрела на Натана, будто решаясь на что-то, и наконец заговорила:

— Бабушка не любит, когда я ее спрашиваю о смерти. Говорит, что я слишком мала и это приносит несчастье.

— Глупости, дорогая. Просто взрослые боятся разговаривать о смерти с детьми.

— Почему?

— Чтобы не напугать их; хотя, если не говорить об этом, еще страшнее. Люди всегда боятся того, что им не знакомо.

— А какая она, смерть? — спросила Бонни.

Натан немного подумал:

— Прежде всего — смерть неизбежна.

— Это значит, что она обязательно придет?

— Да, малышка, все умирают.

— И даже Лара Крофт?

— Лары Крофт не существует, ты это прекрасно знаешь.

— А Иисус?

— Ты не Иисус.

— Это правда, — согласилась девочка, и улыбка озарила ее лицо.

— Далее... смерть необратима.

Бонни попыталась повторить новое слово, смысла которого не понимала.

— Необратима?

— Необратима, дорогая. Это означает, что, если человек умирает однажды, он уже не сможет ожить.

— Жа-аль. — Бонни искренне огорчилась.

— Да, — признал Натан, — жаль. Но не волнуйся, ты не умрешь сегодня. И завтра не умрешь, и послезавтра.

— А когда же я умру?

Натан пожалел, что начал этот разговор. Бонни смотрела на него огромными глазами, будто ждала, что он раскроет ей тайну будущего.

— Когда будешь очень-очень старенькой.

— С морщинами?

— Да, с морщинами, сединой и волосками на подбородке.

Услышав последнее замечание, Бонни улыбнулась, но тут же стала серьезной.

— А ты и мама? Когда умрете вы?

— Не беспокойся, тоже не сегодня. Но если я умру, ты не должна сильно грустить.

Бонни как-то озадаченно посмотрела на отца:

— Если ты умрешь, я не должна грустить? — Она будто услышала поразительную глупость.

— Нет, конечно же, ты можешь грустить, — поправился он, — но не должна о чем-то сожалеть и в

чем-то себя винить, понимаешь? Это произойдет не из-за тебя. Я очень горжусь тобой, и мама тоже гордится. Ты не жалеяй, что слишком мало времени проводила со мной. Лучше скажи себе: мы много чего делали вместе и у нас осталось много хороших воспоминаний.

— Ты так чувствовал, когда умерла твоя мама?

Вопрос Бонни привел его в замешательство.

— Не совсем, но я старался. И никогда не бойся открыть свои чувства тем, кого любишь.

— Хорошо. — Девочка не совсем понимала, что он хотел этим сказать.

— Чтобы пережить смерть близкого человека, ты должна быть рядом с теми, кто тебя любит.

Именно они поддержат тебя.

— Нужно, чтобы я приходила к вам — к тебе и маме?

— Да, — ответил Натан, — ты всегда сможешь прийти к нам, если тебе будет страшно или что-то будет тебя беспокоить. Даже когда станешь взрослой. У тебя замечательная мама, и она всегда успокоит тебя.

— Все же... это тяжело. — У Бонни задрожал голосок.

— Да, — согласился Натан, — тяжело. Иногда тебе будет совсем одиноко и захочется поплакать — ты и поплачь, станет легче.

— Плачут только дети. — Она уже приготовилась расплакаться.

— Нет, плачут все, уверяю тебя. Люди, которые больше не плачут, — самые несчастные существа на свете. Каждый раз, когда ты захочешь почувствовать, что я рядом, ты сможешь пойти и поговорить со мной — туда, где мы любили бывать вдвоем.

— Ты разговариваешь с Шоном?

Он решил сказать правду и почувствовал облегчение, что это ему удалось.

— Да, я разговариваю с Шоном и со своей мамой. Шон живет в моем сердце, он всегда будет моим сыном. И тебе нужно думать так же: я всегда буду твоим отцом, а мама — матерью; даже когда мы умрем... это ничего не меняет.

— Ты идешь на кладбище, когда хочешь поговорить с ними?

— Нет, я не люблю кладбища. Я иду в парк — утром, очень рано, когда там почти никого нет. Я всем говорю, что бегаю, чтобы оставаться в форме, но на самом деле я хожу на пробежки, чтобы побыть с ними. У каждого должно быть такое место. Очень важно продолжать общение, чтобы человек, которого мы любим, оставался с нами.

— Ты думаешь о них каждый день?

— Нет, — соврал Натан, — часто, но не каждый день. — И почувствовал, как холодок пробежал по рукам; потом добавил, глядя в пустоту, больше для себя самого: — Жизнь все-таки замечательная штука!

Бонни обняла его за шею; какое появляется ощущение покоя, когда они сидят вот так, прижавшись друг к другу... В глубине души Бонни не понимала родителей: они всегда говорили только хорошее друг о друге; почему же ее замечательная мама и такой внимательный отец не вместе проводят Рождество? В одном девочка не сомневалась: жизнь взрослых нечто очень сложное, не нужно в нее вмешиваться.

Ужин проходил весело, они ни разу не затронули тяжелые темы. Суп и макароны получились вкусные, а пирог Бонни назвала *deliciosa*^[23] — сахарная глазурь, воздушная начинка...

Вечером Натан и Бонни украшали елку и слушали «Children's Corner»^[24] Клода Дебюсси — эта вещь ей очень нравилась. За окном тихо падал снег.

— Почему мама не любит Рождество?

— Она считает, что люди перестали понимать истинный смысл праздника.

Бонни удивленно посмотрела на отца.

Нужно быть аккуратнее: его дочь все-таки ребенок! Натан объяснил:

— Мама считает, что на Рождество мы должны думать в первую очередь о тех, кто страдает, а не покупать огромное количество ненужных вещей.

— Это правда? Тогда я тоже так считаю!

— Да, правда, — подтвердил Натан. — Мы здесь в тепле и безопасности, а другие люди одиноки. Очень трудно быть одному.

— Но сейчас мама одна, — заметила девочка.

— Она, наверное, с Венсом, — предположил Натан, хотя и не был уверен.

— Не думаю.

— Это тебе женская интуиция подсказывает? — Он подмигнул.

— Точно. — Бонни прикрыла одновременно оба глаза.

Она называла это двойным подмигиванием, потому что одним глазом мигать у нее не получалось. Натан поцеловал ее волосы.

Нарядив елку, они посмотрели отрывок из «Шрэка». Потом Бонни устроила большое представление: сыграла на скрипке и замечательно спела на испанском «Bessame mucho»^[25] — разучила в школе. Натан, как активный слушатель, много раз вызывал исполнительницу на бис.

Настало время спать, и он уложил Бонни в постель; она попросила оставить свет в коридоре.

— Спокойной ночи, бельчонок. Я тебя очень люблю.

— Я тоже очень тебя люблю... и это необратимо.

У него не хватило мужества исправить ошибку, он просто поцеловал ее.

Когда Натан выходил из комнаты, он вспомнил апрельский день 1995 года в родильном доме Сан-Диего — самый первый раз, когда он взял на руки свою новорожденную малышку. Взволнованный, испуганный, он не знал, что делать, глядя на младенца со сморщенным личиком, непрерывно размахивавшего крохотными ручонками.

В тот миг Натан еще не понимал, сколько места она займет в его жизни, не думал, что Бонни, эта кроха, станет для него важнее всего на свете. Не знал и того, что потеря Шона вызовет такую скорбь, — ничего не знал. Потом этот хрупкий маленький ангел открыл глаза и пристально посмотрел на него, будто давал понять, что нуждается в нем. Натан был потрясен, его переполнила бесконечная любовь. Разве есть слова, чтобы описать подобное счастье?..

22

Каждый человек одинок, и всем на всех наплевать, и наши страдания — необитаемый остров.

Альберт Козн

18 декабря

Натану предстояло сдержать обещание, данное жене, и отвезти Бонни к бабушке и дедушке на два долгих дня, хотя ему и не хотелось этого делать. Несмотря на ранний час, он позвонил Джефффри и Лизе Векслер, чтобы предупредить о приезде. Натан знал, что даже по праздникам они не позволяют себе долго спать.

Бонни вчера уснула поздно, поэтому он дождался восьми часов и только тогда разбудил ее. Через полтора часа они уже были в пути, но сначала заехали в «Старбакс» выпить по чашке горячего шоколада с амброзией.

Ехать Натан решил на внедорожнике — так безопаснее на заснеженных, скользких дорогах. Бонни, как и Мэллори, обожала этот большой автомобиль с гигантскими колесами: девочка сидела высоко от земли и представляла, что управляет космическим кораблем, совершающим полет вокруг Земли.

Около тридцати лет Векслеры проводили рождественские каникулы в горах Беркшир, на западе Массачусетса. Путь туда неблизкий, зато местность потрясающе красива; у подножий холмов ютились живописные деревеньки, типичные для Новой Англии. Натан ехал осторожно — тонкий слой снега покрывал дорогу, петлявшую среди деревьев.

Бонни поставила диск — импровизацию Кейта Джарретта на музыкальную тему из «Волшебника страны Оз» — и старательно подпевала: «Somewhere, over the rainbow...»^[26] — при этом время от

времени демонстрировала отцу свое знаменитое двойное подмигивание.

Украдкой поглядывая на дочь, Натан думал о том, какая она забавная в своей огромной бейсболке, которую надела, чтобы защититься от солнечных лучей. Настоящее чудо иметь ребенка с таким легким характером. В глубине души Натан гордился, что они с Мэллори сумели так хорошо воспитать дочь. С самого ее рождения они старались проявлять твердость и объясняли девочке, что нужно уважать других, что, кроме прав, есть и обязанности. Устояли перед соблазном баловать Бонни: никаких кроссовок за двести долларов и дорогой фирменной одежды.

Когда Натан снова посмотрел на дочь, та, убаюканная звуками джаза, крепко спала, прислонив голову к окну, залитому лучами солнца.

Натана беспокоило будущее: до сегодняшнего дня воспитывать Бонни было не так уж трудно, но самое сложное впереди. Однажды она попросит разрешения пойти погулять вечером, сделать пирсинг в носу или еще где-нибудь... Всегда наступает момент, когда характер ребенка портится, и самая милая маленькая девочка превращается в неблагодарного подростка, уверенного, что ее родители — старые маразматики, неспособные что-либо понять.

Мэллори останется с ней одна, лицом к лицу со всеми трудностями переходного возраста. Натана уже не будет рядом, и он не сможет ее поддержать. Ему не суждено испытать беспокойство, когда Бонни впервые не придет вечером домой; он не познакомится с первым женихом, которого она приведет; не узнает о первом ее путешествии с подругами в другой конец страны...

Отношения с Бонни порой навевали ему воспоминания о собственном детстве. Поначалу между ним и матерью было полное согласие, но потом его охватило какое-то безразличие, и он его охотно в себе взращивал, считая, что единственный шанс подняться по социальной лестнице — забыть о своем происхождении. Сыну горничной трудно завоевать Нью-Йорк!

Только недавно Натан понял, что намного больше получил от матери, чем мог себе представить: смелость и самоотверженность, способность противостоять жизненным невзгодам. Она умерла, а он так и не поблагодарил ее за этот дар. В последние годы ее жизни он уже хорошо зарабатывал — ему бы сблизиться с матерью и разделить свой успех, сказать: «Видишь, мы выпутались, ты не зря жертвовала собой — я счастлив». А он, слишком занятый собственной жизнью, ограничивался тем, что каждый месяц посылал деньги. Приезжал к ней редко, и то на миг. Произносил несколько банальных фраз — и уходил, оставив пачку долларов (каждый раз все толще), будто откупался за то, что он плохой сын.

Теперь он остро чувствовал свою вину за упущенное время, но это не единственное воспоминание, волновавшее его. Существовала еще их тайна — их двоих; об этом случае он никогда не говорил, но помнить будет всю жизнь. Это произошло летом 1977 года, в начале августа, во время каникул в Нантакете, которые он провел с Мэллори (когда он впервые поцеловал ее в губы... но это другая история). Ему было тогда тринадцать.

За год до того он успешно прошел тестирование и его приняли в Уоллес, престижную школу в Манхэттене. Школа платила половину суммы за обучение нескольким особо одаренным ученикам, но оставалась вторая половина, и ее оплачивала семья ученика. Для Элеоноры Дель Амико это были большие деньги. Натан отлично понимал, что требовал огромной жертвы от матери, тем более что деньги нужно было внести до начала семестра. Он объяснил, что это вложение в будущее — его единственная возможность не стать грузчиком или мойщиком полов.

Тем летом у Элеоноры не было ни гроша: зимой она попала на несколько дней в больницу с бронхитом, что потребовало значительных денежных затрат. В начале августа она попросила аванс у Векслеров. Но Джеффри, который упорно придерживался пуританских принципов, был категорически против. «Ну вот тебе их грязная порядочность, — сказала Натану мать, — ты спас жизнь их дочери, а они не хотят пальцем пошевелить, чтобы помочь тебе».

Именно тогда из шкатулки Лизы Векслер пропал браслет из жемчуга. Натан никогда не понимал причины подозрений, которые сразу легли на его мать и на него. Джеффри Векслер устроил допрос обоим, словно и не сомневался в их виновности; даже обыскал их, заставив стоять с поднятыми руками лицом к стене. В то время Натан еще не знал, что такое поведение противозаконно. Горничная отказывалась признать свою вину, и Джеффри перевернул всю ее

комнату, открывая ящики, выворачивая чемоданы, как при обыске. Ничего не нашел и пригрозил вызвать полицию, полагая, что напугает этим Элеонору. Но та продолжала все отрицать, чуть ли не падая на колени перед хозяином: «Это не я, мистер Векслер, клянусь, я ничего не брала!»

В конце концов все завершилось увольнением. Вопреки просьбам жены, Джефффри отказался вызвать полицию и выгнал Элеонору, не выплатив жалованья. В середине лета, опозоренные, без гроша в кармане, Натан с матерью вернулись в жаркий Нью-Йорк.

Самым ужасным унижением в жизни для него было встретиться взглядом с Мэллори, когда он стоял у стены как вор. Стыд преследовал его вплоть до сегодняшнего дня, словно засев в уголке сознания. Но этот стыд стал движущей силой: Натан знал с того самого дня, что ему недостаточно высоко подняться, чтобы смыть позор. Недостаточно подойти совсем близко к желаемому — нужно больше: выиграть этот чертов процесс у Джефффри и заставить заплатить за свое унижение квартирой в «Сан-Ремо», чудесным жильем стоимостью в несколько миллионов долларов. Он отдавал себе отчет в том, что такое противостояние навредит Мэллори. Но даже перспектива обидеть женщину, которую он любил, не остановила его — порой человек готов на все, чтобы отомстить.

Однако самое страшное — что он поверил Векслеру больше, чем своей матери. Натан никогда не говорил с ней о браслете, но, поразмыслив, пришел к выводу, что она действительно его украла, и сделала это ради него. В октябре 1977 года он продолжил свое обучение в школе — все чудесным образом уладилось в последнюю минуту. Тогда он не пытался узнать, как произошло это чудо; но иногда признавал ужасную правду: его мать стала воровкой из-за него.

Бонни открыла один глаз — до цели им оставалось несколько сот метров. Стокбридж — чудесный маленький городок, основанный индейцами из племени могикан. Позже их покой нарушили миссионеры, принеся с собой идеи христианства. У Векслеров было ранчо на окраине города — изящный загородный дом с конюшней, где содержались несколько лошадей и красивый пони. Девочка очень его любила.

Натан посигналил перед воротами — над ними висела камера наблюдения. Несколько секунд спустя створки открылись, он въехал на каменистую дорожку и припарковался возле небольшого бунгало, где сидели два охранника. Последний раз он даже не вышел из машины, когда был здесь. В этот раз все будет иначе.

Гудрич говорил, что лучше со всеми помириться. Что ж, нужно следовать советам! Натан решил открыть Джефффри то, о чем никогда никому не рассказывал. Когда Натан был студентом, профессия адвоката невероятно его привлекала: он расценивал ее как средство защищать более слабых, таких, как он, выходцев из низших слоев общества. Но юриспруденция не имела смысла без соблюдения некоторой этики поведения. Натан всегда придерживался правил... кроме одного раза.

Он захлопнул дверцу машины. Солнце стояло высоко, ветер поднимал небольшие облака рыжей пыли. Натан заметил Джефффри издали: тот не спеша шел к ним. Бонни, которая умела любое событие превратить в праздник, пустилась бегом навстречу дедушке, радостно вскрикивая.

Вскоре Натан оказался в нескольких метрах от Джефффри. Каждый раз, когда он смотрел на тестя, у него возникала одна и та же мысль — как Мэллори на него похожа: те же светло-голубые глаза, изящные, утонченные черты лица. Да, Мэллори была очень похожа на отца, поэтому, несмотря на злость к этому человеку, он не мог его ненавидеть.

Натан попросил Джефффри уделить ему время, и сейчас они остались в кабинете одни — больше никого. Векслер поджег толстую сигару и стал небольшими затычками вдыхать дым, а Натан тем временем с видом знатока рассматривал полки с юридическими трудами в кожаных переплетах.

Тесть обставил свой кабинет как настоящую библиотеку. Зеленые с позолотой лампы освещали темную мебель из ценных пород дерева; большой рабочий стол завален: папки с документами, коробки с дискетами; там же два ноутбука, подключенных к базе данных. Вот уже несколько месяцев Джефффри был в официальной отставке, но продолжал работать.

Джефффри прожил странную жизнь. В молодости он был отличным бейсболистом, но в

результате несчастного случая вынужден был отказаться от любимого спорта и направил всю энергию на учебу. Окончив Гарвард, сначала работал судьей, затем поступил в одну из самых престижных адвокатских фирм Бостона. Последние годы внимательно следил за событиями и организовал собственное дело, специализируясь на коллективных судебных делах. С успехом защищал рабочих судостроительных заводов, страдавших от вредного воздействия асбеста. Потом сколотил состояние, добившись от табачных компаний значительных компенсаций жертвам курения. И вот уже два года участвовал в новом сражении: защищал права больных с опухолью мозга, предъявляя иски операторам мобильной связи за сокрытие вредного влияния электромагнитных волн.

Натан признавал: Векслер — настоящий профессионал, один из последних адвокатов старой закалки, тоскующих по далеким временам, когда представителями закона двигало в первую очередь призвание, а не деньги. Одно время Натан и Джефффри поддерживали хорошие отношения, пока эта история с браслетом все не испортила. Но даже сейчас Натан втайне восхищался тестем.

Джефффри прервал молчание, спросив между затылками:

— Итак, что ты хотел мне сказать?

— Вы помните наш процесс... — начал Натан.

Джефффри был раздосадован:

— Если ты явился сюда, чтобы вспоминать старые ссоры...

Натан не дал ему договорить — решил высказать все, что было на сердце.

— Я купил того судью, — перебил он Джефффри, — купил судью Ливингстона. Передал ему взятку через одного из ассистентов, чтобы он принял решение в мою пользу.

Джефффри чаще всего успешно скрывал свои эмоции за маской благообразности и любезностью манер. Но сегодня он не произвел на Натана обычного впечатления холеного джентльмена: уставший, плохо выбритый, сетка морщин на лице, темные круги под глазами.

— Я хотел отомстить, Джефффри. Вы лишились квартиры в «Сан-Ремо» за то, что причинили боль моей матери. Для меня это было единственным средством. Я обесчестил профессию.

Векслер наклонил голову — казалось, он напряженно думает, — потом открыл рот, но не издал ни звука. Подошел к окну, взгляд его остановился на заснеженных холмах. «*Повернись, Джефффри! Выслушай меня!*» За его спиной Натан продолжал перечень упреков. Слова, которые долгое время таились в глубине души, будто вылетали сами по себе:

— Вспомните, Джефффри, как вы брали меня с собой рыбачить на озеро, когда мне было восемь лет, и рассказывали о процессах, которые выиграли. Думаю, именно тогда я решил стать адвокатом. Конечно, я учился для себя, но и чтобы завоевать ваше признание. Наивно было полагать, что вы примете меня, будете мною гордиться. — «*Как мне хотелось иметь такого отца, как ВЫ...*»

Наконец он умолк; Джефффри повернулся, чтобы взглянуть в глаза зятя.

— Вы обязаны были меня принять! — чеканил слова Натан. — Я доказал. Вкалывал, чтобы добиться успеха. Думал, что знания и достоинство — те качества, которые вы уважаете. Вместо этого вы вынудили меня запятнать свою профессию — подкупить судью.

— Я спас тебя, — прервал его Джефффри.

— Что?

— Я учился вместе с судьей Ливингстоном. Когда шел процесс, он предупредил меня о твоей попытке подкупа.

Натан был ошеломлен.

Старый адвокат вздохнул — казалось, старается что-то припомнить.

— Ливингстон — настоящий прохвост, но он довольно осторожен. Я дал ему двойную сумму, чтобы он не донес на тебя руководству и решил дело в твою пользу.

— Но почему, Джефффри, почему?

Тот немного помолчал, потом ответил с легким сомнением в голосе:

— Для Мэллори, конечно, — не хотел, чтобы она была втянута в скандал вместе с тобой. Ну и потом... для тебя. Я ведь тебе кое-что должен.

Натан сдвинул брови; тесть догадался, о чем тот хочет его спросить.

— В тот вечер, тот летний вечер семьдесят седьмого года, я слишком много выпил. У меня был трудный период и в семейной жизни, и на работе. Я возвращался из Бостона, Лиза попросила меня забрать у ювелира браслет, который отдавала в починку. Перед тем как ехать домой, я провел остаток вечера у одной из своих помощниц. Конечно, я никогда ей ничего не обещал. В то время в нашем кругу не разводились, чтобы жениться на собственной секретарше, но она шантажировала меня в надежде, что я брошу жену. По дороге я остановился в баре выпить виски. И не ограничился одной порцией, а выпил четыре или пять. Думаю, ты в курсе моей проблемы с выпивкой...

Натан сначала не понял:

— Как это?

— Я много пил в то время, — объяснил Джефффри. — Я хронический алкоголик.

Натан ожидал всего, только не подобного признания.

Джефффри продолжил:

— Мне удалось остановиться в начале восьмидесятых, но я постоянно срывался. Пробовал лечиться, вступил в Общество анонимных алкоголиков, но нелегко ходить на собрания и обсуждать такие личные вещи с совершенно незнакомыми людьми.

— Я не знал, — пробормотал Натан.

Теперь удивился Джефффри:

— Я был уверен, что Мэллори тебе рассказала.

Натан заметил, как заблестели глаза тестя. Несмотря на унижение, Джефффри гордился тем, что его дочь так долго хранила тайну — даже от человека, которого любила. Слушая исповедь Векслера, Натан находил ответы на многие вопросы, начинал догадываться о причинах депрессий Мэллори.

Между тем Джефффри продолжал свой рассказ:

— Когда я приехал в Нантакет, то не нашел украшения. Гораздо позже моя секретарша призналась, что это она украла браслет. Но тогда я понятия не имел, куда он подевался. И на следующее утро, когда Лиза спросила меня, где браслет, я не нашел ничего лучше, чем предположить, что кто-то взял его из шкатулки. Обвинили твою мать. Думаю, жена притворялась, будто поверила в эту историю, но это позволило нам сохранить статус-кво.

Джефффри долго молчал, потом добавил бесцветным голосом:

— Мне жаль, Натан, я был трусом.

На мгновение Натан потерял способность говорить — он чувствовал одновременно шок и облегчение. Нет, его мать не была воровкой — она стала жертвой большой несправедливости. Джефффри же, которого он считал добродетельным и непогрешимым, оказался лгуном и алкоголиком. Но прежде всего обычным человеком, таким же, как остальные. Как он сам.

Натан повернул голову к Джефффри — злоба, которую он испытывал к тестю, исчезла; даже не хотелось осуждать его. Натан заметил, что черты лица Джефффри разгладились, будто он тоже давно ждал возможности исповедаться. Невысказанные слова так долго отравляли им существование.

Джефффри первым нарушил молчание:

— Знаю, это не извиняет меня, но я помог твоей матери найти работу и оплатил твое обучение.

Глаза у Натана покраснели.

— Вы правы, — ответил он, — это вас не извиняет.

Джефффри подошел к сейфу, открыл его, что-то вынул дрожащими руками и протянул Натану. Это был браслет из четырех ниток жемчуга с серебряной застежкой, украшенной маленькими бриллиантами.

«A beautiful sight, we're happy tonight
Walking in a winter wonderland...»[\[27\]](#)

Натан тихо взял последние аккорды рождественской песни, закрыл крышку пианино и, растроганный, долго смотрел на Бонни, прикорнувшую на кожаном диване в кабинете. За окном опускалась ночь. Небо на горизонте, еще мгновение назад окрашенное в красный, розовый и оранжевый цвета, приняло теперь более темные оттенки. Натан подбросил полено в камин и пошевелил угли. В соседней комнате нашел одеяло, набросил Бонни на ноги.

Они провели вдвоем спокойный вечер. После обеда Лиза Векслер ушла собирать рождественские подарки для благотворительной акции, а Джефффри попросил у зятя внедорожник, чтобы съездить в Питсфилд и купить рыболовное снаряжение. У Натана образовалось время побыть наедине с дочерью. Едва покончив с едой, Бонни поспешила в конюшню посмотреть на своего пони — красавца, которого назвала Спирит. Натан помог дочери подготовить его, потом оседлал для себя одного из жеребцов Векслера. Остаток дня они прогуливались по небольшим лесистым холмам, простиравшимся далеко за пределами ранчо. Этот пейзаж достоин быть запечатленным на открытке: Натан ни разу не вспомнил здесь о смерти. Полностью отдался размеренному бегу лошади, успокаивающему шуму водопадов и рек. Несколько часов для него не существовало ничего другого, кроме улыбки Бонни, прозрачного воздуха и снежного покрывала, застилавшего все вокруг.

Высокая дверь гостиной открылась, и вошла Лиза Векслер.

— Добрый вечер, Натан! — Она прошла в комнату.

Очень красивая, всегда элегантно одетая, Лиза при любых обстоятельствах оставалась аристократкой, что возможно, только если ты аристократ не в первом поколении.

— Добрый вечер, Лиза, не слышал, как вы подъехали.

— Хорошо прогулялись? — Женщина с нежностью глядела на Бонни.

— Замечательно.

У Натана появилось желание подшутить над Лизой, и он добавил:

— А вы? Как дела у ваших «бедняков»?

Она мельком бросила на него озадаченный взгляд, но не ответила — Лиза Векслер не реагировала на провокации и шутки.

— Где Джефффри? — Она убавила свет, чтобы не разбудить внуку.

— Он отправился в Питсфилд за рыболовными снастями, должен скоро приехать.

Тень омрачила красивое лицо Лизы.

— Вы хотите сказать, он взял вашу машину?

— Да, что-то не так?

— Нет... нет, ничего, — пробормотала она, пытаясь скрыть тревогу.

Бесцельно прошлась по комнате, потом села на диван, скрестила ноги и взяла книгу с журнального столика. Всем своим видом выражая превосходство, она дала понять собеседнику — разговор окончен. Натану устраивало такое положение вещей: то, что он узнал от Джефффри об украденном браслете, тяжелым грузом висело у него на душе; достаточно мелочи — и он сорвется.

Чтобы чем-то занять себя, Натан принялся изучать одну из роскошно переплетенных книг, выставленных за стеклами книжного шкафа. Охотно выпил бы стаканчик, но во всем доме не было ни капли алкоголя. Время от времени он поглядывал в сторону тещи. Лиза Векслер казалась встревоженной: за пять минут она несколько раз посмотрела на часы. «Волнуется за Джефффри».

Натан признавал про себя, что эта неприступная, гордая женщина, типичная представительница бостонской аристократии, всегда ему нравилась, но Мэллори была устроена иначе, чем ее холодная, суровая мать. Натан знал — его жена обожает отца. Очень долго он не понимал природу их связи. Но после утренней исповеди Джефффри догадался: Мэллори любила в отце уязвимость, о которой Натан не подозревал. Считала отца «братом по оружию», так как оба они

вели бесконечное сражение: Джеффри — с алкоголизмом, а Мэллори — с хроническими депрессиями. Рядом с ними Лиза казалась сильной, была центром семьи. Однако это не мешало ей беспокоиться из-за того, что муж уехал в Питсфилд. Натан не мог уразуметь, в чем дело: Джеффри не тот человек, который спрашивает разрешения жены, чтобы потратить несколько сотен долларов на рыболовные снасти.

Внезапно Лиза резко встала и вышла на крыльцо, будто шестое чувство что-то ей подсказало. Натан пошел следом. Женщина зажгла фонари на подъездной аллее и нажала кнопку автоматического замка ворот. Вскоре послышался гул мотора; как только автомобиль показался на подъездной аллее, Натан заметил, что Джеффри ведет машину рывками. Его занесло, автомобиль выехал на лужайку, снес систему орошения и маленькую клумбу — цветам не суждено расцвести следующей весной. Когда внедорожник оказался на освещенном участке, Натан увидел, что в нескольких местах машина поцарапана и не хватает колпака на переднем колесе. Джеффри попал в аварию. Мотор кашлянул, машина замерла на газоне.

— Я так и знала, — обронила Лиза и бросилась к мужу.

С большими усилиями Джеффри выбрался из машины и грубо оттолкнул жену. Поведение старого адвоката не оставляло сомнений: он был мертвецки пьян.

— Я хочу писать! — заорал он.

Натан подошел к тестю, чтобы облегчить жизнь Лизе, от старика несло алкоголем.

— Я помогу вам, Джеффри, пойдемте со мной.

— Оставь меня в покос! Мне не нужна твоя помощь... все, что я хочу, — это писать... — Мужчина расстегнул брюки и стал мочиться прямо на газон возле лестницы, ведущей на крыльцо.

Натан был сконфужен, он никогда еще не видел тестя в таком состоянии.

— Это не в первый раз, Натан... — пробормотала Лиза, сжимая его руку.

Его тронуло столь необычное для нее проявление эмоций, — стало быть, ей необходима помощь.

— Что вы хотите сказать?

— Джеффри уже задерживали несколько месяцев назад за вождение в нетрезвом виде. Несмотря на наши связи, оштрафовали на большую сумму и лишили водительских прав на год. На все транспортные средства, зарегистрированные на его имя, наложен арест.

— Что... вы хотите сказать — он сел за руль без прав?!

Лиза утвердительно кивнула.

— Послушайте, это очень серьезно. Нужно убедиться в том, что он не причинил никому вреда.

Натан снова подошел к Джеффри. Глаза у того блестели как-то странно.

— Вы попали в аварию, Джеффри?

— Не-ет! — завопил тот ему в лицо.

— Думаю, что да.

— Нет! — повторил он. — Я увернулся!

— От чего вы увернулись, Джеффри? — Натан схватил его за воротник пальто.

— Этот велосипед... я от него... увернулся.

У Натана появилось дурное предчувствие. Джеффри пытался вырваться, но повалился в снег. Натан поднял его и повел к дому. Слезы стыда текли по лицу Лизы. Натан помчался в гостиную, схватил пальто и стрелой вылетел из дома. Лиза догнала его на крыльце.

— Куда вы?..

— Займитесь им, Лиза, а я возьму машину и посмотрю, не случилось ли чего.

— Никому не рассказывайте об этом, Натан... Умоляю вас, не говорите никому, что видели его таким!

— Думаю все же, вам следует предупредить полицию и врача. Мы не знаем, что случилось на самом деле.

— И речи об этом быть не может! — воскликнула Лиза и захлопнула дверь — в одно мгновение к ней вернулись жесткость и воля.

Натан сел за руль джипа и дал задний ход, как вдруг перед ним появилась Бонни.

— Я с тобой, папа! — И открыла дверцу.

— Нет, дорогая, возвращайся домой! Иди помоги бабушке — не оставляй ее одну.

— Я хочу с тобой! — Девочка забралась в машину и захлопнула дверцу. — Что случилось, папа?

«Значит, не встретила пьяного деда... тем лучше».

— Мы поговорим об этом позже, малышка, а сейчас пристегни ремень.

Он включил передачу, развернулся и спустился по склону.

Натан ехал к центру города.

— Слушай меня внимательно, дорогая: возьми мой мобильный телефон, набери 911 и попроси связать с шерифом.

Обрадованная, что принимает участие в приключении, Бонни старательно выполнила свою задачу. Очень гордая собой, протянула отцу телефон, услышав в трубке:

— Кабинет шерифа Стокбриджа, представьтесь.

— Меня зовут Натан Дель Амико, я сейчас нахожусь у родителей жены, Джеффри и Лизы Векслер. Позвольте узнать, не поступало ли к вам сведений о дорожных происшествиях в городе?

— Нам как раз сообщили об аварии на пересечении дороги в Ленокс и сто восемьдесят третьего шоссе. Вы что-нибудь видели?

— Пока нет, благодарю вас, всего доброго. — И Натан положил трубку, не оставив полицейскому возможности что-либо добавить.

Меньше чем за пять минут Натан приехал в указанное место — маленький перекресток на выезде из города. Три полицейские машины с включенными сигнальными огнями уже стояли там. Один из офицеров приостановил движение, чтобы освободить дорогу машине скорой помощи, которая с воющей сиреной ехала по встречной полосе. Приблизившись к месту происшествия, Натан понял: произошло что-то серьезное. Из-за суматохи он не сразу оценил объем ущерба: не было видно ни машины, ни жертв аварии.

— Что произошло, папа? Что там? — спрашивала Бонни, все больше нервничая.

— Не знаю, дорогая.

Натан хотел остановиться, но полицейский сделал знак встать чуть дальше, у бордюра. Он послушно выполнил команду и остался сидеть в машине, положив руки на руль и ожидая, пока к нему подойдут. Адвокат видел, как врачи скорой помощи хлопотали у маленького неподвижного тела, которое подняли из кювета. Ребенок примерно одного возраста с Бонни, в отражающем свет плаще — такие надевают, чтобы автомобилисты различали в темноте человека «*Господи, бедный мальчуган! Джеффри попал в скверную историю*».

— Он... умер? — Бонни приподнялась на сиденье.

— Надеюсь, нет, дорогая, — возможно, потерял сознание. Сядь, не смотри туда. — Натан обнял ее.

Девочка положила голову ему на плечо, и он стал покачивать ее, успокаивая. «*Черт, почему Джеффри скрылся?! Он адвокат, знает, что бегство с места аварии — это уголовное преступление*». Натан повернул голову и различил в темноте полицейского, тот направлялся прямо к нему. Дверцы скорой помощи закрылись, увозя ребенка в больницу... или в морг? «*Господи, сделай так, чтобы мальчик был жив!*»

Натан еще раз посмотрел в сторону кювета: велосипед разбит вдребезги. Спасатель поднимается из небольшого оврага, в одной руке держит сумку с разорванным дном, к ней привязана пластиковая каска — мальчик ее не надел. Натан прищурился: в другой руке — алюминиевый колпак его внедорожника. «*Если мальчик мертв, Джеффри обвинят в убийстве*».

Теперь в нем заговорил адвокат. «*Вождение без прав; вождение в состоянии опьянения; побег; неоказание помощи пострадавшему... Все отягчающие обстоятельства в одном флаконе*». В подобном случае могут дать 25 лет тюремного заключения. «*Тюрьма! Тюрьма!*» — мелькало в сознании.

Полицейский направил фонарь на машину, обошел ее и, несмотря на темноту, сразу заметил царапины и отсутствие колпака. «*Джеффри этого не перенесет... не проживет и нескольких месяцев в камере. А Лиза никогда не смирится с заточением мужа*».

А Мэллори?! Сам он скоро умрет, он знает это. Некому будет ее поддержать, она останется одна. Муж на кладбище, отец в тюрьме, мать мучается от стыда. «*Конец... конец Векслеров*».

— Папа, это твоя бутылка? — Бонни размахивала пустой на три четверти бутылкой виски — только что нашла под пассажирским сиденьем.

«Только этого не доставало».

— Не трогай ее, малышка.

Полицейский сделал знак фонарем опустить стекло. Натан не торопясь выполнил указание, ледяной воздух непроглядной ночи резко ворвался в салон автомобиля. Натан подумал о Мэллори и о том, что ей предстоит. Он глубоко вздохнул:

— Это я... это я сбил ребенка.

24

Можно обезопасить себя от многих вещей, но перед лицом смерти мы живем в городе без стен.

Эпикур

Больница в Питсфилде, Массачусетс.

Служба скорой помощи.

20 часов 06 минут

— Клер, нужна ваша помощь!

Врач Клер Джулиани, молодая практикантка, несколько минут назад закончила смену и собиралась уходить, когда ее позвала старшая медсестра. Сменщик опаздывал, а к ним с минуты на минуту поступит тяжелораненый. Меньше чем за десять секунд Клер сняла вязаную шапочку и пальто и снова надела белый халат, который повесила было в металлический шкаф.

Нужно быстро собраться с мыслями. Клер уже месяц работала в больнице и несла полную ответственность за своих пациентов, но внутри еще жил страх, что она не справится. По правде говоря, не все шло гладко: врач, который курировал ее работу, не стеснялся при других указывать на ее промахи. Не всегда легко добиться признания, когда тебе двадцать четыре года.

При звуке сирены у девушки кровь застыла в жилах: сегодня вечером она осталась одна и должна отвечать за все. Несколько секунд спустя в дверях показалась каталка, вокруг нее хлопотали санитары. Клер глубоко вздохнула и окунулась в работу с головой.

— Что тут, Армандо? — спросила она первого санитаря.

— Ребенок семи лет, сбит машиной. В коме двадцать минут. Сотрясение мозга, многочисленные переломы таза, ребер и ног. Глубина комы по шкале Глазго — шесть баллов, давление — девять, пульс — сто десять, дыхание нормальное. Анамнез отсутствует.

Клер наклонилась к ребенку — санитары уже ввели ему трубки в вены, чтобы не упало давление. Она проверила дыхание, скользя стетоскопом по левой стороне груди: «Так, гемоторакса нет». Потом пощупала живот: «Разрыва селезенки нет».

— Хорошо, делаем ионограмму, общий анализ, коагуляцию. — «Сохраняй спокойствие, Клер!» — Еще мне нужны томография, рентген грудной клетки, таза, шеи и плеч... — «Ты что-то забыла, старушка. Ты что-то забыла...» — и ног. Давайте все за дело! — бросила она. — Поднимаем по моему сигналу: раз, два...

— ...Троих! Троих, говорю тебе! Я отправил их в нокаут одним ударом. И не надо ко мне приставать, понятно?

Натан слушал и не слышал своего соседа по камере — пьяницу, устроившего драку на рынке. Уже почти четверть часа он за решеткой, но никак не может свыкнуться с мыслью, что ему придется провести здесь всю ночь. В одно мгновение он потерял положение уважаемого адвоката и превратился в мерзавца: сбил ребенка и скрылся с места аварии. Увиденная картина стояла перед глазами: хрупкое, неподвижное тельце, завернутое в светящийся плащ... Натан спросил у полицейских, есть ли новости, но ему не ответили — с мерзавцами не разговаривают. Ему удалось узнать лишь одно: мальчика звали Бен Гринфилд.

Кевин, Кандис, теперь маленький Бен... Смерть шла за ним по пятам, загоняла в угол. Гаррет прав: смерть повсюду. Ужасная реальность, которой Натан не осмеливался взглянуть в лицо, предстала перед ним, полностью перевернув его мировоззрение.

Как же здесь холодно, черт возьми! Да еще этот идиот не перестает горланить... Натан скрестил руки на груди и потер плечи. Изнуренный, разбитый, в полном изнеможении, уснуть он не мог, и вряд ли ему удастся спать спокойно в ближайшее время.

Кевин, Кандис, Бен... В сознании Натана всплывали образы их безжизненных тел — и его охватывало паническое чувство беспомощности. Он прилег на узкую деревянную скамью и обхватил голову руками; мысли снова и снова возвращались к событиям двух последних часов. В тот миг, когда к нему подошел полицейский и попросил опустить стекло, время растянулось, и мысли завертелись в голове, опережая одна другую. Молнией озарила мысль: у него, сына служанки, в руках судьба такой авторитетной семьи. Даже сделав карьеру, добившись успеха, Натан не был принят в их круг, а сейчас может спасти их от позора. Что ж, это он и собирался сделать — от того, сохранит ли он честь семьи Векслеров, зависит будущее самых главных в его жизни людей. Отныне только любовь Мэллори и Бонни имела значение. *«Я не могу потерять Мэллори, — думал он. — Если потеряю ее — потеряю все».*

Полицейский попросил Натана выйти из машины, не совершая резких движений, потом обыскал его с ног до головы и надел наручники. Адвокат прекрасно знал — это зрелище навсегда останется в памяти Бонни: она видела, как полицейские посадили отца в наручниках в патрульную машину и увезли в тюрьму. *В тюрьму.* Что она подумает? Что она знает о профессии отца? Не много: его объяснение, что он «адвокат на предприятиях», ни о чем ей не говорило. Зато Бонни прекрасно знает, кто такие полицейские: их задача — арестовывать бандитов. И копы только что задержали ее отца.

Полицейские обнаружили бутылку виски, изрядно опустошенную Джеффри. По закону штата Массачусетс запрещено перевозить откупоренную бутылку с алкоголем в транспортном средстве; это преступление, и за него Натан несет ответственность. Тем более что наличие открытой бутылки может означать управление автомобилем в состоянии опьянения. Натан горячо протестовал, настоял, чтобы провели тест на наличие алкоголя в крови. Естественно, у него ничего не обнаружили; результаты оказались настолько неожиданными для полицейских, что они повторили проверку — опять то же самое. В конце концов Натана арестовали только за побег с места преступления.

Дело было очень серьезное, принадлежность к адвокатской элите не освобождала Натана от ответственности: он стал причиной несчастного случая, повлекшего тяжелое ранение пострадавшего, — это грозило несколькими годами тюрьмы. Если, к несчастью, Бен умрет — еще большим сроком.

— Черт, ну и холодрыга здесь! — заорал пьянчужка.

Натан только вздохнул, пытаясь не обращать внимания на этого типа. Завтра судья назначит сумму залога, конечно астрономическую, и его освободят условно. Если процесс и начнется, то лишь через несколько месяцев. Его уже не будет в этом мире, он предстанет перед другим судьей...

В это самое время Эбби Купер, более чем в ста километрах отсюда, припарковала свою маленькую «тойоту» на стоянке у магазина неподалеку от города Норфолк. Развернула карту автомобильных дорог прямо на капоте и пыталась найти самый короткий путь в Стокбридж.

— Апчи! Апчи! — Эбби несколько раз чихнула.

У нее был насморк и ужасно болела голова. В довершение всего пошел мокрый снег, заклепывая стекла очков. Какое невезение! Много раз она пробовала носить линзы, но так и не привыкла к ним. Эбби в сотый раз прокручивала в голове разговор с шефом — конечно, она не могла поверить в эту историю. Натан в тюрьме! Перед тем как его арестовали, он воспользовался правом на один звонок и позвонил на работу. Попросил Джордана, но того не было, а ответила Натану она, Эбби, и по телефону почувствовала — шеф в беде. У нее сжалось сердце, и она решила тут же ехать. Но не могла поверить, что он сбежал с места аварии и оставил ребенка на обочине дороги умирать...

А собственно, хорошо ли мы знаем даже самых близких людей? Возможно, Эбби идеализировала Натана; да, они отлично сработались, стали одной командой. Пусть у него репутация карьериста, циничного хищника, готового на любые сделки с совестью, но она-то знала его и как слабого, сомневающегося человека. Иногда в полдень, при хорошей погоде, они шли вдвоем в Брайан-парк, садились на скамью и ели бутерброды. В такие моменты Эбби находила в Натане что-то очень привлекательное, почти детское.

После его развода девушка надеялась, что станет ему ближе, но этого не случилось. Эбби чувствовала, как Натан привязан к бывшей жене, Мэллори. Несколько раз видела их вместе, когда еще работала в Сан-Диего: необычная пара — казалось, их связь нерушима.

Больница в Питсфилде, зал ожидания.

1 час 24 минуты

— Мистер и миссис Гринфилд?

Клер Джулиани с опасением пересекла зал ожидания: она всегда боялась подобных моментов. Родители мальчика ждали вестей вот уже несколько часов и теперь с нетерпением готовились встретить врача — ее, молодую практикантку. Глаза матери были полны слез, глаза отца горели гневом.

— Я доктор Джулиани, занималась Беном с момента его поступления к нам и...

— Боже мой, как он, доктор?! — перебила мать. — Можно нам его увидеть?

— У вашего сына множественные переломы, — продолжала Клер. — Нам удалось стабилизировать его состояние, но он получил черепную травму и, как следствие, сильное сотрясение мозга с образованием субдуральной гематомы.

— Субдуральной гематомы?..

— Это... это отек. Отек, который сжимает церебральную массу мозга. Мы делаем все возможное, чтобы не допустить увеличения внутричерепного давления, и я могу вас уверить...

— Что это все значит? — раздраженно спросил отец.

— Это значит, что мы не можем пока сказать, когда ваш сын выйдет из комы, — спокойно объяснила Клер. — Возможно, через несколько часов, может быть, и больше... Нужно ждать.

— Ждать чего? Чтобы узнать, очнется он или кончит свои дни как овощ...

Клер постаралась придать своему голосу убедительность:

— Нужно надеяться, — и положила руку на плечо отца.

Но тот резко отпрянул и несколько раз ударил кулаком по автомату с водой.

— Я убью его! Если Бен не очнется, я убью этого несчастного адвоката!

19 декабря

— И речи быть не может, чтобы ты взял мою вину на себя!

Джефффри Векслер сидел за столиком вместе с зятем в глубине зала придорожного ресторана; они заказали кофе. Висевшие на стене старые часы с эмблемой «Кока-колы» показывали десять утра. В ресторане было многолюдно — но местному радио сообщили об опасности возникновения гололеда в ближайшие часы. Громкие голоса дальнобойщиков практически перекрывали непрерывный шум транспорта.

Помощник шерифа Томми Дилюка освободил Натана полчаса назад. Ровно в полночь арестованный попросил у него разрешения сходить в туалет; этот не бог весть какой начальник не только не откликнулся на просьбу, но и оскорбил Натана. Потом подробно изложил, каким унижениям тот подвергнется со стороны заключенных тюрьмы, когда его упекут на двадцать лет.

Джефффри внес залог в размере пятидесяти тысяч долларов, пока Эбби улаживала юридические формальности. Натан испытывал лишь одно желание — убраться отсюда как можно скорее.

— До встречи! — ухмыльнулся помощник шерифа.

Натан с трудом удержался от ответа, поднял подбородок и выпрямился, хотя спину ужасно ломило после бессонной ночи, проведенной на деревянной скамье. Толкая стеклянную дверь — за ней свобода, — он увидел отражение своего лица: черты заострились, словно за одну ночь он постарел сразу на несколько лет.

Джефффри приехал за зятем с водителем; чисто выбритый, в элегантном кашемировом пальто, он выглядел солидно и импозантно — ну прямо статуя командора из «Дон Жуана». Трудно представить, что еще несколько часов назад этот человек пребывал в пьяном угаре; только длинные затяжки сигарой выдавали нервозность.

Джефффри не привык к проявлению чувств — просто ободряюще похлопал зятя по плечу, когда тот садился в машину. Как только Натан получил свой мобильный, сразу позвонил в Бразилию Мэллори, но телефон переключился на автоответчик. Джефффри тоже попытался связаться с дочерью, но также безуспешно. Водитель высадил их здесь, у дорожного ресторана, — им нужно было поговорить.

— Да, и речи быть не может об этом! — повторил Джефффри и опустил сжатый кулак на пластиковый столик.

— Уверяю вас, так будет лучше.

— Послушай, я, может быть, алкоголик, но не трус! Не собираюсь прятаться от ответственности.

Натан не хотел слушать:

— Вы должны нести ответственность, прежде всего, за семью, вы обязаны заботиться о ней. Позвольте мне действовать.

Старый адвокат не сдавался:

— Я не просил тебя ни о чем. То, что ты сделал, — плохая идея. Ты прекрасно понимаешь, чем рискуешь.

— Не больше вашего, Джефффри. Вы действительно хотите кончить свои дни в тюрьме?

— Не строй из себя героя, Натан. Будем реалистами: я уже прожил жизнь, а у тебя есть дочь, и ты ей нужен. И потом... сам прекрасно понимаешь, что у вас с Мэллори не все кончено... Будь хоть немного рассудительнее!

— Джефффри, именно вы будете им нужны. — Натан отвел взгляд в сторону.

— Я тебя не понимаю, — нахмурился Векслер.

Натан вздохнул. Нужно сказать ему правду, но о Вестниках умолчать. Несколько мгновений Натан собирался с духом, потом произнес:

— Послушайте... я скоро умру, Джефффри.

— Да что ты такое говоришь?!

— Я болен.

— Ты что, издеваешься надо мной?

— Нет, это серьезно.

— Что с тобой? Это... это рак?

Натан кивнул. Джефффри Векслер был ошеломлен: его зять при смерти!..

— Но... но... ты обращался к специалистам? — пробормотал он. — Я знаком с лучшими врачами главной больницы Массачусетса.

— Это бесполезно, Джефффри, мне конец.

— Но тебе нет еще сорока! — воскликнул тот так громко, что посетители за соседними столиками обернулись.

— Мне конец, — грустно повторил Натан.

— Но у тебя вид здорового человека! — настаивал Джефффри, отказываясь принимать услышанное.

— Тем не менее я болен.

— Черт побери!..

Джефффри заморгал, слеза стекла по щеке, но он даже не пытался скрыть волнение.

— Сколько тебе осталось?

— Немного. Несколько месяцев... может, меньше.

— Чертовщина... — пробормотал Джефффри, не зная, что еще тут можно сказать.

Натан произнес настойчиво:

— Не говорите об этом никому, Джефффри. Вы меня хорошо поняли? Никому! Мэллори еще не знает, и я хочу сам ей сообщить.

— Конечно, конечно.

— Позаботьтесь о ней, Джефффри. Вы знаете, она вас обожает, вы нужны ей. Почему вы не звоните ей чаще?

— Потому что мне стыдно, — признался тот.

— Чего вы стыдитесь?

— Стыжусь того, что не могу бросить пить...

— У каждого свои слабости, вы это сами знаете.

Определенно, мир перевернулся: Натан скоро умрет, и он же утешает Джефффри. Тот не знал, как выразить свое потрясение; в самом деле, он отдал бы что угодно, лишь бы спасти жизнь зятя. В памяти всплыли события прошлых лет: он видел Натана десятилетним мальчиком, в то время они вместе ходили на рыбалку или он водил его на сахароварню, где они брали кленовый сироп. Тогда он относился к Натану как к собственному сыну и думал, что поможет ему получить образование. Потом работали бы вместе, открыли собственную фирму («Векслер и Дель Амико»), объединили свои таланты, чтобы сражаться во имя благих дел: восстанавливать в правах граждан, защищать слабых... Но этот случай с браслетом и эта чертова выпивка все испортили. Выпивка и деньги, проклятые деньги губили жизнь, лишали смысла, а ведь конец все равно один — смерть.

Холод пробежал по телу Джефффри — по позвоночнику, по рукам и животу. Вчера вечером он даже не успел понять, что сбил ребенка. Как такое возможно? Как мог он пасть так низко? Сотни раз давал себе обещание, что больше никогда в жизни не притронется к алкоголю. «*Господи, помоги мне!*» — молился он про себя, хотя знал, что Бог давно уже оставил его наедине с судьбой.

— Позволь мне быть твоим адвокатом, — вдруг предложил старик, — разреши мне хотя бы защищать тебя.

Это единственное, чем он может помочь. Натан кивнул в знак согласия.

— Я вытащу тебя! — пообещал Джефффри, глаза его блестели. — Это грязное дело, но я постараюсь заключить соглашение с прокурором: скажем, получишь восемнадцать месяцев условно и сотню часов общественно полезных работ. У меня получится, я лучший...

Натан сделал глоток кофе и произнес с улыбкой:

— После меня вы лучший.

Тонкий солнечный луч пробился сквозь облака, будто приветствуя момент согласия. Оба адвоката повернулись к окну, чтобы насладиться вернувшимся теплом. Как раз в этот момент на стоянке ресторана появилась Эбби — по просьбе Джефффри она взяла внедорожник. Автомобиль не конфисковали: подозреваемый не был пьян в момент аварии и имел право водить машину до приговора суда. Натан помахал Эбби.

— Она отвезет тебя в Манхэттен, — сказал Джефффри и поднялся. — Я позабочусь о том, чтобы ее машину пригнали.

— Я возьму с собой Бонни! — решительно произнес Натан.

Джефффри, казалось, был раздосадован:

— Послушай... сегодня утром Лиза отвезла ее на пару дней в Нантакет. Она...

— Что... вы забираете у меня дочь в такой момент?!

— Никто у тебя ее не забирает, Натан. Я привезу ее в Нью-Йорк, когда она вернется. Даю тебе слово. Пусть у тебя будет время собраться с мыслями.

— Но у меня нет больше времени, Джефффри!

— Я верну ее тебе послезавтра, обещаю. Постарайся немного отдохнуть.

— Ну хорошо, — отступил Натан, чуть помолчал и добавил: — Позвоните мне сразу же, как будут новости от Мэллори.

Они вышли на стоянку, где их ждала Эбби; она выглядела сконфуженной.

— Рад вас видеть, Эбби. — Натан приблизился к ней, чтобы обнять.

Но девушка отступила и сообщила металлическим голосом, будто речь шла о деле одного из их клиентов:

— С залогом все улажено.

— Есть новости о ребенке? — одновременно спросили оба адвоката, зная, что Эбби побывала в больнице.

— Он все еще в коме, пока ничего нельзя сказать. В любом случае на вашем месте, Натан, я бы

там не показывалась, — предупредила она. — Родители вне себя...

Джефффри опустил голову, Натан промолчал. Затем проводил Джефффри до машины и долго сжимал его руку... увидит ли его снова? Потом вернулся к Эбби.

— Искренне благодарю вас, Эбби, что приехали.

— К вашим услугам, — ответила она, но в голосе ее чувствовался холод. Девушка повернулась к нему спиной, нажала кнопку на брелоке, чтобы открыть машину. — Я сяду за руль, если вы не против.

— Эбби, не будьте смешны...

— Я поведу! — повторила Эбби настойчиво.

Натан предпочел не спорить; он хотел было устроиться на пассажирском сиденье, когда рядом затормозил старенький «крайслер». Коренастый мужчина выскочил из машины и набросился на Натана:

— Убийца! Тебя надо посадить за решетку и никогда не выпускать!

— Это отец ребенка, которого вы сбили, — прошептала Эбби.

— Послушайте, господин Гринфилд, — начал Натан, — это несчастный случай. Я понимаю ваше горе. Уверяю вас, у вашего сына будет лучший уход. Вы сможете потребовать большую компенсацию...

Рыча от гнева, тот вплотную приблизился к Натану:

— Нам не нужны ваши проклятые деньги, мы хотим справедливости! Вы оставили умирающего ребенка в кювете! Вы негодяй! Вы...

Натану не удалось увернуться от удара кулака, и он повалился на землю. Гринфилд наклонился над ним, достал из кармана фотографию сына и ткнул Натану в лицо.

— Надеюсь, это лицо ты запомнишь на всю жизнь!

Натан с трудом поднялся и поднес руку к носу: крупные капли крови падали на снег, оставляя красные следы.

25

Я думаю, ты не хуже меня знаешь, в чем дело...

**Реплика из фильма Стэнли Кубрика
«Космическая одиссея 2001 года»**

— Перестаньте так смотреть на меня, Эбби.

Они ехали в сторону Нью-Йорка уже полчаса, и до этого момента никто из них не проронил ни слова.

— Это правда? — Секретарша обогнала грузовик.

— Что — правда?

— Вы действительно оставили мальчика умирать на обочине дороги?

Натан вздохнул.

— Я не оставил его. Говорил уже вам, что вернулся к родителям жены, чтобы позвать помощь.

Эбби нашла такое объяснение неубедительным.

— У вас всегда с собой телефон!

— Я забыл его, вот и все! — раздраженно ответил Натан.

Девушка с сомнением покачала головой.

— Звучит не слишком правдоподобно.

— Почему же?

— Я видела место происшествия. Там рядом много домов, вы могли остановиться и позвонить из любого дома.

— Я... я паниковал, вот и все. Думал, до ранчо ближе...

Эбби продолжала свое:

— Если бы вы позвали на помощь раньше, возможно, имели бы больше шансов выкрутиться. Речь

все же идет о жизни ребенка!

— Знаю, Эбби.

Потом она тихо, будто сама себе, сказала:

— Черт, этот мальчик — ровесник моего сына.

Натан был поражен:

— Вы никогда не говорили, что у вас есть сын.

— Он живет не со мной.

— Я не знал, — пробормотал Натан, и по его голосу чувствовалось, что он смущен.

— Можно много лет работать с человеком и не слишком много знать о его личной жизни, — произнесла она с упреком в голосе. — Такая работа, ну и время наше...

Эбби помолчала минуту, затем уточнила:

— Несмотря ни на что, я в некотором роде вами всегда восхищалась. Не сомневалась ни минуты, когда вы предложили поехать с вами в Нью-Йорк, потому что считала вас непохожим на всех этих «золотых мальчиков». Думала: если когда-нибудь у меня возникнут проблемы, вы будете рядом, чтобы...

— Вы идеализируете меня, Эбби.

— Дайте договорить! Думала, в глубине души вы — добрый человек... у вас есть достоинство...

Она осторожно обогнала еще один грузовик и продолжила:

— Мне жаль вам это говорить, но вчера вечером я лишилась иллюзий. Утратила нечто важное.

— Что же?

— Вы прекрасно знаете: доверие.

— Почему вы так говорите?

На мгновение она повернулась к нему:

— Потому что я не могу доверять человеку, который бросает умирающего ребенка на обочине дороги.

Натан невозмутимо слушал ее. Никогда еще Эбби так с ним не разговаривала. На долю секунды у него возникло желание попросить ее остановиться прямо здесь, посреди дороги, выложить ей все: о Вестниках; о смерти, которая наводит на него ужас; о необходимости лгать, чтобы защитить жену и дочь... Но он не поддался порыву, и они молчали до самого Манхэттена. Чтобы все получилось, никто не должен ничего знать — никто, кроме Бонни и Мэллори.

— Господин Дель Амико, несколько слов для «Триал ТВ»!

Натан решительно оттолкнул микрофон, который протягивал ему журналист. Позади него оператор пытался сделать несколько кадров. Натан знал их всех: эти люди работали на телевизионный канал, освещавший сенсационные юридические дела. «*Черт, я все же не О'Джей Симпсон!*»^[28] Он пропустил Эбби вперед и вошел в здание на Парк-авеню.

Снова оказавшись в холле, украшенном византийской мозаикой, Натан почувствовал облегчение. Эбби сразу направилась в кабинет, а он остановился на тридцатом этаже, в комнате, предназначенной для занятий спортом и отдыха. Почти полчаса стоял под струей горячего душа — ему казалось, что жизненные силы оставили его. Понемногу пришел в себя: вода подействовала на него как на растение. Чистый, выбритый, Натан появился в кабинете. Эбби ждала его: приготовила двойной кофе и подала несколько булочек. Натан порывлся в шкаф и нашел новую рубашку, еще в упаковке. «*Высший класс*», — подумал он, одеваясь.

Упал в кожаное кресло, включил компьютер и придвинул несколько папок с делами, лежавших на столе. Он был счастлив снова оказаться в кабинете, где провел столько времени и одержал немало побед. Он любил это место, где все свидетельствовало о том, что он у руля. Здесь он мог действовать, не слишком привлекая внимание.

Натан снова позвонил Мэллори, но она не ответила. Тогда адвокат зашел на сайт «Нэшнл лойер» — в этой среде новости распространяются быстро. Раз журналисты поджидали его на улице, то наверняка слухи о его деле уже распространились по Интернету. Долго искать подтверждения не пришлось — Натан нажал на ссылку «Новости дня», и первым появилось следующее сообщение:

Натан Дель Амико, один из звездных адвокатов компании «Марбл и Марч», прошлой ночью арестован за побег с места преступления, после того как сбил велосипедиста по дороге в Стокбридж (Массачусетс). Семилетний мальчик, жертва аварии, срочно был госпитализирован и сейчас находится в больнице. По словам врачей, состояние пострадавшего вызывает беспокойство. Дель Амико, которого освободили сегодня утром после внесения залога в размере пятидесяти тысяч долларов, будет защищать мистер Джеффри Векслер, один из лучших адвокатов Бостона.

Каковы бы ни оказались последствия этого дела, уже сейчас можно сказать, что на карьере Дель Амико, которого коллеги называли «Амадеус» за продемонстрированную в нескольких сложных делах виртуозность, будет поставлен крест.

Генеральный директор «Марбл и Марч» мистер Эшли Джордан заявил 19 декабря, что это происшествие «касается только его сотрудника и никак не затрагивает деятельности компании, которая его наняла».

Если Дель Амико признают виновным, ему грозит до восьми лет тюремного заключения.

«Спасибо за поддержку, Эшли», — подумал Натан, не отрывая взгляда от статьи. «Нэшнл лойер» — основное издание адвокатов, тех, кто делает погоду в деловых кругах. С горькой улыбкой Натан еще раз прочел про «крест на карьере». Да, это точно, его карьера завершится, но не по тем причинам, на которые ссылаются журналисты.

Не слишком блистательный уход! Он потратил годы, чтобы стать лучшим в своей профессии, тщательно выбирал дела, которые следовало вести, и все это прекрасное сооружение рухнуло за несколько часов.

Эбби прервала его мысли.

— Нам пришел странный факс, — сообщила она, заглядывая в полуоткрытую дверь.

— Не знаю, останусь ли, Эбби. Посмотрите его после с Джорданом.

— Я думаю, это будет вам интересно. — Голос ее прозвучал таинственно.

Сначала Натан почти ничего не сумел различить — изображение несколько размытое, напоминает черно-белый негатив: какой-то автомобиль на площадке у бензоколонки заправочной станции. Часть фотографии увеличена в углу — можно прочесть или, скорее, различить номерной знак.

Никаких сомнений: это его джип! Как он заметил, машина была еще в хорошем состоянии: без царапин, колпак правого переднего колеса на месте... Вместо подписи ссылка на веб-страницу: *продолжение в Интернете* — слова так и просят зайти на сайт.

Натан повернулся к компьютеру, запустил браузер и зашел на страницу по указанному адресу: экран пустой и черный, на нем светится только одна ссылка. Щелкнул по ней, но это ничего не дало: соединение прервалось. «*Что за чертовщина?*» Натана охватило чувство тревоги.

Адвокат попросил Эбби посмотреть, откуда пришел факс. Ей потребовалось меньше минуты, чтобы это узнать.

— Номер принадлежит копировальному центру в Питсфилде, — сообщила она.

«Ну да, иначе говоря, месту, откуда кто угодно может прислать анонимку». Натан еще раз набрал адрес сайта, стараясь не сделать ошибки, — снова тот же экран: ничего. Снова посмотрел на фотографию: что ему пытались сказать, кто стоял за всем этим?

Когда он повернулся к компьютеру, на экране появилось сообщение об ошибке. Натан обновил страницу и снова увидел ссылку; кликнул по ней: в параллельном окне открылась программа просмотра видеофайлов, и через мгновение запустился ролик. Благодаря высокоскоростному Интернету Натану удал ось посмотреть видео в довольно хорошем качестве.

Съемка велась камерой наблюдения заправочной станции. Картина та же, что и на фотографии,

только сейчас можно было видеть Джеффри Векслера, заправляющего бак внедорожника бензином. Натан не сразу понял, чего хочет тот, кто прислал эти кадры. Потом заметил дату и время в нижнем правом углу: «18 декабря, 19 часов 14 минут».

В полицейском рапорте он прочитал, что несчастный случай произошел приблизительно в 19 часов 20 минут. В окрестностях Стокбриджа не тридцать шесть тысяч заправочных станций; номер колонки и логотип «Тексако» явно просматривались на экране, то есть это место легко найти. Натан был практически уверен, что эта заправочная станция расположена недалеко от места аварии. Итак, если Джеффри заправлялся в 19 часов 14 минут, то в его виновности нет никаких сомнений.

Вдруг изображение дернулось — тот момент, когда Джеффри ходил платить, явно вырезали. Теперь пожилой человек вернулся, шатаясь, к машине, сделал несколько глотков из бутылки и сел за руль.

— Это вас полностью оправдывает! — воскликнула Эбби. Не спросив разрешения, она, стоя у него за спиной, тоже смотрела фильм.

Натан кивнул, повернулся к секретарше — глаза ее возбужденно блестели. Ролик закончился в тот момент, когда машина тронулась с места. Адвокат попытался снова запустить фильм — безрезультатно; искал в Интернете — ничего.

— Черт! Видимо, ролик удалили с сайта.

— Кто стоит за всем этим?

— Кто? Я вам скажу кто: хозяин проклятой бензоколонки. Этот тип явно доволен, что проник в чью-то тайну.

— Но почему он скрывает свое имя?

— Потому что осторожен. Хочет, чтобы мы знали о его существовании, но не желает, чтобы мы собрали доказательства против него.

— Доказательства чего? — наивно спросила секретарша.

— Доказательства шантажа.

Эбби села рядом:

— Вы должны взять себя в руки, Натан. Не знаю, почему вы это делаете, но это плохая идея. Есть еще время пойти на попятную. Вы не должны жертвовать своей карьерой, чтобы защитить тестя!

— Я защищаю не тестя, а жену и дочь.

— Вы не защитите их тем, что возьмете его вину на себя! — произнесла Эбби, чеканя слова, и сунула ему под нос статью в «Нэшнл лойер». — В коридорах о вас уже говорят в прошедшем времени, а если вы никак не будете реагировать, забудут совсем. Не мне вам это объяснять!

Натан ответил не сразу. Не исключено, что Эбби права и нужно отступить. Кажется, он сделал все возможное, чтобы помочь тестю. Если так пойдет дальше, его ждет слишком много неприятностей. «*Похоже, настало время вернуть себе доброе имя*», — подумал Натан с облегчением.

В тот же миг из кабинета Эбби послышался тихий свист факсимильного аппарата. Натан взял факс — всего три знака, написанных крупным почерком:

1M\$

— Миллион долларов! — воскликнула Эбби. — Да он сумасшедший!

Словно загипнотизированный, Натан не мог отвести взгляда от клочка бумаги, который держал в руке. Когда он наконец повернулся к Эбби, решение уже созрело. «*Я выиграю свое последнее дело, проиграв его*», — подумал он с грустью.

— Вы поможете мне, Эбби?

— Вытащить вас? Конечно!

— Нет, Эбби, не вытащить меня, а, скорее, довести начатое до конца.

Грид Лерой перемотал видеокассету на начало записи. Эту сцену он смотрел уже более двадцати раз в течение двух дней, но не мог остановиться.

Он был счастлив, что несколько месяцев назад приобрел маленькую инфракрасную камеру. Тогда ему приходилось терпеть скандалы жены: она видела в технической новинке только бесполезную трату денег. Цена была не заоблачная — он купил камеру по каталогу всего за 475 долларов, включая почтовые расходы. Но, что бы он ни сделал, Кристи во всем видела повод его унижить. Теперь-то он утрет ей нос — ведь эти несчастные 475 долларов скоро принесут ему миллион! Миллион... что может быть лучше? Он сделал самое выгодное вложение денег за все времена! Когда вся планета кричит о падении ценных бумаг на бирже, он, Грид Лерой, попадает на золотую жилу.

Мужчина отрегулировал свет и контрастность монитора, потом вставил чистую кассету во второй магнитофон, соединенный с основным аппаратом. Для большей уверенности нужно сделать копию.

Ему повезло, это правда: обычно он стирал кассеты каждый вечер, не просматривая. Однако 18 декабря он потратил около часа, чтобы ликвидировать сбой в системе программирования сигнализации, и, поскольку время уже было позднее, решил перенести обычное занятие на следующий день.

Ха-ха! Не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня — есть такая пословица. Глупости все это! Утром Лерой открыл газету и увидел фотографию джипа и статью о несчастном случае, происшедшем с Беном Гринфилдом. Тотчас узнал машину, заезжавшую на заправку незадолго до аварии. Но самое интересное, что накануне за рулем сидел не этот молодой адвокат: в машине был один из местных богачей, Джеффри Векслер, который обычно ездил с водителем.

Тогда Грид поспешил просмотреть запись. Та подтвердила его предчувствие: Векслер был за рулем, в стельку пьяный, буквально за несколько минут до аварии!

Итак, в статье утверждалось, будто нью-йоркский адвокат сознался, что сбил мальчика. Пусть Грид Лерой никогда и не посещал университет, но он быстро понял: что-то не вяжется в этой истории. «Снова махинации адвокатов», — подумал он. Грид, как и большинство его сограждан, видел в юристах только алчных хищников. Хозяин заправки проверил автоматическую кассу: Векслер расплатился наличными, купюрой в двадцать долларов. Банковской карты у него не было, и только Лерой один видел, как Векслер заезжал на заправку.

Сперва Грид хотел пойти в полицию, но быстро передумал: в этом мире добрые дела никогда не вознаграждаются, он не получит никакой компенсации за сотрудничество с полицией. Самое большее, что может произойти, — он увидит свое имя в местной газете. Кто-то из газетчиков, возможно, придет взять у него интервью, о нем поговорят день-два, а потом забудут.

Тогда появилась другая идея, куда лучше; она сопровождалась некоторым риском, но это была единственная возможность круто изменить жизнь. Грид решил ничего не говорить жене. Он устал от своего полунищенского существования, в самых смелых мечтах Лерой был уверен, что его ждет иная дорога...

Вечерами Грид Лерой проводил по несколько часов в Интернете, остаток свободного времени посвящал рыбалке и прогулкам. Пока не было клиентов, любил полистать популярные романы — они стояли здесь же, на полке с книгами. Истории о серийных убийцах его совсем не впечатляли, зато очень нравились юридические и финансовые триллеры, даже если в них ему не все было понятно. Однажды в руки ему попала интересная книга — он прочел ее от корки до корки — роман Джона Гришема (бывшего адвоката, но тем не менее), который назывался, кажется, «Партнер». Захватывающая история о том, как один человек симулирует смерть, чтобы начать новую жизнь под другим именем. Но, чтобы начать с нуля, нужны деньги. В книге Гришема герой крадет сотни миллионов долларов у своих партнеров, ну а ему, Гриду Лерою, хватит и одного миллиона. И именно адвокат из Нью-Йорка Натан Дель Амико любезно этот миллион ему отдаст.

Сначала Лерой хотел шантажировать Джеффри Векслера, но, подумав, решил, что лучше заняться его бывшим зятем; тот признался в бегстве с места аварии. И потом, Векслер — слишком

влиятельное лицо в городе. Лерой закрыл заправку на день. В Интернете без труда нашел различные сведения о Дель Амико, в частности номер его факса. Затем купил небольшое оцифровывающее устройство, соединил его с видеомagneтофоном, что позволяло передавать изображение с камеры наблюдения на любой сайт в Интернете. Чтобы не оставить следов, Лерой передал факс из салона в Питсфилде, где делали ксерокопии.

Этого момента он ждал всю свою жизнь: он еще покажет, на что способен! Если все пойдет хорошо, скоро будет носить итальянские костюмы и рубашки от Ральфа Лорена. Возможно, купит внедорожник последней модели, как у адвоката. И в любом случае уедет подальше от этой дыры и ненавистной работы, подальше от истеричной жены, которая только и мечтает, что увеличить грудь и сделать пониже спины татуировку в виде змеи.

Грид нажал кнопку магнитофона и вынул видеокассету, упаковал ее в большой пакет из плотной бумаги. Его сердце вот уже два дня быстрее обычного билось в груди. В кои-то веки ему улыбнулась удача!

Никто и никогда не говорил о ней, об удаче, здесь, в этой местности, но именно она ценилась гораздо выше личных качеств. Оказаться в нужном месте в нужное время хотя бы раз в жизни — вот что самое главное.

Грид включил сигнализацию и закрыл въезд на заправку. В тонированном стекле одного из окон увидел свое отражение: еще не стар, в следующем году, в марте, ему исполнится сорок. Он ничего не достиг в первой половине жизни, но наверстает упущенное во второй!

А для этого надо сделать так, чтобы адвокат согласился заплатить.

Натан вернулся к своим каждодневным занятиям: бегал в Центральном парке в шесть утра и приходил на работу в семь тридцать.

— Я купил вам пирожки! — Он открыл дверь в кабинет Эбби.

— Даже не показывайте мне их, — запротестовала она, — поправлюсь на два кило только от одного их вида!

Они принялись за работу, и вскоре им удалось найти хозяина заправочной станции Стокбриджа, Грида Лероя. Натан намеревался дать свое последнее сражение. Решение его не переменялось: он оградит Джеффри от тюрьмы любой ценой. Чтобы защитить Мэллори, Натан готов был заплатить астрономическую сумму, которую требовал Лерой.

При других обстоятельствах адвокат действовал бы иначе: порылся бы в прошлом хозяина заправки, пока не нашел бы средство противостоять шантажу. Опираясь на весь свой адвокатский опыт, он знал, что в жизни каждого есть тайны и, если хорошенько поискать, всегда что-то найдешь.

Но у него не было времени. Миллион долларов, которым он так гордился, придется отдать мелкому хозяину заправочной станции. Странно, но перспектива все потерять нисколько не огорчала Натана. По правде говоря, он даже испытывал некоторое возбуждение, думая о том, что останется ни с чем. *«Нужно каждому дать возможность прожить две жизни»*, — мечтательно думал Натан. Если бы это было осуществимо, скольких ошибок удалось бы избежать! Он не отказался бы от стремления достичь высокого положения, но многое изменил бы. Избавился бы от тщеславных помыслов, меньше времени проводил в рассуждениях о вещах преходящих и бесполезных и занялся бы самым важным — постарался бы больше «возделывать свой сад», как говорил философ.

«Ну да, я говорю так, потому что смерть близка. Ладно, хватит размышлять!»

Взглянув на часы, Натан позвонил своему банкиру, с тем чтобы попросить проверить счета.

— Привет, Фил, как дела на Уолл-стрит?

Фил Найт учился вместе с Натаном, они не были близкими друзьями, но Натан его ценил и уважал.

— Привет, Нат! Какую многонациональную корпорацию ты теперь собираешься избавить от долгого и дорогостоящего процесса? Билл Гейтс тебе еще не звонил? — пошутил Фил.

Сначала Натан убедился, что сумма по чеку, полученному Кандис перед смертью, вернулась на его счет. Потом попросил Найта продать акции и векселя, так как ему понадобится наличность.

— У тебя проблемы, Нат? — спросил банкир, обеспокоенный, что его клиент снимает все деньги со счета.

— Никаких, Фил. Уверяю тебя, я с умом распоряжусь этими деньгами.

«Это действительно лучший выход?» — спросил себя Натан, положив трубку. Все эти истории с шантажом обычно плохо заканчивались. Его волновал не столько размер суммы, сколько страх, что неприятности никогда не кончатся и через полгода или год Лерой вернется и снова будет требовать денег — у Джеффри или Мэллори. Ведь он может сделать сколько угодно копий записи!

Натан раскачивался в кресле, скрестив руки. Не нужно забегать вперед, главное на этой стадии — не допустить, чтобы Лерой предупредил полицию. Часы на письменном столе показывали 10 часов 22 минуты. Натан снял трубку, решив позвонить Гриду Лерою. Надо выяснить, из какого теста слеплен этот аферист.

Нассау. Багамские острова.

Немного ранее этим же утром

Грид Лерой отправился в Бостон рано утром, чтобы вылететь в Нассау первым рейсом. В столице Багамских островов он сел в автобус вместе с толпой туристов, которые приехали встретить Рождество под солнцем.

Город гудел, как растревоженный улей. Грид чувствовал себя прекрасно в толпе — он любил анонимность больших городов и безликие места. Поднимаясь по Бей-стрит, главной улице города, заставленной старыми автомобилями и туристическими колясками, Лерой почувствовал, что становится другим — как хамелеон. Здесь он больше не хозяин заправок станции, здесь он может быть кем угодно.

Грид решил применить методы, описанные в одном из финансовых триллеров. Как только речь заходила об отмывании денег и офшорных счетах, ему сразу приходил на ум Нассау, его четыре сотни банков. Из описания финансовых афер следовало, что, скрываясь от налогов, эти банки анонимно управляли миллионами, переводя их одним щелчком компьютерной мышки из одного налогового рая в другой.

В Интернете Лерой отыскал координаты местного отделения банка, который предлагал перечень интересовавших его услуг. Отправил письмо, чтобы получить документы по электронной почте. Вообще-то ему не обязательно было приезжать, открыть офшорный счет могли и безличного присутствия, но Лерой настоял на встрече.

Свернув в один из переулков Бей-стрит, он увидел небольшое здание банка. Через полчаса Лерой покидал это здание с улыбкой на губах. «Джон Гришем и К°» не обманули! Все еще проще, чем в книгах! Он услышал долгожданные слова: «конфиденциальность», «банковская тайна», «никаких налогов». Бланк на открытие счета был заполнен и подписан в течение пятнадцати минут; пять процентов годового дохода без налогообложения, чековая книжка, банковская карта, не содержащая никакой важной информации на магнитной ленте, но дающая доступ к банкоматам всего мира. Именно то, чего он хотел. Ему пообещали, что его счет будет защищен от проверок налоговых органов и полиции. Лерой оставил пакет с копией фильма, который скоро принесет ему состояние, в одной из ячеек сейфа под землей.

Все было сделано без лишних формальностей, понадобилась только копия паспорта и гарантийный взнос в размере пятнадцати тысяч долларов. Накануне Лерой продал свой пикап, чтобы получить часть суммы. Жене ничего не сказал, снял пять тысяч долларов с их общего счета, пообещав себе, что, когда разбогатеет, вернет Кристи долг в двойном размере.

Грид Лерой вдохнул горячего воздуха — никогда еще ему не было так радостно. Его счастью не хватало только одного — чтобы Натан Дель Амико позвонил ему и назначил место встречи.

Он прошел мимо элегантного парикмахерского салона в колониальном стиле и посмотрел в окно. Как в былые времена, какого-то клиента только что побрили, и он наслаждался благоуханием успокаивающей кожу салфетки на лице. У Лероя потекли слюнки — никто его никогда не брил, и он тотчас же решил. Настала пора сменить прическу, убрать эту запущенную бороду и пряди волос, покрывавшие даже шею. А потом он пойдет в самый шикарный магазин города и купит одежду, более подходящую его будущему положению.

Девушка пригласила Лероя сесть в кресло. Только он это сделал, как зазвонил телефон — он

позаботился о том, чтобы звонки с телефона его заправочной станции переадресовывались на мобильный.

— Алло? — нетерпеливо ответил Грид Лерой.

— Говорит Натан Дель Амико.

Гаррет Гудрич воскликнул:

— Черт возьми, Натан, я вам оставил кучу сообщений! И вы только сейчас мне звоните! Что это за авария?

— Я все вам объясню, Гаррет. Послушайте, я в кафетерии больницы. У вас есть минутка поговорить?

— Который час? — спросил доктор так, будто потерял счет времени.

— Почти половина первого.

— Я закончу заполнять бумаги и спущусь к вам через десять минут.

— Гаррет?

— Да?

— Мне нужно, чтобы вы оказали мне огромную услугу.

Кабинет «Марбл и Марч».

16 часов 06 минут

— Эбби, у вас есть какие-нибудь соображения?

— Какого плана?

Натан раскачивался в своем кресле. Вид у него был таинственный.

— Как я вам уже говорил, я намерен выплатить выкуп. Но хочу быть уверен в том, что это произойдет один раз. К сожалению, известно, когда шантаж начинается...

— ...И неизвестно, когда заканчивается.

— Именно так. Я не хочу, чтобы через полгода или год Лерой начал шантажировать Джефффри, Мэллори... иди меня, — с трудом добавил он.

— Шантаж строго наказуем, — заметила Эбби.

— Да, но, чтобы уличить Лероя в шантаже, нужно это доказать. Этот тип осторожен, я уже убедился.

— Как! Вы говорили с ним? — воскликнула Эбби, раздосадованная, что он не рассказал ей раньше.

— Да, я позвонил ему сегодня утром, и он перезвонил мне через пять минут в один из автоматов у здания.

— Он назначил встречу?

— Мы встречаемся завтра.

— И как вы будете действовать?

— Мне необходимо найти средство заставить его говорить и сделать запись, но для этого понадобится сложное оборудование — микрофоны как у секретных служб, к примеру.

— Напоминаю вам, что время Уотергейта^[29] прошло! — воскликнула Эбби, смеясь.

— Вы знаете более эффективное средство?

— К примеру, это. — Она указала на мобильный телефон.

— Мобильный?

— Да, именно!

Натан сдвинул брови, заинтригованный, и Эбби объяснила:

— В вашем телефоне есть функция «hands-free», так?

— Ну да, можно говорить по телефону и одновременно вести машину.

— Хорошо. И что происходит, когда звонит ваш телефон, а вы ведете машину?

— Трубка автоматически снимается через три гудка, — ответил Натан, — но я не понимаю, как...

— Дайте закончить. А теперь представьте, что вы отключаете звуковой сигнал.

— Включая вибровзвонок?

— Нет, когда телефон вибрирует, он все же издает небольшой шум.

— Тогда я не понимаю...

— Сейчас увидите. — Эбби взяла его телефон и стала нажимать кнопки. — Достаточно установить звонок без мелодии.

— Ага, беззвучный режим.

— И тогда ваш мобильный телефон превращается в микрошпиона, агента ноль ноль семь. — Она бросила ему телефон.

Натан поймал его на лету. Набрал номер своего мобильного с городского телефона в кабинете. Как и предполагалось, тот сработал без звука.

— Гениально! — признал он. — Как вам пришло это в голову?

— Прочитала статью в одном женском журнале, — ответила Эбби. — «Десять верных способов узнать, изменяет ли вам супруг».

27

А я всего лишь человек^[30].

Вийон

Больница в Питсфилде, реанимация.

1 час ночи

— Вот, доктор Гудрич, это здесь.

— Очень хорошо.

Клер Джулиани отступила на шаг, на нее произвело впечатление, что такой известный врач приехал из Нью-Йорка к ее пациенту.

— Хорошо, я оставляю вас. Если вам что-нибудь понадобится, пожалуйста, обращайтесь.

— Спасибо, доктор Джулиани. — Гаррет закрыл дверь и прошел в комнату.

Безликое помещение освещала только маленькая лампа над кроватью, распространяя мягкий свет. В глубине, рядом с глянцевой белизны столиком, — раковина из нержавеющей стали. В палате раздавался сигнал, отмечающий сердечный ритм, и шум огромного аппарата искусственного дыхания, с силой выбрасывающего воздух в трубку.

Гаррет подошел к кровати и склонился над Беном. Санитары накрыли мальчика одеялом, чтобы избежать переохлаждения. Неподвижный, как фарфоровое изваяние, ребенок казался совсем крошечным, затерянным посреди огромной кровати. Многочисленные кровоподтеки на лице усиливали впечатление хрупкости. Множество трубок тянулись к капельницам.

Гаррет машинально подошел к экрану монитора — проверить частоту сердечного ритма и давление. Затем осмотрел автоматический шприц для впрыскивания доз морфина через определенные интервалы.

Он наизусть знал такие места, но каждый раз, когда входил в палату больного, испытывал странное волнение. С доктором Джулиани, которая, казалось, сомневалась в своих способностях, говорил недолго, однако сразу понял, что девушка проделала хорошую работу. О мальчике прекрасно позаботились — невозможно сделать больше. Теперь оставалось ждать.

Гаррет приехал сюда только потому, что его попросил Натан. Адвокат рассказал о несчастном случае, происшедшем с ним, но доктор не поверил ни единому слову. Натан очень настаивал, чтобы Гаррет приехал в больницу и удостоверился, что о ребенке позаботились наилучшим образом. Гудрич прекрасно понял истинный смысл его просьбы — выяснить, грозит ли смерть Бену Гринфилду.

Гаррет повернул голову к стеклянной двери: за ним никто не наблюдал; он погасил лампу над кроватью и, к своему великому облегчению, никакого ореола над головой ребенка не увидел. Возможно, Бен не очнется в ближайшие десять минут, но он будет жить. Гаррет решил попробовать еще кое-что — то, что делал очень редко: осторожно поднес руки к лицу ребенка...

Доктор никогда не говорил об этом своем качестве Натану; это было нечто странное, он и сам не до конца понимал. Дополнительная способность, которая со временем появлялась у Вестников,

маленькая дверца, короткая вспышка в сознании. Иногда это причиняло боль, будто тело вмиг лишалось энергии. Мгновение спустя все приходило в норму. Но, чтобы это получилось, нужен контакт. Гудрич поднес руки к лицу Бена... Легко коснулся лба ребенка кончиками пальцев — и в его сознании возникла картина: Бен Гринфилд, ему около двадцати лет, он прыгает с парашютом.

Видение прекратилось, и Гаррет тут же отключился от мира предвидения. Посидел рядом с мальчиком минуту, восстанавливая силы. Потом застегнул пальто и вышел из больницы.

При каких обстоятельствах Бен Гринфилд прыгнет с парашютом? Ни черта он об этом не знает, но в любом случае уверен в одном: ребенок не только не умрет, но скоро выйдет из комы.

21 декабря. Манхэттен, Центральный вокзал

Натан решил пройти пешком сто метров, разделявшие здание, где он работал, и вокзал. Проходя мимо массивного небоскреба «Метлайф», взглянул на часы: 11 часов 41 минута. *«Отлично, успеваю»*. У него оставалось четыре минуты в запасе, когда он вошел в здание вокзала.

Большой холл с огромными витражами, через которые врвался яркий свет, наводил на мысли о соборах. Люстры с позолотой, мраморные скульптуры — пожалуй, здание больше похоже на музей. Не зря этот вокзал считался самым красивым в мире.

Натан пересек просторный зал ожидания и подошел к знаменитым часам с четырьмя циферблатами, возвышавшимся у справочного бюро. Именно здесь Грид Лерой назначил ему встречу. У Натана это место ассоциировалось с декорациями кино и с Хичкоком, который снял здесь знаменитую сцену фильма «На север через северо-запад».

Как всегда, на вокзале было полно народу. Ежедневно более полумиллиона человек пересекались здесь: одни штурмовали Манхэттен, другие ехали и пригород. Отличное место — как раз то, что нужно, чтобы остаться незамеченным.

Некоторое время Натан стоял неподвижно, пытаясь противостоять нескончаемому потоку пассажиров. Проверил: трубка его мобильного телефона снята, а на другом конце провода Эбби готова начать запись.

Натан терял терпение; он ведь даже не знает, как выглядит тот, кого он ждет. «Я вас узнаю сам», — утверждал шантажист. Прошло еще две-три минуты, и тут чья-то рука грубо опустилась ему на плечо.

— Рад вас видеть, господин Дель Амико!

Этот человек находился здесь уже какое-то время, но Натан и не подумал бы, что это тот, кто ему нужен. Шантажист явно не похож на владельца заправочной станции: хорошо сшитый темный костюм, дорогое пальто, прекрасная обувь... еще бы галстук, и его можно принять за служащего одной из адвокатских фирм города. Во внешности ничего особенного: рост, телосложение, черты лица все ничем не примечательное, разве что горящие глаза изумрудною цвета. Кивком головы Лерой сделал знак следовать за ним.

Они прошли мимо длинного ряда магазинчиков, расположенных по краям платформ, и спустились на этаж ниже — к кафе, закусочным и ресторанам. Натан открыл дверь «Австрийского бара», следуя знаку Лероя. Здесь подавали лучшие в городе блюда из даров моря. Раньше он обожал проводить время в этом зале со сводчатым потолком.

— Сначала пройдем в туалет. — Лерой явно нервничал.

— Простите?

— Не разговаривайте.

Что ж, он проследовал за ним в туалет. Грид подождал, пока они останутся вдвоем, и потребовал:

— Дайте мне ваше пальто!

— Что?..

— Дайте мне пальто и пиджак! Не хочу, чтобы вы записали наш разговор на диктофон.

— Я ничего такого не принес! — возмутился Натан, понимая, что его хорошо продуманный план может провалиться.

— Поторопитесь! — приказал Грид.

Ладно, он снял пальто и пиджак, переложил мобильный телефон в карман рубашки. Попытка не пытка.

— Снимите часы!

Натан повиновался.

— Расстегните рубашку!

— Вы настоящий параноик.

— Я не стану повторять.

Вздыхая, Натан расстегнул рубашку. Лерой осмотрел его.

— Хотите еще что-нибудь увидеть? — вызывающе поинтересовался Натан. — Воспользуйтесь моментом — я как раз надел трусы от Кельвина Кляйна.

— Ваш телефон, будьте добры!

— Это смешно!

Лерой выхватил у него телефон. Вот черт!

— Ваше кольцо!

— Не смейте трогать его!

Грид подумал мгновение, потом взял адвоката за запястье.

С быстротой молнии Натан схватил Лероя за горло и прижал к двери.

— Хррррл... — пытался что-то произнести Грид.

Натан сильнее придавил его:

— Не смейте трогать его! Понятно?!

— Хррррл... по...нятно.

Адвокат резко отпустил руку. Лерой согнулся и закашлялся, восстанавливая дыхание.

— Черт, Дель Амико... вы мне заплатите за это!

— Ладно, пошевеливайтесь, Лерой! — приказал теперь Натан, выходя из туалета. — Думаю, вы позвали меня не для того, чтобы угостить супом с моллюсками.

На небольшом столике, покрытом клетчатой скатертью, стояли два бокала martini. Посетители оживленно разговаривали, наполняя гулом помещение. Лерой сдал пальто, пиджак и мобильный телефон Натана в гардероб и теперь немного успокоился. Достал из кармана игральную карту и протянул адвокату.

— Девять первых цифр — это номер банковского счета на Багамах, — объяснил он. — Вы позвоните в ваш банк и попросите перевести деньги на этот счет. Банк называется «Эксельсиор».

Натан кивнул; жаль, что Эбби не смогла это записать. Черт возьми, ему нужен мобильный! Но для начала необходимо усыпить бдительность Лероя.

— Неплохой расклад, Грид.

— Правда ведь?

— Да... никаких следов. Остается только смешать карты, чтобы удалить доказательство шантажа.

Лерой вдруг разозлился:

— Хватит петь дифирамбы! Звоните в банк!

— Напомнить вам, что вы конфисковали мой телефон?

— Вы воспользуетесь телефоном ресторана.

— Как вам угодно.

Принужденно улыбаясь, Натан посмотрел на Лероя, поднялся и направился к стойке, будто именно это ему и нужно. Такая готовность выполнить приказание показалась Лерою подозрительной.

— Подождите, Дель Амико! Лучше возьмите ваш мобильный, я хочу слышать разговор.

Натан забрал свой телефон из гардероба и убедился, что тот включен. Итак, нет проблем. Подумал об Эбби: как он и предполагал, девушка ждала на том конце провода, вооруженная магнитофоном. Сейчас настала его очередь играть. Ему защищать дело в суде — удастся ли Натану Дель Амико, великому адвокату, разговорить Грида Лероя? Да, если он «лучший». Но лучший ли он еще?

Адвокат вернулся к столику и небрежно положил мобильный на стол; чувствовал, что Лерой опять начинает нервничать.

— Ну что, будете звонить завтра или все же сейчас?

Натан взял телефон, сделал вид, будто включает его, потом сказал:

— Вообще-то мой банкир обедает рано и...

— Прекратите цирк, Дель Амико!

Натан поскреб затылок:

— Мы договорились о десяти тысячах долларов, так ведь?

— Не делайте из меня дурака, черт возьми!

— Успокойтесь, вы, возможно, получите за день то, что я копил всю жизнь...

— Шевелитесь!

— Что вы чувствуете у черты, за которой начинается другая жизнь? В глубине души я уверен —

вы задаете себе кучу вопросов: неужели я буду просыпаться каждое утро и говорить: «Это правда, я богат?», неужели...

— Не провоцируйте меня!

— Послушайте, может, перенесем это на другой день, Грид? Мне кажется, вам не по себе...

Лерой яростно ударил кулаком по столу и наконец произнес слова, которые Натан пытался из него вырвать:

— Звоните в ваш проклятый банк и прикажите перевести миллион долларов на мой счет!

— Очень хорошо, чудесно, как скажете — вы главный. — «А я лучший».

Натан взял телефон, выключил его, чтобы отсоединить микрофон, и сразу же снова включил.

Позвонил в банк Филу и приказал перевести средства — под неусыпным оком Лероя.

— Ну вот, деньги переведены.

Едва он произнес эти слова, как Грид встал с места и затерялся в толпе. Натан пытался за ним проследить, но не сумел — Грид как испарился.

Лерой вышел из ресторана. Этот человек был настолько непримечателен, что Эбби чуть не пропустила его. Он прошел несколько шагов и позвал такси.

— Аэропорт Ньюарк! — сказал он водителю, открывая дверь.

Эбби подбежала к машине.

— Я тоже еду в Ньюарк, может, поедem вместе? — И с такой скоростью запрыгнула в машину, что не оставила Лерою возможности отказаться.

Едва они успели проехать несколько метров, как у Эбби зазвонил телефон.

— Думаю, это вас. — Она протянула телефон Лерою.

— Что все это значит?

— Сейчас узнаете. А я собираюсь выйти здесь. — И постучала в стекло, предупреждая водителя. — Счастливого пути, господин Лерой!

Такси остановилось, Эбби вышла. Лерой ошарашенно смотрел ей вслед; телефон все звонил...

Лерой сомневался, но любопытство взяло верх над осторожностью.

— Алло? — И он с изумлением услышал свой собственный голос: «Звоните в ваш проклятый банк и прикажите перевести миллион долларов на мой счет!» — «Очень хорошо, чудесно, как скажете — вы главный». — Черт, что за игра, Дель Амико?!

— Игра человека, который согласен заплатить один раз, но не два.

— Что вы собираетесь делать с записью?

— Ничего, просто сохрaню, как вы храните свои видеокассеты. Сохрaню на всякий случай. Но только от вас зависит, использую ли я ее когда-нибудь.

— Я не собираюсь шантажировать вас второй раз, если вас это волнует.

— Надеюсь, Грид, иначе вы сядете за решетку.

— Второго раза не будет.

— Я хочу вам верить. И еще кое-что, Грид: они никогда не выполняют своих обещаний.

— О чем вы говорите?

— О деньгах, Грид, о деньгах.

Солнце садилось над Нантакетом; целый день непрерывно дул западный ветер. С наступлением

темноты волны яростнее накатывали на берег и с грохотом разбивались о скалы, защищавшие виллу Векслеров от стихии.

Джефффри и Мэллори стояли на закрытой веранде, которая нависала над водным потоком. Это было самое впечатляющее место в доме — стеклянная обсерватория над океаном.

Мэллори вернулась из Бразилии утренним рейсом. Она приехала в Сан-Диего и сразу позвонила родителям в Беркшир, но служанка сказала, что «господин и госпожа» решили провести Рождество в Нантакете. Встревоженная, она вылетела в Бостон и вот уже час как находилась на острове.

— Теперь, Мэллори, ты все знаешь.

Джефффри подробно пересказал ей события последних дней. Ничего не упустил, начиная с момента, когда он, совершенно пьяный, сбил Бена Гринфилда; потом поведал о поступке Натана и закончил историей с Гридом Лероем — зять держал его в курсе последних событий. Открыл ей и то, как двадцать пять лет назад обвинил мать Натана в краже, которой та не совершала. Изложил все, умолчал только об одном — что Натан скоро умрет.

С глазами, полными слез, Мэллори подошла к отцу.

— Есть новости об этом ребенке?

— Я звоню в больницу по два раза в день. Его состояние стабильно. Но может случиться что угодно.

— Как ты мог? — сдавленным голосом проговорила Мэллори. — Как мог позволить Натану взять вину на себя?

— Я... я не знаю, — пробормотал он, — он так хотел. Он думал, что так будет лучше для всех...

— Особенно для тебя!

Эти слова больно резанули Джефффри; он не знал, как оправдаться: он дал обещание Натану, и сдержит свое слово, пусть даже будет выглядеть трусом в глазах дочери. Такова его ноша, способ искупить вину.

— Но ты же не допустишь, чтобы его посадили в тюрьму?

— Нет, дорогая, — заверил ее Джефффри, — обещаю, что вытащу Натана. Хорошо я умею делать только одно, и я сделаю это.

Джефффри посмотрел на свои руки: они предательски дрожали, выдавая желание выпить. Уже третий раз за последние пятнадцать минут он сделал несколько глотков минеральной воды в надежде, что она облегчит его страдания.

— Прости, Мэллори!

Он чувствовал себя ничтожеством, стыд, поселившийся глубоко внутри, как будто парализовал его.

Мэллори подошла к стеклянной стене, со всех сторон окружавшей веранду. Она смотрела далеко вперед — туда, где линия горизонта соединялась с кромкой океана. В детстве во время бури она не решалась приходить сюда из-за шума волн и ветра — в этом месте он был особенно сильным. Неистовство стихии ужасало ее, ей казалось, что она стоит в самом центре урагана.

Джефффри решился сделать шаг к дочери:

— Дорогая...

Она повернулась, посмотрела на него — и наконец упала в его объятия, как когда-то десятилетней девочкой.

— Я так несчастна с тех пор, как больше не живу с Натаном, папа.

— Поговори с ним, милая. Я думаю, ему есть что тебе сказать.

— Вначале, когда мы расстались, у меня было странное, смешанное чувство — боли и облегчения.

— Облегчения?

— Да... всю свою жизнь я боялась, что он меня разлюбит, проснется однажды утром и поймет, какая я на самом деле слабая. В этом смысле наш развод стал избавлением: я его уже потеряла — значит, больше нет причин бояться.

— Ты ему так же нужна, как и он тебе.

— Я не верю. Он меня больше не любит.

— Недавно он продемонстрировал обратное.

Мэллори полными надежды глазами смотрела на отца.

— Найди его! — со всей серьезностью сказал Джефффри. — Но торопись, время не ждет.

Закрой глаза, три раза щелкни каблуками и очень громко скажи: «В гостях хорошо, а дома лучше».

**Реплика из фильма Виктора Флеминга
«Волшебник страны Оз»**

24 декабря

— Можно мне хот-дог? — Бонни прыгала вокруг передвижной тележки на углу Пятой авеню и 58-й улицы.

— Дорогая... может, лучше съешь яблоко?

— Нет! — воскликнула девочка, помотав головой. — Я обожаю хот-доги с горчицей и жареным луком! Это вкусно!

Натан колебался: такая пища не слишком полезна для здоровья, — но все же кивнул в знак согласия.

— *Como cuesta esto?*^[31] — спросила девочка и достала из кармана маленький кошелек, в котором держала свои сбережения.

Отец пожурил ее:

— Не нужно говорить по-испански со всеми.

— *Son dos dolares*^[32], — ответил ей продавец и подмигнул.

Натан достал бумажник и вытащил тонкую пачку купюр, сложенных вдвое.

— Убери свои деньги. — И заплатил два доллара.

Дочь отблагодарила его своей самой обаятельной улыбкой, взяла хот-дог и стрелой метнулась к толпе, откуда доносились рождественские песни. Воздух был сухой и холодный, но бодрящий; зимнее солнце заливало светом фасады домов. Натан пошел следом за дочерью, он внимательно наблюдал за Бонни, не выпуская ее из виду в толчее и праздничной суматохе, заметил, что на пальто у нее появилось пятнышко от горчицы. Она послушала мелодии негритянских спиричуэлс^[33], потом переместилась к другой группе. Несколько поколебавшись, девочка все же отдала два доллара, лежавшие у нее в кармане, скрипачу в костюме Санта-Клауса, который собирал деньги для Армии спасения. Потом потянула отца к юго-восточному входу в Центральный парк.

Несмотря на мороз, по зеленому пространству парка не спеша прогуливались люди. Внимание Бонни привлекло объявление. Предлагалось приобрести в собственность ветви деревьев в парке.

— А мне можно купить ветку на день рождения? — осведомилась Бонни.

— Нет, это глупо — деревья не покупают, — категорически возразил Натан.

Она не настаивала, но попросила:

— А мы можем пойти в Таймс-сквер на Рождество?

— Маленькой девочке там нечего делать. И потом, не слишком-то тепло.

— Ну пожалуйста! Сара мне говорила, что там проходит самое главное в стране празднование Рождества под открытым небом.

— Посмотрим, дорогая. А пока укутайся хорошенько, становится прохладно.

Бонни надвинула перуанскую шляпу чуть ли не на глаза, а Натан повязал ей свой шарф и вытер нос салфеткой. Чудесный ребенок, заботиться о ней — одно удовольствие.

У Бонни не осталось неприятного осадка после того, что она пережила вечером в день аварии. Ей нелегко было видеть, как отца уводят полицейские, словно преступника, но на следующий день бабушка и дедушка рассказали ей правду. Сегодня она не упоминала об этом, только волновалась за раненого мальчика.

Новости о нем поступали обнадеживающие: в то же утро Джефффри позвонил Натану и сообщил,

что Бен вышел из комы. Оба они испытали огромное облегчение — мальчику больше не грозила опасность; примешивалось сюда и другое, эгоистичное чувство: появилась надежда избежать тюрьмы.

Натан и Бонни провели замечательные три дня каникул — ничего не делали, только развлекались. Он не пытался оставить какое-то послание дочери и не терял времени на философские размышления, а просто хотел разделить с ней счастливые моменты, которые она будет вспоминать. Они посмотрели экспонаты из Древнего Египта и картины Пикассо в Музее современного искусства. Накануне навестили гигантскую гориллу в зоопарке Бронкса, а утром почти дошли до садов парка Форт-Трайон, где Рокфеллер буквально по кирпичику воссоздал несколько монастырей с юга Франции.

Натан посмотрел на часы: он обещал Бонни отвести ее на карусель, нужно торопиться — знаменитый аттракцион открыт до половины седьмого. Они побежали в сторону карусели, растворяясь в неповторимой атмосфере ярмарки.

— Ты поднимешься со мной? — Бонни запыхалась, ей было очень весело.

— Нет, малышка, это не для взрослых.

— Там много взрослых, — она указала на карусель, — пойдем, пойдем же скорее. Ну пожалуйста! — упрашивала девочка.

Такой день — Натан не хотел ни в чем ей отказывать... И он сел рядом с Бонни на одну из чудесных раскрашенных лошадок.

— Поехали! — закричала девочка, когда карусель начала движение и заиграла ритмичная, веселая музыка.

Потом отец и дочь пошли кормить уток, которые плескались в тихих водах пруда; наконец дошли до катка, в это время года одного из самых замечательных мест на Манхэттене. Бонни с завистью смотрела на детей, которые там, за решеткой, выписывали замысловатые фигуры и радостно вскрикивали...

— Хочешь попробовать?

— А можно? — Девочка не верила своему счастью.

— Да, если сама чувствуешь, что сможешь.

Еще полгода назад она ответила бы «нет», «я боюсь» или «я слишком маленькая», но теперь у нее появилось больше уверенности в себе.

— Думаешь, у меня получится?

— Конечно, — Натан поглядел на нее с улыбкой, — ты же настоящий чемпион по роликам. На ледяном катке все почти так же.

— Я хочу попробовать...

Он заплатил семь долларов за вход на площадку, помог ей переобуться и выйти на дорожку. Сначала Бонни чувствовала себя неуверенно, даже упала. Раздосадованная, быстро поднялась и поискала взглядом отца: он стоял у бортика и делал подбадривающие жесты. Она снова попробовала, уже увереннее, — получилось: проехала несколько метров. Набрала скорость — и вдруг столкнулась с мальчиком, примерно своим ровесником, но не заплакала, а рассмеялась.

— Делай так! — закричал ей Натан издали, показывая, как нужно поставить конек, чтобы затормозить.

Бонни показала отцу большой палец — в этом возрасте учатся быстро. Успокоенный, он подошел к маленькой палатке, где продавали напитки, и попросил кофе, не выпуская дочь из виду. Бонни каталась уже гораздо увереннее, ее щеки разругались от морозного зимнего воздуха. Натан подышал на руки — замерзли.

Сегодня Манхэттен был похож на огромную лыжную станцию: вдалеке блестела лыжня. На снежном склоне вокруг катка кто-то написал: «Я люблю Нью-Йорк!». Натан обожал эти зимние дни, когда казалось, что весь город поместили в хрустальный ларец. Он прошел вдоль решетки, любясь последними лучами заходящего солнца и наслаждаясь ощущением тепла на лице. Удивительно, как важны стали для него такие незначительные вещи! Эта мысль вызвала волну эмоций. Скоро все будет кончено: он больше не почувствует, как аромат кофе щекочет ноздри, лучи солнца согревают кожу... Слезы выступили на глазах, но он тут же смахнул их. Нечего

распускаться, тем более что у него осталось время попрощаться с дочерью и женой. У многих умирающих не было такой возможности.

Скоро золотистые лучи солнца начнут исчезать за линией небоскребов, и через несколько минут станет темно. Фонари зажгутся, как свечи в центре снежного пейзажа, придавая парку феерический вид. Было еще светло, но край луны уже показался из-за башен. Именно в этот момент Натан увидел ее вдалеке, залитую светом, — Мэллори... Ее силуэт выделялся в оранжевом свете, ветер развевал волосы, от мороза ее лицо порозовело.

Заметив Натана, Мэллори бросилась ему навстречу и, запыхавшись, упала в его объятия. Все совсем так, будто им снова по двадцать лет, — только еще маленькая девочка, бросив коньки, мчится к ним, радостно вскрикивая... Бонни подбежала к родителям, и все трое крепко обнялись.

— Сделаем цветок? — предложила девочка.

Эту игру они придумали давно, когда Бонни была совсем маленькая. Сначала сходились вместе, обнимались и говорили: «Цветок закрыт», потом расходились и кричали: «Цветок открыт!» Потом все снова повторяли раза три-четыре: «цветок закрыт», «цветок открыт»... Совсем простая игра — знак единения семьи, в которой всегда будет кого-то не хватать.

29

Мы страдаем от любви, даже когда уверены, что ни от чего не страдаем.

Кристиан Бобен

Несколько часов спустя.

24 декабря, ночь.

Квартира в «Сан-Ремо»

Они лежали в постели и смотрели на звезды. Небо было таким чистым, луна заливала комнату голубоватым светом... Губы Мэллори скользили по шее Натана, их сердца бешено стучали. Она запустила пальцы в его волосы и прошептала:

— А знаешь, я ведь старше тебя...

— Всего на несколько дней, — ответил он, улыбаясь.

— Я думаю, тебя создали специально для меня, — пошутила она.

Натан обнял ее:

— Что ты хочешь сказать?

Мэллори продолжила:

— Когда я появилась на свет, какое-то ангелоподобное существо склонилось над моей колыбелью и решило дать мне того, кто поможет мне противостоять трудностям этого мира.

— В этом и есть мое предназначение?

— Именно так... Ты... ты не хочешь поблагодарить меня за появление на свет? — прошептала она, целуя его.

Он долго отвечал на ее поцелуи... хотел просто вдыхать ее запах и никуда не отпускать. Ощущать едва различимые движения тела, самый тихий вздох... Можно выиграть в лотерею, одержать победу в процессе века, увидеть семь или восемь нулей на банковском счете — ничто не могло заменить ему того, что происходило сейчас. Натан крепче сжал Мэллори в объятиях, целовал ее затылок, гладил бедра... потом прижался к ее спине как к последнему, что связывало его с жизнью...

Все пережитое мгновенно промелькнуло перед глазами. Никогда еще Натан не чувствовал себя более живым, чем тогда, когда узнал, что скоро умрет. А сейчас снова ощутил, что смерть бродит вокруг него... Что ж, сегодня вечером впервые за все время он готов принять ее. Нет, страх не исчез, но теперь ему было любопытно — что там, за чертой. Пусть он и уходит в неизвестность, но зато окруженный любовью. «*В мире с самим собой и согласии с другими*» — так говорил Гаррет.

Тело у него горело, и он снова ощущал тяжесть в груди, о которой успел забыть. Тут же напомнила о себе рана в лодыжке — кажется, все кости тела сейчас расплавятся и раскрошатся. Он был словно вне мира живых, в каком-то неизвестном измерении... Такое впечатление, что он жид только затем, чтобы умереть. В два часа ночи Натан закрыл глаза и, перед тем как уснуть, подумал о Гудриче.

«Скоро его не будет рядом со мной. Я больше его не увижу и не услышу. Он будет продолжать свое дело — оперировать пациентов и готовить людей к смерти. А я, как все мои предшественники, найду наконец ответ на вопрос: есть ли место, куда мы все попадаем?..»

В ста километрах от «Сан-Ремо» Джефффри Векслер бесшумно встал с кровати, открыл небольшую дверцу под лестницей гостиной, зажег запыленную лампочку без абажура, освещавшую спуск в подвал. Взял с деревянного стеллажа коробку с шестью бутылками виски, которую несколько дней назад доставил курьер, — «Чивас» двадцатилетней выдержки, рождественский подарок клиента, которого он вытаскил из затруднительного положения.

Джефффри лег в постель и понял, что не уснет, пока эти бутылки остаются в его доме. Он отнес коробку на кухню и принялся опустошать их, выливая содержимое в раковину; это заняло несколько минут. Джефффри задумчиво смотрел, как виски стекает в канализацию, словно мутная вода, в которой варили спагетти. Затем смыл остатки алкоголя водой.

Как мог он так опуститься? Джефффри задавал себе этот вопрос каждый день и знал, что никогда не найдет на него ответа. Сегодня он сумел противостоять соблазну. Однако завтра предстоит новое сражение... и послезавтра тоже. Эта война требовала бдительности каждое мгновение; как только он ее утратит, ему будет вес равно что пить: одеколон, медицинский спирт... Опасность подстерегала всюду.

Джефффри вернулся в спальню и лег рядом с женой; он был подавлен. Возможно, стоило попытаться поговорить с Лизой, рассказать о тоске и унынии, которые поселились в его душе. Да, он поговорит с ней завтра... если хватит смелости. И Джефффри с силой сжал зубами угол подушки, чтобы не расплакаться.

Где-то в рабочем квартале Бруклина.

После полуночи

Конни Букер открыла дверь, стараясь не шуметь; склонилась над Джошем, с глубокой нежностью глядя на него. Еще десять дней назад эта комната была холодной и безликой — просто комнатой для гостей. А сегодня вечером здесь, в теплой кровати, спит ребенок... Ей до сих пор не верилось.

Все произошло очень быстро. Сначала ужасная трагедия с ее племянницей Кандис, которая погибла во время вооруженного налета. А несколько часов спустя ей позвонили из социальной службы и предложили усыновить ребенка. Конни согласилась сразу; ей скоро пятьдесят, а детей у нее не было. Последние годы она чувствовала себя уставшей и старой. С появлением Джоша жизнь будто заново обрела смысл. Она станет хорошей матерью, Джош ни в чем не будет испытывать нужды. Они с мужем много работали, и теперь Джек, гордый своей ролью отца, попросил дополнительные часы на службе.

Все же кое-что беспокоило Конни. Сегодня утром она обнаружила в почтовом ящике пакет из плотной бумаги, в нем — игрушечная машинка, несколько банкнот и еще письмо, подписанное просто — «Натан». В письме говорилось, что эти деньги он шлет малышу на Рождество.

Они с Джеком прочли письмо несколько раз и не знали, что думать. Да, поистине чудесное Рождество... Конни нежно поцеловала ребенка и вышла. Закрывая дверь, снова спросила себя, кто этот загадочный благодетель.

Гринвич-Виллидж

Эбби Купер возвращалась с рождественской вечеринки одна. У нее сильно болела голова. Прошел еще один день, а она так и не встретила свою любовь. Перед дверью портье оставил пакет, она с любопытством открыла его — бутылка французского вина и записка: Натан желал ей счастливого Рождества и благодарил за все, что она для него сделала.

Быстро сбросив туфли, Эбби поставила свой любимый диск джазового трио Брэда Мелдау и приглушила свет. Устроившись на диване и вытянув ноги, перечитала записку: что-то странное в этом послании — оно напоминает прощальное письмо, будто они никогда больше не увидятся...

Нет, это глупо, она все выдумала. Где Натан сейчас, в эту минуту? Наверняка со своей бывшей женой, подсказала ей интуиция. А жаль, ведь он мог бы стать ее большой любовью.

Гаррет Гудрич вышел из Центра паллиативной помощи больницы Стейтен-Айленда.

— Давай, Куджо, полезай! — Доктор открыл заднюю дверцу автомобиля.

Огромный пес тявкнул и послушался хозяина. Гаррет сел за руль, повернул ключ зажигания и включил старенькое радио. Скривился, услышав Бритни Спирс; нахмурился, наткнувшись на припев Эминема; но вот нашел станцию с классической музыкой — опера Верди «Набукко». «Отлично!» — подумал он, покачивая головой в такт, и медленно поехал в сторону дома. Остановившись у первого светофора, посмотрел на собаку и зевнул. Сколько же времени он не спал... Кажется, тысячу лет.

Бонни Дель Амико в своей комнате не могла сомкнуть глаз. Она была так счастлива, что ее родители снова вместе... Об этом девочка просила в молитвах каждый вечер вот уже два года. Однако тревога не совсем ушла, будто какая-то опасность еще витала над их семьей.

Девочка вскочила, взяла со стула свою перуанскую шляпу и прижала к груди — это поможет ей наконец уснуть.

Толстый слой снега покрывал могильную плиту Элеоноры Дель Амико на кладбище Квинса. Сегодня утром сын принес ей цветы — букет роз в вазе. Будь ваза прозрачной, было бы видно, чем связаны стебли цветов, — браслетом из четырех нитей жемчуга с серебряной застежкой, украшенной маленькими бриллиантами.

В маленьком городе Мистик, штат Массачусетс, было еще темно. В пустом доме у пляжа, в комнате с металлическими полками, лежал в большой коробке альбом — кто-то недавно его открывал — с записями, рисунками, фотографиями... На одном из снимков женщина бежала по пляжу; внизу она подписала: «Я бегу так быстро, что смерть не догонит меня никогда».

Звали ее Эмили Гудрич, и она знала, что смерть все же заберет ее. Она никогда не верила в Бога. Может быть, есть что-то другое... тайна... Место, куда мы все попадем.

Мэллори открыла глаза, прислушалась к дыханию спящего рядом мужчины. Впервые за долгое время она почувствовала уверенность в будущем и подумала о том, чтобы могла бы родить еще одного ребенка. Эта мысль наполнила ее безудержной радостью.

Засыпая, бог знает почему вспомнила, что из-за поездки в Бразилию не забрала результаты анализов — врач заставил сдать их на прошлой неделе. Что ж, подождет еще несколько дней, доктор Олбрайт всегда беспокоится напрасно.

День занимался над островом Нантакет. В такой час у озера Санкати Хед, за болотами, заросшими клюквой, пустынно. Вот уже несколько дней как вода в озерах и прудах покрылась ледяной коркой. Одинокий белый лебедь плавал вдоль тонкой кромки льда.

Как эта птица очутилась здесь среди зимы, никто и никогда не узнает. Никто и не увидит его больше. Лебедь поднялся с поверхности озера одним взмахом крыльев, испустив протяжный крик, и улетел.

25 декабря

Сначала он почувствовал, как лицо обдало теплом, и не решился сразу открыть глаза — боялся того, что увидит. Потом услышал музыку вдалеке: мелодия ему знакома... что это? Моцарт, наверное... Да, «Концерт для фортепиано с оркестром № 20», ее любимый.

Ему показалось, что в воздухе витает запах блинчиков. Только тогда Натан открыл глаза: в мире ином, конечно же, не подают блинчиков. Да он же дома, в комнате, где провел прекрасную ночь! С трудом верится, но он все еще жив. Натан поднялся и сел на кровати — рядом никого. Повернул голову к окну: отличная погода на Рождество — солнце заливало комнату ярким светом.

Бонни просунула голову в дверной проем.

— Как дела? — осведомилась она, увидев, что отец проснулся.

— Привет, бельчонок. Все хорошо?

— Очень хорошо! — воскликнула она, разбежалась и прыгнула в постель.

Натан поймал ее на лету и прижал к себе:

— Где мама?

— Готовит блинчики. Будем завтракать втроем в постели!

Бонни не скрывала своего счастья — прыгала вверх, назад, через голову, превратив кровать родителей в трамплин. Натан прислушался — звуки классической музыки доносились с первого этажа, смешиваясь со звоном кастрюль и кухонной утвари: Мэллори всегда любила готовить под музыку. Встав перед зеркалом во весь рост, он внимательно рассмотрел себя, ребром ладони потер пробивающуюся щетину, будто не верил своим глазам. Без сомнения, это он собственной персоной. Вчера ему вдруг представилось, что он умрет ночью, а сейчас он ничего не чувствовал — ни жара, ни боли, — будто опасность, грозившая ранее, миновала. Как это объяснить?

Из кухни раздался голос Мэллори:

— Кто-нибудь мне поможет?

— Иду-у! — крикнула Бонни и спрыгнула с кровати на паркет.

Дочь, жена и он — наконец они вместе и нет никакой угрозы. Слишком хорошо, чересчур много счастья. Однако Натан смутно чувствовал — что-то не так... надо поговорить с женой.

— Я тебе нужен, дорогая? — предложил он свою помощь.

— Все в порядке, любимый, мы справимся, — отозвалась Мэллори.

Натан подошел к окну — посмотреть, как пробуждается Центральный парк; утренний туман уже полностью рассеялся. Бонни поднялась по лестнице с подносом, на котором высилась гора блинчиков. Поставила его на кровать, опустила палец в кленовый сироп и облизала его, сопровождая это действие своим знаменитым двойным подмигиванием.

— Ням-ням! — Погладила животик.

Натан услышал скрип ступенек за спиной и обернулся — сейчас он увидит, как войдет Мэллори. Сначала он не заметил ничего особенного: она стояла у окна, лучезарная, залитая солнечным светом, в руках поднос с кофе, фруктами и рогаликами. Но вот она прошла в глубь комнаты. Натан вздрогнул и почувствовал, что земля уходит из-под ног: ореол белого света остался над ее головой...

Плоха не смерть, а невыполненная задача.

Диалоги с ангелом

Натан на высокой скорости мчался в направлении Сохо, совершенно выведенный из равновесия, в плену самых невероятных мыслей. Он должен знать! Только у Гаррета есть ответы. Сегодня выходной, доктор, скорее всего, еще дома.

Ракетой он влетел на Хьюстон-стрит, оставил машину посреди дороги и побежал к дому Гудрича.

Бросил беглый взгляд на адрес на почтовом ящике — и через ступеньку помчался на верхний этаж. Оказавшись у двери квартиры, громко постучал — никого. Яростно ударил кулаком в дверь — та задрожала. Услышав грохот, горбатая старушка, соседка, вышла на площадку.

— Это вы тут шумите? — спросила она слабым голосом.

— Доктор дома?

Она посмотрела на часы:

— В это время он гуляет с собакой.

— Вы знаете, где именно? — Натан пытался взять себя в руки.

— Не знаю, — пролепетала испуганная старушка, — но иногда он гуляет в... — конец фразы затерялся на лестнице, — в Бэттери-парке!

Натан сел в машину и нажал на газ, но движение в центре было плотное, и он ехал медленно, в потоке автомобилей. Проскочив на красный свет, повернул на Бродвей, — охваченный ужасом, ехал не разбирая дороги.

Бонни, радостно прыгающая на кровати, и лицо Мэллори в ореоле света — только они стояли перед глазами... В тот миг он подошел к жене и провел рукой по волосам, будто хотел прогнать этот проклятый ореол. Но свет не исчез... И он единственный видел его.

В районе Фултон-стрит Натан выскочил из машины, даже не заперев ее. Дальше пошел пешком и через несколько минут был на подступах к южной точке Манхэттена. Пересек аллеи, обсаженные со всех сторон деревьями, и вышел на дорожку, ведущую вдоль Гудзона. Стая чаек взмыла в небо. Он помчался по выступу вдоль реки. Людей здесь было не много: несколько человек совершали пробежку: какой-то старик воспользовался отсутствием паромов и расставил удочки вдоль причала. Несмотря на солнечную погоду, статуя Свободы, протягивающая факел к Стейтен-Айленду, была едва различима в тумане.

Наконец Натан заметил Гаррета: скрестив руки за спиной, тот спокойно выгуливал свирепого Куджо, который бежал впереди хозяина.

Натан закричал:

— Что все это значит?!

Гаррет обернулся — казалось, он не удивился, будто знал, что вся эта история закончится именно здесь и именно так.

— Думаю, вы прекрасно знаете, Натан.

— Но вы говорили другое, — запротестовал тот, поравнявшись с доктором, — вы говорили, что умереть должен я!

Гаррет покачал головой:

— Я этого никогда не утверждал. Это вы так считали.

— Нет, вы это говорили! Мне же не приснилось...

Натан вспомнил свой вопрос: *«...Не пытаетесь ли вы намекнуть, что пришли за мной?»* Поразмыслив, понял — Гаррет прав: доктор никогда не утверждал, что умрет именно он. Это было во время разговора в кафетерии больницы — Натану показалось тогда, что он услышал ответ. Но Гудрич уточнил: *«Я не говорил этого»*. Натан не обратил внимания на его замечание.

Другие слова Гудрича проносились сейчас в голове: *«...существуют люди, которые готовят тех, кто скоро умрет, к великому переходу в мир иной»; «роль Вестников заключается в том, чтобы облегчить расставание с телом»; «что-то вроде братства»; «мир населен Вестниками, только мало кто знает об их существовании»; «я не полубог, всего лишь человек, такой же, как вы»*.

Эти последние слова: *«...такой же, как вы»*. Натан вздрогнул. Все факты налицо, не может быть сомнений. Адвокат пристально посмотрел Гаррету в глаза.

— Вы пришли не затем, чтобы сообщить мне о смерти.

— Действительно, — покорно согласился доктор, — не поэтому.

— Вы хотели предупредить меня, что я стану Вестником, так?

Гудрич утвердительно кивнул:

— Да, я должен был посвятить вас в тайну. Подготовить вас к этой роли и убедиться, что вы способны ее исполнить.

— Но почему я?

Гаррет развел руками:

— Не пытайтесь понять то, чего нельзя объяснить.

Поднялся ветер... пришло время получить подтверждение, за которым он пришел.

— Мэллори умрет, да?

Гаррет положил руку ему на плечо и произнес очень мягким голосом:

— Да, боюсь, что так.

Натан яростно оттолкнул руку Гудрича.

— Но почему?! — закричал он в отчаянии.

Гаррет глубоко вздохнул:

— Первое испытание нового Вестника самое тяжелое: ему предстоит проводить к смерти самого близкого человека.

— Это подло! — закричал Натан и с угрожающим видом двинулся на доктора.

Несколько любопытных остановились поглазеть.

— Успокойтесь, не я устанавливал такие правила, — грустно произнес Гудрич. — Я сам прошел через это!

Тень Эмили мелькнула в его глазах, и ярость Натана утихла.

— Почему? — спросил он, обезоруженный. — Зачем нужно присутствовать при смерти той, которую любишь, чтобы стать Вестником?

— Так происходит всегда. Такова цена.

Натан взорвался:

— Какая цена?! У меня не было выбора!

Гаррет не согласился:

— Это неправда, Натан. Именно вы решили вернуться.

— Вы говорите ерунду!

Гудрич тепло посмотрел на Натана. Казалось, он перенесся на двадцать пять лет назад, когда ему, молодому врачу, предстояло подвергнуться такому же испытанию.

— Вспомните ваш опыт.

— Когда я был в коме после несчастного случая?

Натана словно током ударило — мысленно он вошел в туннель света.

— Что вы видели? — снова спросил Гаррет. — Что заставило вас вернуться в мир живых?

Натан опустил голову:

— Я видел лицо, лицо... у которого, казалось, не было возраста...

Да, теперь он вспомнил! Он снова стал восьмилетним мальчиком, увидевшим мягкое белое сияние смерти. Потом вдруг, в последний момент оказавшись по другую сторону, он почувствовал, что ему дали возможность выбрать — уйти или вернуться. И, чтобы помочь принять решение, послали видение — мимолетное, словно короткий отрывок будущего.

Это была та, которая спустя годы станет его женой. Внешне она выглядела по-другому, но он всегда знал, что это она. Она страдала; она была одна и звала его. Потому он и вернулся: чтобы быть рядом со своей женой, когда смерть придет за ней.

В третий раз Гаррет задал тот же вопрос:

— Что вы видели, Натан?

— Мэллори... Ей было страшно, она нуждалась во мне.

Слабые порывы ветра поднимали рябь на водной глади Гудзона. Туман рассеивался, залив постепенно открывался взору от Бруклина до Нью-Джерси. Натан Дель Амико шел пешком на север Манхэттена; он знал — предстоят очень тяжелые дни.

В голове у него все смешалось... Что он скажет Мэллори, когда будет рядом, не дрогнет ли, сумеет ли нести эту огромную ответственность, сможет ли выполнить свой долг?

В одном он был уверен — он окружит ее такой любовью, на какую только способен, — любовью глубокой и нерушимой, той, что всегда была и будет. Об остальном лучше не думать. Не думать, что произойдет потом, когда Мэллори не станет.

Сейчас он отдаст себя, свои мысли ей одной. Он станет ее маяком, провожатым, указывающим путь в последние минуты. Вестником, тем, кто возьмет ее за руку и проводит к порогу — туда, куда все мы придем.

Около церкви Тринити Натан ускорил шаг: его ждала женщина, которую он любил. И будет любить. Всегда.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)
[Оставить отзыв о книге](#)
[Все книги автора](#)

Сноски

Примечания

- 1
Пер. Э. Л. Линецкой.
- 2
«Радуйся, истинное тело» *(лат.)* — причастная песня в латинской церкви, на несколько голосов.
- 3
Книга Ветхого Завета, приписываемая царю Соломону. В буквальном прочтении — собрание любовных гимнов, раскрывающих взаимные чувства Соломона и Суламифи.
- 4
Актеры, исполнившие главные роли в фильме «Незабываемая любовь» (1957 г.).
- 5
Пер. К. А. Свасьяна.
- 6
Препараты, устраняющие состояние тревоги.
- 7
Пер. П. Вейнберга.
- 8
Один из самых известных горнолыжных курортов США; является также одним из самых живописных.
- 9
Дом Нормана Бейтса (герой болен психопатией) в фильме «Психоз».
- 10
«Она подобна радуге» *(здесь и далее англ.)*.
- 11
«Приятель! Я все-таки женщина!»
- 12
«Ревнивец».
- 13
«У тебя сеть друг».
- 14
«Туда, наверх, где нам и место».
- 15
Пер. Е. Савич.
- 16
Навсегда. Навеки.
- 17

«О девушке».

18
Здравствуйте! *(здесь и далее исп.)*

19
До скорого!

20
Очень хорошо.

21
Твое здоровье!

22
Который час?

23
Восхитительный.

24
«Детский уголок» *(здесь и далее англ.)*.

25
«Целуй меня крепче».

26
«Где-то там, над радугой...» *(здесь и далее англ.)*.

27
«Winter Wonderland» («Зимняя сказка») — известная рождественская песня в Америке.

28
Известный игрок в американский футбол; получил скандальную известность после того, как его обвинили в убийстве бывшей жены и ее любовника, но оправдали, несмотря на улики.

29
Уотергейтский скандал — политический кризис в США 1972–1974 годов, поводом для которого послужил инцидент с использованием подслушивающей аппаратуры в отеле «Уотергейт».

30
Пер. Ю. Корнеева.

31
Сколько это стоит? *(здесь и далее исп.)*

32
Два доллара.

33
Духовные песнопения афроамериканцев.